

Л. А. Буторина

ЗАВАРИЦКИЙ
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ:
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Миасс
2006

УДК 551(092)

ГЗ4(03)

Буторина Л. А. Заварицкий Александр Николаевич: жизнь и деятельность. Миасс: «Геотур». 2006. 253 с.

ISBN 5-89204-102-6

14 марта 2004 года исполнилось 120 лет со дня рождения академика, доктора геолого-минералогических наук А. Н. Заварицкого, выдающегося ученого с мировым именем. Об А. Н. Заварицком к настоящему времени известно 170 публикаций, полный список которых представлен автором впервые. Автор проследила по документам и напечатанным работам А. Н. Заварицкого точную хронологию его деятельности. В книге впервые объединены документы по организационной деятельности Александра Николаевича, выявленные автором в архивах страны, воспоминания его детей и коллег, которые раскрывают перед читателем подлинный облик Ученого и Человека.

Книга представляет интерес для геологов, историков науки, студентов геологических и географических специальностей высших учебных заведений, преподавателей естественных дисциплин, краеведов и широкого круга читателей, которые интересуются историей жизни замечательных людей нашей России.

Научный редактор к.г.-м.н. Потапов С. С.

Рецензент д.г.-м.н. Кориневский В. Г.

ISBN 5-89204-102-6

Электронная версия: URL:<http://w.ilmeny.ac.ru/biblio/pb.asp?Id=71>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заварицкий Александр Николаевич (14.03.1884–23.07.1952) – геолог-петрограф, академик с 1939 года. По окончании Горного института в Петербурге (1909) работал до 1940 года там же. В 1915–1935 годах – сотрудник Геологического комитета (ныне ВСЕГЕИ). С 1933 г. работал в системе Академии наук СССР, директором Института геологии; 1944–1952 годы – директором Лаборатории вулканологии. Академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР (1946–1949).

Александр Николаевич выполнил фундаментальные исследования, посвященные, главным образом, региональной и теоретической петрографии, изучению рудных месторождений и вулканизма. Большое внимание уделял проблеме образования колчеданных месторождений. Основоположник новой научной отрасли – петрохимии. Предложил метод пересчета результатов химических анализов и применил новый тип диаграмм, на которых графическим путем изображаются характерные особенности химизма горных пород. Усовершенствовал универсально-оптический метод исследования минералов в тонких шлифах. Автор нескольких учебников по прикладной и теоретической петрографии.

Неутомимый характер был у академика. Его можно было увидеть на Кавказе, на Камчатке, в Казахстане. Он был не только исследователем рудных месторождений. Изучал потухшие вулканы Армении, Камчатско-Курильской дуги. Но с самого начала научной деятельности Александр Николаевич Заварицкий особое внимание уделял сокровищнице страны – Уралу, главные рудные месторождения которого получили в его трудах новое и полное освещение. Его исследования охватывают Уральский хребет почти на всем протяжении, начиная от полярных и северных районов и кончая южными отрогами. На Урале, в Уфе, родился и учился в гимназии; работал в Башкирии, Свердловской области (Нижний Тагил), в Челябинской области (Магнитогорск, Карабаш, Бакал, Сатка, Златоуст).

Впервые Миасс и Ильмены Заварицкий исследовал в 1909 г., а затем многократно бывал здесь в экспедициях. С 1918 по 1922 и с 1926 по 1929 гг. проводил геологическую съемку северной части Миасского района. К 17 Международному геологическому конгрессу (1937 г.) им был подготовлен краткий геологический и петрологический очерк Ильменского заповедника с подробной картой территории. Эта книга увидела

свет в 1939 г. и до сих пор является незаменимой для всех исследователей Ильмен. Осуществилось пожелание ученого, высказанное во введении к книге, что «собранный фактический материал будет полезным для следующих, более счастливых исследователей». Несколько военных лет Александр Николаевич Заварицкий провел в Миассе, помогая консультациями геологам заповедника и треста «Миассзолото».

Автором собран обширный материал публикаций об Александре Николаевиче Заварицком. Этот материал был положен в основу создания данной книги. Краткие биографические статьи изданы в 22 энциклопедиях различного направления, 21 статья о жизни и деятельности ученого опубликована в журналах Академии наук в связи с юбилейными датами. Об организаторской деятельности Александра Николаевича рассказано в 11 публикациях, научная деятельность академика и значение его работ для геологии проанализированы в 59 работах различных геологических изданий. О том, как сохраняется память о Заварицком А. Н., автор узнала из 12 публикаций. В 10 научно-популярных изданиях рассказано о различных аспектах деятельности ученого, и только 9 работ мемуарного жанра раскрывают личность выдающегося ученого.

Значительную долю материала об организационной деятельности Александра Николаевича на Урале автор выявила в архивах Ильменского заповедника, Златоуста, Челябинска, Екатеринбурга. Собран документальный материал о пополнении А. Н. Заварицким фондов ряда геологических музеев. В сборе данного материала автору помогали: Гирина Ольга Алексеевна, научный сотрудник Института вулканологии ДВО РАН, г. Петропавловск-Камчатский; Рахова Светлана Васильевна, главный хранитель ЦНИГРИмузея и Качурина Жанна Даниловна, библиотекарь ВСЕГЕИ, г. Санкт-Петербург; Русакова Татьяна Алексеевна из музея Горного института (С.-Петербург). Большую помощь оказали юные геологи г. Миасса под руководством Ирины Михайловны Панфиловой.

Но больше всего документов подарены автору детьми Александра Николаевича Заварицкого, с которыми ей посчастливилось много лет встречаться и узнать от них о личной жизни ученого. Это прежде всего Марианна Александровна Заварицкая из Москвы. Воспоминания написали Владимир Александрович и Татьяна Александровна Заварицкие из Санкт-Петербурга, данные по родословной Заварицких дополнил внук академика, Александр Дмитриевич Заварицкий. Все они читали и редактировали по мере возможности статьи данной книги. Автор благо-

дарен им за разрешение публиковать эти бесценные материалы.

Автор благодарит главного научного сотрудника лаборатории региональной минералогии ИМин УрО РАН д.г.-м.н. Кориневского Виктора Григорьевича, старшего научного сотрудника лаборатории минералогии техногенеза и геоэкологии ИМин УрО РАН Потапова Сергея Сергеевича за ценные замечания и исправления.

Автор благодарит сотрудников Отдела геоинформационных технологий Института минералогии УрО РАН г. Миасса, и его заведующего к.г.-м.н. Теленкова Олега Сергеевича, за техническую помощь в издании данной книги.

Особо благодарен автор Тарабанько Ольге Федоровне, взявшей на себя тяжелый груз корректирования текста.

ДЕТСТВО и ЮНОСТЬ

Из воспоминаний Владимира Александровича Заварицкого:

«О своей родословной Александр Николаевич Заварицкий никогда никому не рассказывал. Возможно, он и не знал ее полностью. Однако кое-что он, несомненно, слышал от своих родителей. Однажды, в начале 1930-х годов, в разговоре с преподавателем кристаллографии Ленинградского горного института Вадимом Владимировичем Доливо-Добровольским (1904–1936), Александр Николаевич сказал: «А ведь мы с Вами какие-то дальние родственники. Кажется, мои предки-мужчины женились на женщинах Вашего рода, а женщины выходили замуж за Ваших мужчин». Разговор этот не имел продолжения. Время было такое, что говорить о предках было не принято и, в известной мере, даже опасно».

РОДОСЛОВНАЯ (написана по материалам семейного архива В. А. Заварицкого М. А. Заварицкой, А. Д. Заварицкого. Литературная обработка В. А. и А. Д. Заварицких).

Своими корнями род Заварицких уходит в далекое прошлое. По семейному преданию *Заварицкие произошли от одного опального польского шляхтича, высланного из Галиции в Московию очень давно, чуть ли не во времена Ивана Грозного*. В разное время об этом рассказывали родители Александра Николаевича и его родные сестры, Ольга и Ирина. Однако только в последние годы семейная легенда стала подтверждаться архивными материалами.

Первым Заварицким, упомянутым в архивных документах, был **Михаил**, шляхтич, проживавший в Козелецком округе Киевской губернии. Доподлинно известно, что у Михаила Заварицкого было три сына – Никифор, Емельян и Иван, а также дочь Варвара. О двух последних сведений совсем мало. В одном из документов сказано, что Иван – *шляхтич, по болезни не служил*, а Варвара 16 лет от роду вышла замуж за пензенского мещанина Ивана Егоровича Павлухина и тем самым лишила своих будущих детей прав на потомственное дворянство.

Старший сын Михаила Заварицкого – Никифор родился в 1762 г. В том же году император Петр 3 издал «*Манифест о даровании вольности и свободы всероссийскому дворянству*», который положил начало привилегиям дворянского сословия. Это позволило в дальнейшем улучшить жизнь большого количества мелкопоместных и беспоместных представителей «бла-

городного правящего сословия», к которым и принадлежала семья Заварицких.

Екатерина Вторая, взошедшая на престол 28 июля 1762 г., поначалу была не чужда либеральных взглядов, чему содействовала ее дружба с Вольтером и Дидро. Однако Пугачевский бунт 1773–1774 г. резко изменил отношение императрицы к устройству государства; она сделала окончательный выбор в пользу привилегированного класса.

В 1773 г. произошел первый раздел Польши. Михаилу Заварицкому стало ясно, что будущее своих подрастающих сыновей можно обеспечить только через дворянские привилегии, для получения которых надо верой и правдой послужить России, что являлось в то время весьма почетным. Большинство дворян вменяло себе в неременную обязанность хотя бы непродолжительное время отслужить в армии или гвардии.

21 апреля 1785 г. выходит в свет *«Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства»*, которая вместе с другими указами Екатерины Второй завершила процесс формирования российского дворянства как привилегированного сословия. Согласно Жалованной грамоте в каждой губернии учреждалось Дворянское депутатское собрание, в каждой губернии должна быть дворянская родословная книга, каждый дворянин должен был внести свое имя и звание в дворянскую родословную книгу той губернии, где находилось его имение.

К моменту появления Жалованной грамоты Михаил Заварицкий, вероятно, умер, но его старший сын Никифор уже в течение 5 лет находился на государственной службе в Тамбове и имел чин губернского секретаря (12 кл.). Брат Никифора – Емельян, родившийся в 1768 г., готовился поступить на военную службу. В 1787 г. он начинает служить в лейб-гвардии Измайловском полку фурьером, а в 1789 г., получив от Екатерины Второй звание подпоручика, переходит на гражданскую службу.

В 1786 г. Никифор Заварицкий получает чин титулярного советника (9 кл.). Емельян получает тот же чин в 1792 г., и братья начинают готовить документы в Пензенское Дворянское депутатское собрание с целью официального признания их благородного происхождения. Следует сказать, что никто в окружении братьев не сомневался в их дворянском происхождении. Об этом говорят и сроки их службы. В 1790 г. Екатерина Вторая установила правила производства в чины: «1) до 8 класса производить в следующий чин тех, кто служил не менее 3 лет в прежнем чине, 2) недворян производить из коллежских секрета-

рей (из чина X класса) в следующий чин тех, кто выслужил 12 лет». Никифор же получил чин 9 класса через 6 лет от начала службы, Емельян – через 5.

В марте 1793 г. Никифор и Емельян Заварицкие подготовили для передачи в Пензенское Дворянское собрание *Свидетельство* дворян Киевской губернии, Козелецкого округа (12 штаб- и оберофицеров) в том, что *титулярный советник Никифор и подпоручик Емельян Михайловы, дети Заварицкие, подлинно из дворян, что отец и дед их вели благородную жизнь и состояние, и службу, сходственную с дворянским названием*. Формулировка документа, который должен был явиться важным доказательством благородного происхождения братьев, в точности соответствовала 92 статье Жалованной грамоты Екатерины Второй. Документов, подтверждающих древнее дворянство рода Заварицких (за предыдущие 100 лет), у Емельяна и Никифора не было. Но было достаточно для доказательства дворянства иметь: 1) родословную книгу; 2) владение деревнями; 3) послужной формулярный список; 4) свидетельство 12 благородных дворян о благородии соискателя.

Старшим офицером, подписавшим братьям упомянутое *Свидетельство*, был комендант Киева, генерал-майор Филипп Лаврентьевич Вигель. 19 января 1794 г. Никифора и Емельяна Заварицких вносят в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии. Для полного соответствия *дворянскому названию* еще в 1792 г. Никифор приобретает имение в селе Воскресенском Пензенской округи за 3000 рублей, а Емельян в 1793 г. – *пашенную землю, две четверти со всеми угодьями* в деревне Альшанке – за символическую сумму в 10 рублей.

На этом утверждение братьев Заварицких в дворянском достоинстве приостанавливается почти на 10 лет. Дворянского диплома и герба они по-прежнему не имеют. Однако с воцарением на престоле Александра 1 дело Заварицких получает продолжение.

По предложению всесильного сенатора Н. П. Румянцева в 1801 г. бывший комендант Киева Ф. Л. Вигель назначается губернатором Пензы и получает высокий чин тайного советника. В это же время братья Заварицкие возобновляют хлопоты по получению ими дворянского диплома и герба.

14 июля 1803 г. Александр Первый подписывает Жалованную грамоту Никифору и Емельяну Заварицким, в которой написано следующее:

«...*Никифора и Емельяна Заварицких* в вечные времена в честь и достоинство НАШЕЙ Империи Дворянства *постановля-*

ем и подтверждаем и в число прочаго Всероссийской Империи Дворянства таким образом включаем, чтоб *им и потомству их* по нисходящей линии в вечные времена всеми теми вольностями, честью и преимуществом пользоваться, которыми и другие НАШЕЙ Всероссийской Империи Дворяна по НАШИМ правам, учреждениям и обыкновениям пользуются.

Для вящшаго же свидетельства, и в признаке сей НАШЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ милости, *и подтверждения* в Дворянском достоинстве, жалует им *Никифору и Емельяну Заварицким* нижеследующий Дворянский герб ... Александр».

Таким образом, в 1803 г. дети Михаила Заварицкого – Никифор и Емельян из шляхтичей окончательно стали русскими дворянами. Каждый из братьев основал свою ветвь рода.

Емельян Михайлович Заварицкий (1768–1827), прадед Александра Николаевича, в 1787 г. поступил на службу в лейб-гвардии Измайловский полк и, получив от Екатерины Второй военное звание подпоручика, в 1789 г. перешел на гражданскую службу. В 1792 г. получил чин титулярного советника. В 1797 г. назначен городничим в г. Краснослободск. В 1806 г. получил чин коллежского советника. В 1818 г. по предписанию гражданского губернатора Пензы М. М. Сперанского *«составил надлежащий распорядок в производстве работ, проводимых казенным бриловским винокуренным заводом, со значащею пользою для казны, в 1821 г. обревизовал Наровчатские уездные и земские суды в подробности и запущенной части дал дальнейшее течение с успехом и признательностью начальства губернии...»*. В том же году определен в Пензенское губернское правление советником, в 1824 г. назначен губернским прокурором, а в 1827 г. – председателем Пензенской гражданской палаты. Награжден орденами Св. Владимира 4 степени (1817) и Св. Анны 2 степени.

Семья у него была большая: жена Матрена Васильевна, пять сыновей – Александр, Николай, Никифор, Михаил, Павел и три дочери – Елена, Лукья и Наталья. О дочерях сведений почти нет. Четверо братьев лучшие годы своей жизни отдали службе в армии, только старший, Александр, изначально, 14 лет от роду поступил на гражданскую службу.

Александр Емельянович Заварицкий (1795 – не ранее 1854), дед Александра Николаевича, в 1809 г. поступил на службу в Саратовскую казенную палату губернским регистратором. В 1816 г. получил чин губернского секретаря (12 кл.). В 1821 году определен в департамент Министерства юстиции. В 1822 г. произведен в титулярные советники (11 кл.), а в 1826 г. – в

коллежские ассессоры (8 кл.). С 1827 г. служит Симбирским губернским прокурором, в 1835 г. получает чин надворного советника (7 кл.), в 1836 – коллежского советника (6 кл.). 19 февраля 1837 г. Александр Емельянович назначается вице-губернатором Великого Новгорода и с этого дня начинает заниматься финансово-хозяйственной деятельностью.

Как известно, в первой половине 19 века в России во многих губерниях стали развиваться промышленное хозяйство и предпринимательство. Появились сотни сахарных и винокуренных заводов. С 1837 по 1842 г. за *успешное и усердное исполнение возложенного по Высочайшему повелению поручения по экстренному заготовлению вина* (что являлось важной статьей дохода государства), Александру Емельяновичу неоднократно объявляется *Монаршее Его Императорского Величества благоволение*. В 1838 г. Александр Емельянович получает чин статского советника.

По-видимому, для улучшения положения дел, связанных с винокурением, Александр Емельянович переводится в Вятку на ту же должность – вице-губернатора, и с 1842 г. служит председателем Вятской казенной палаты. И снова – *Монаршее благоволение, благодарности и ордена*. Александр Емельянович получает чин действительного статского советника (4 кл.), а спустя четыре года его *перемещают* председателем казенной палаты в Казань (1846). В награду *отличных трудов и усердной службы* Александр Емельянович Заварицкий был награжден шестью орденами: Св. Анны 2-й и 3-й степеней (1825, 1836); Св. Владимира 3-й и 4-й степеней (1832, 1840) и Св. Станислава 1-й и 2-й степеней (1834, 1845).

Александр Емельянович был женат на **Ольге Флоровне** (1808–1888), дочери тайного советника Флора Осиповича Доливо-Добровольского, героя Отечественной войны 1812 г. От этого брака родились дети: Ольга, Дмитрий, Екатерина, Николай, Надежда, Александр. О четырех из них никаких сведений нет. Дмитрий Александрович Заварицкий (1832–1907), **дядя** Александра Николаевича, был государственным служащим, с 1859 г. – титулярный советник (9 кл.), затем коллежский ассессор (8 кл.). У него было пять сыновей; Борис и Андрей до революции служили в Министерстве путей сообщения, Анатолий и Федор были юристами, Дмитрий был военным, подполковником, представителем Главного штаба в Иркутске. Екатерина (1835 – не ранее 1900). **Тетя** Александра Николаевича шести лет была отдана в училище Св. Екатерины, впоследствии была замужем

за Безобразовым. Овдовев, последние годы жизни жила у своего брата Николая – **отца** Александра Николаевича.

РОДИТЕЛИ

Заварицкий Николай Александрович (1836–1922). Отец Александра Николаевича родился в Санкт-Петербурге в 1836 г., о чем в метрической книге церкви на Моховой улице записано: «... у служащего в Департаменте Министерства Юстиции Коллежского Советника Александра Емельянова Заварицкого и законной жены его Ольги Флоровны от 1 брака сын Николай родился 19 и крещен 29 числа сентября 1836 года».

О том, как Николай Александрович попал в Уфу, неизвестно. В 1860 г. Николай Александрович был внесен во 2 часть дворянской родословной книги Уфимской губернии. В это время Николаю Александровичу было 24 года.

Всю жизнь Николай Александрович находился на государственной службе. Вначале он получил чин коллежского секретаря (10 кл.), а к концу службы – коллежского асессора (8 кл.). В Уфе государственную службу он начал с выборной должности «мирового судьи». Мировые судьи избирались местным дворянством из лиц, достаточно обеспеченных. Функции их были довольно ограниченными. Они разбирали гражданские дела по искам на небольшую сумму (до 500–1000 рублей). После реформы 1889 г. функции мировых судей были переданы «земским начальникам». Тогда уфимским губернатором Николай Александрович и был назначен на новую, более высокую должность «земского начальника», на которой он и прослужил до 1917 г. Функции земского начальника были уже более широкими, чем мирового судьи. Кроме судебной власти он осуществлял и административную. По существу это был начальник «Земской управы» – основного органа местного самоуправления.

В Уфе у него был свой дом, одноэтажный, но достаточно большой (9 окон по фасаду). При доме – большой сад и флигель. В 35 верстах от Уфы – небольшое поместье около деревни Охлебинино, где Николай Александрович занимался сельским хозяйством, организовал сельскую школу и земскую больницу. В Охлебинино у Заварицких было несколько деревянных одноэтажных и двухэтажных зданий, складские помещения. В урожайные годы скупалось зерно и хранилось в них, в неурожайные – продавали его с выгодой. Кроме того, некоторое время Николай Александрович владел лесной пристанью на реке Белой около станции Улубеляк Самаро-Златоустовской ж. д. В то время в Башкирии велись заготовки древесины ценных лист-

венных пород (дуб, ясень, клен), и лесная пристань определенно приносила семье Заварицких неплохой доход.

Возможно, именно с сельскохозяйственным занятием связаны поездки Николая Александровича на юг во время русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) по служебным (интендантским) делам. Там происходит его романтическое знакомство с «сестрой милосердия», **Ириной Ильиничной Филаретовой (1854–1936)**. Предположение о том, что они были знакомы еще до войны, маловероятно, учитывая большую разницу в возрасте и в социальном положении. Ирина Ильинична, дочь простого дьячка, лишь в 20-летнем возрасте обучилась грамоте и окончила фельдшерскую школу, но в течение всей своей долгой жизни (82 года) занималась самообразованием, а веру в Бога несла свято, и где бы ни жила, храм Божий посещала ежедневно, преодолевая большие расстояния. Разница – почти 20 лет – в возрасте и в социальном положении не испугали Николая Александровича, который полюбил Ирину Ильиничну, и в Уфу они вернулись вместе. Повенчаны же Заварицкие были значительно позже, в **1891** году, когда у них росли сыновья: Александр (1884–1952), Дмитрий (1885–1979), Владимир (1886–1965), Николай (1887–1919) и дочери: Ольга (1889–1981) и Ирина (1890–1976). Через три года после венчания в семье Заварицких родился еще один сын, Георгий (1894–1917), был сын Иван (умер в младенчестве).

После октябрьских революционных событий 1917 г. Николаю Александровичу и Ирине Ильиничне грозил арест, и только вмешательство народного комиссара А. Д. Цюрупы спасло старших от неминуемой гибели. А. Д. Цюрупа, член РСДРП с 1898 г., проводил в Уфе много лет подпольную, а с февраля 1917 г. и открытую партийную организационную работу. Он некоторое время жил во флигеле, который Заварицкие сдавали в наем. А. Д. Цюрупа, конечно, хорошо знал Заварицких, и его ходатайство помогло. Семью оставили в покое с условием, что все свое имущество они *подарят* Советской власти, что и было позднее выполнено. В доме Заварицких долгое время после отъезда семьи был детский сад (улица Ленина, 48). В настоящее время на месте дома Заварицких находится Дворец культуры нефтяников.

28 января 1922 г. Николай Александрович в возрасте 85 лет умер. Ирина Ильинична до последних дней своей жизни жила у старшего сына, Александра Николаевича, в Ленинграде, постоянно читая Библию и не желая входить в этот новый, непонятный и не принятый ею мир.

Владимир Александрович рассказывает:

«Ирина Ильинична в семье Заварицких, несомненно, играла главенствующую роль. Об этом говорили все, кто знал эту семью. Детям она давала спартанское воспитание, но, вместе с тем, окружала их большой любовью и нежностью. Все ее очень любили и побаивались. Слушались беспрекословно. Ирина Ильинична была очень энергичной и инициативной женщиной с твердым характером. Воспитанная в среде духовенства, она была глубоко религиозна. Посещение церкви считала для себя святой обязанностью. Даже в преклонном возрасте, когда она жила у сына в Горном институте, Ирина Ильинична старалась регулярно посещать еще действующую тогда церковь «Киевское подворье», которая находилась в двух кварталах от Горного института. Всю жизнь мечтала попутешествовать по «святым местам», но ей удалось только несколько раз в начале XX столетия посетить Новый Афон на Кавказе. Там она познакомилась и подружилась с настоятелем монастыря, купила небольшой участок земли и увлеклась выращиванием цитрусовых. За особый сорт мандаринов получила на одной из выставок диплом. Этот диплом и большой, архиерейский, крест – подарок от настоятеля монастыря – вот и все «трофеи» путешествия богатой богомолки по святым местам.

Недостаток в образовании Ирины Ильиничны компенсировался жизненным опытом, ее прагматичностью, здравым смыслом. В трудные минуты жизни Александр Николаевич всегда находил моральную поддержку у матери. Когда он был особенно раздражен и утомлен институтскими неурядицами, Александр Николаевич приходил в комнату Ирины Ильиничны и молча сидел до тех пор, пока не успокаивался». Сам Владимир Александрович в подобных случаях нередко сидел у своей бабушки, которая обычно заставляла его читать Библию.

Несколько слов скажем о **братьях и сестрах** Александра Николаевича. **Георгий Николаевич** прожил 23 года, еще будучи студентом скончался от тифа, **Иван** умер в младенчестве, **Дмитрий Николаевич** прожил 94 года, **Ольга Николаевна** – 92, они были врачами. Дмитрий Николаевич окончил медицинский факультет Петербургского университета, в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. был военным врачом, потом врачом в Ленинграде, много лет работал в «Скорой помощи». В годы Великой Отечественной войны оставался в блокадном Ленинграде, после войны работал районным участковым врачом. Был весьма образованным человеком. Знал

несколько иностранных языков. Ольга Николаевна – врач-педиатр, окончила в Петрограде Бестужевские курсы, работала детским врачом, защитила кандидатскую диссертацию. В годы Великой Отечественной войны жила и работала в блокадном Ленинграде врачом в детской клинике Института костного туберкулеза. Перед войной вышла замуж за профессора Ленинградского института, экономиста Александра Фроловича Зайцева, умершего в блокаду. **Владимир Николаевич** жил 79 лет. Окончил Московский университет. По специальности – почвовед. Работал научным сотрудником Почвенного института им. В. В. Докучаева АН СССР, кандидат геолого-минералогических наук, ответственный секретарь журнала «Почвоведение». Женат был на Ольге Александровне Волжиной (1892–1975). Их сын Николай Владимирович Заварицкий (1925–1998) был физиком, профессором, доктором наук. Работал под руководством академика П. Л. Капицы в области сверхпроводимости и сверхнизких температур. **Ирина Николаевна** тоже прожила долгую жизнь – 86 лет; она работала химиком, увлекалась музыкой и пением. Химиком был и **Николай Николаевич**, он преподавал в Санкт-Петербургском университете, который окончил, но жил недолго, умер в возрасте 32 лет от воспаления легких. Был женат на Надежде Семеновне Уваровой (1891–1964). Их дочери-близнецы Ольга и Надежда тоже получили высшее образование по химии.

РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

Зная, что родные в Казани (мать и семья старшего брата) не одобряют такой неравный брак, Николай Александрович долго не решался познакомить Ирину со своей матерью. В 1884 г. Николай Александрович все-таки на это решился. Они выехали в Казань, но по дороге, в какой-то деревушке, родился **Александр Николаевич**. Обычной метрики, т.е. выписки из метрической книги, не было, а запись о крещении произведена «в церкви во имя Богородицы Неопалимой Купины», которая была при Казанской Земской больнице, куда попала Ирина. В книге этой церкви зафиксировано, что Александр Заварицкий родился 2 марта (по старому стилю) 1884 г. «Родители его Николай Александров Заварицкий, коллежский асессор, и законная его жена Ирина Ильина, оба вероисповедания православного» и сын их «крещен четвертого марта 1884 года, воспитанниками при крещении были студент Казанского Ветеринарного института IV курса Николай Яковлев Вицинский и казанская мещанка Татьяна Григорьевна Степанова».

Этот документ был получен в июне 1891 г. после судебного разбирательства, когда Николай Александрович был вынужден обратиться в суд, так как Александру нужно было поступать в гимназию, а метрики у него не было. В этом документе точное место рождения не указано, по-видимому, суд того времени не посчитал это важным. Впрочем, в большинстве метрических свидетельств, выданных до революции 1917 г., о месте рождения можно судить только по месту расположения церкви, где происходило крещение. Вероятно, поэтому в некоторых архивных документах указывается Казань как место рождения Александра Николаевича.

Название той деревушки, где происходили роды, родным, конечно, было известно. Кажется, даже когда-то оно упоминалось в семье, но со временем в памяти родных было утеряно.

Александр Николаевич всегда говорил, что он родился в Уфе, и это же он указывал во всех анкетах и других официальных документах. Это было вынужденное отступление от истины. Он не хотел привлекать внимание к необычным обстоятельствам своего рождения, к своим родителям, семье деда, особенно после 1917 г. Время было такое.

В 1886 г. родители Александра и Дмитрия решили обвенчаться, но и тогда дворянская семья Заварицких не приняла невестку более низкого сословия, о причинах можно только догадываться. Ирина Ильинична много и долго хлопотала о восстановлении дворянского звания первым своим сыновьям, им необходимо было уже получать образование, а документа о принадлежности к сословию не было. По-видимому, родственники из Казани отказались помочь ей в хлопотах, и отношения между семьями Заварицких продолжали быть разорванными.

Но в 1891 г. справедливость восторжествовала. Заварицким было выдано свидетельство (копия находится у детей Александра Николаевича): «По указу Его Императорского Величества и на основании бп., 261ст. т. IX Свода Законов, изданного в 1876 г. при Уфимского Дворянского Депутатского Собрания сыну Коллежского Ассессора Николая Александровича Заварицкого, – Александру, родившемуся 2 марта 1884 года, в том, что он, Александр Николаевич Заварицкий, по определению Уфимского Дворянского Депутатского Собрания на 3 ноября 1891 года причислен к дворянскому роду отца его, утвержденному в дворянском достоинстве указом Департамента Герольдии Правительствующего Сената от 25 августа 1860 г. за №

7400 и внесен во 2 часть дворянской родословной книги Уфимской губернии, что удостоверяется подписями и приложением печати. Ноября 30 дня 1891 года. Свидетельство это установленным гербовым сбором оплачено. Подлинное подписали: И. О. Губернского Предводителя Уфимский Уездный Предводитель Дворянства Раль; Депутат Дворянства Павловский; Секретарь Дворянства Вавилов. Печать Уфимского Дворянского Депутатского Собрания»

УФА

Город Уфа построен в 1573 г. при царе Иване Грозном. По преданию на месте нынешнего поселения и прежде был большой татарский город. Сначала Уфа была провинциальным городом Казанской губернии, затем Оренбургской, и, наконец, в 1782 г. назначена губернским городом. Внутренним устройством Уфа ничуть не отличалась от других губернских городов и не могла похвалиться достопримечательностями. В ней насчитывалось домов – 4 726 (286 каменных), 27 православных церквей, Воскресенский кафедральный собор, 2 монастыря: Успенский мужской и Благовещенский женский; римско-католическая церковь, 2 магометанских мечети. Были и учебные заведения: 2 мужских гимназии, реальное училище, Новиковский дворянский пансион для девиц, 2 женских гимназии (одна Мариинская, в которой учились сестры Заварицкие), землемерное училище, духовная семинария, 2 духовных училища (мужское и женское), учительская семинария, Александровское ремесленное училище (мужское и женское), 2 женских прогимназии, уездное училище, средне-техническое заведение, частная женская профессиональная школа, городское 2-классное училище, Мариинское 2-классное приходское, фельдшерско-акушерская школа, несколько низших начальных и церковно-приходских школ, Русско-Черемисское 2-классное, Русско-Татарское при магометанском приюте, русский класс при медресе, башкирский женский приют, училище для глухонемых, 9 благотворительных заведений.

Работали в Уфе благотворительные и ученые общества. В 1864 г. в Уфе был открыт губернский музей, который состоял из отделений: сельскохозяйственного, лесного, горнозаводского, минералогического, археологического, палеонтологического, этномологического, зоологического, нумизматического и исторического. Была богатая городская библиотека. Выходили периодические издания – официальные: «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости», и частные: «Вестник Уфы», «Уфимский край». Работал городской театр.

В Уфе было 7 банков и их отделений, биржа, гостиницы: «Большая Сибирская», «Россия», «Северные номера», «Сибирское подворье». Между городами Уфой, Казанью, Нижним Новгородом по рекам Белой, Каме и Волге совершали рейсы пароходы 4 товариществ.

Город Уфа занимал видное торгово-промышленное место не только в самой Уфимской губернии, но и во всем вообще Приуралье, но с тех пор, как была проведена Самаро-Златоустовская железная дорога, город успел утратить эту роль и обороты его по торговле успели упасть весьма сильно.

На станцию Уфа ежегодно приходило значительное количество зернового хлеба и мучных продуктов. Хлеб шел затем далее по реке Белой, а мучные продукты потреблялись почти исключительно на месте. При станции устроены керосиновые баки, откуда снабжали керосином местности по направлению к Челябинску.

В Уфе имелось 30 фабрично-заводских предприятий с общей производительностью в полмиллиона рублей в год. Среди них особенно выделялись производства: воско-свечное, пиво-медоваренное, лесопильное, мукомольное, канатное и конфетное.

ГИМНАЗИЯ

Учиться Саня Заварицкий начал в 1890 г. шести лет от роду. Это было домашнее обучение. Кто занимался с ним, достоверно неизвестно. В большинстве дворянских семей того времени были гувернеры и гувернантки, но Ирина Ильинична едва ли доверяла воспитание детей постороннему человеку. Сама она не могла с ними заниматься, так как окончила только фельдшерскую школу. Вероятнее всего с детьми занималась сестра Николая Александровича – их тетя Екатерина Александровна Безобразова, которая получила хорошее образование. Она, овдовев, жила в семье Заварицких. Александр Николаевич изредка с особой теплотой вспоминал «тетю Кэт», но никогда не рассказывал о ее роли в семье. Фотографии Екатерины Александровны, как в молодом, так и в пожилом возрасте, сохранились до настоящего времени в семьях ее племянников.

В 1893 г. Саня вместе со своим братом Митей, который только на год был младше его, поступает в подготовительный класс Уфимской губернской гимназии, а с 1894 по 1902 гг. они проходят все восемь классов. Из всех учебных заведений Уфы эта мужская гимназия была наиболее престижной, в ней преподавали опытные и образованные педагоги. Кроме того, гимназия находилась сравнительно близко от дома Заварицких. На

дорогу у мальчиков уходило 20–30 минут. В настоящее время на месте дома Заварицких находится Дворец культуры нефтяников, а здание гимназии, частично перестроенное, является одним из корпусов Медицинского института.

Еще в начале 19 века Оренбургское дворянство постановило: возбудить ходатайство об открытии в Уфе гимназии. Продолжительные ходатайства увенчались успехом.

23 (11-го по старому стилю) ноября 1828 г. впервые открылись двери Уфимской мужской правительственной гимназии. Ее порог переступили 15 юношей. Торжественным было открытие нового здания гимназии по улице Большой Ильинской № 53. Через четыре года состоялся первый выпуск гимназии. Для всего приуральского края, при его отдаленности, событие это имело особую ценность.

Здание гимназии, в котором учился Александр Заварицкий, состояло из корпуса и двух флигелей. В верхнем этаже корпуса была церковь, 13 классных комнат (8 для основных, 4 для параллельных, 1 для подготовительного класса), гимназический зал и приемная. Нижний же этаж был занят пансионскими помещениями, библиотекой, квартирой эконома и заведующего метеорологической станцией. Во флигелях располагались квартиры директора, инспектора, двух воспитателей и канцелярия.

Из архивных документов известно, что примерно в то время, когда в гимназии учились братья Заварицкие, в штате гимназии состояли: Почетный попечитель – 1, директор – 1, инспектор – 1, законоучители и вероучители – 3, учителей различных наук и иностранных языков – 17, учитель рисования и чистописания – 1, гимнастики – 1, музыки – 1, помощники классных наставников – 4, воспитатель – 1, других должностных лиц – 6 человек.

Остается неизвестным главное, каким предметам обучали Саню в гимназии, и кто преподавал в то время каждый предмет. Директором гимназии с 1878 по 1919 гг., когда в ней учились Заварицкие, был В. Н. Матвеев, но и о нем пока нет сведений.

О преподавателях гимназии вообще, т. е. в разные годы ее существования, кое-что известно. Уфимская гимназия была комплектована лучшими педагогами. Некоторые из них начали изучать местный край, сотрудничать в прогрессивной прессе. Преподаватель Хохряков был в России первым биографом М. Ю. Лермонтова, воспитатель гимназии Комаров известен как участник экспедиции Пржевальского в Азии, а преподаватель

Синицын путешествовал с известным англичанином Стэнли по Африке.

Гимназия не была закрытым учебным заведением, куда принимали только детей дворян, в ней учились дети из разных сословий. В начале 20 века социальный состав учеников гимназии (более 500 человек) был представлен так: потомственных дворян – 10 %; личных дворян и чиновников – 36 %; из духовного звания – 7 %; почетных граждан и купцов – 10.5 %; мещан и цеховых – 21 %; крестьян – 10.5 %; иностранцев – 5 %. Различался состав гимназистов и по вероисповеданию: православного – 84.6 %; римско-католического – 3.4 %; армянского – 0.2 %; иных христиан – 3.4 %; иудейского – 4.6 %; магометан – 4 %. С января 1907 года плата за обучение устанавливалась 60 рублей в год.

Заканчивали гимназию далеко не все. Требования по успеваемости были жесткими. Выпускниками гимназии были многие известные люди России: художник Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), врач-офтальмолог Одинцов Виктор Петрович (1876–1938), доктор юридических наук Венедиктов Анатолий Васильевич (1887–1959), геоботаник Овчинников Павел Николаевич (1903–1980), директор Института ядерной физики им. Иоффе Туткевич Владимир Максимович, профессор медицины в Казани Любимов Николай Матвеевич (1852–1906), директор Музея истории религии и атеизма АН СССР Ковалев Сергей Иванович (1886–1980) и многие другие. В этой же гимназии учился Виталий Алексеевич Гассельблат (1879–1932), горный инженер и организатор металлургического производства, с которым позднее свела судьба Александра Заварицкого на Магнитке.

Не обо всех одноклассниках Александра Заварицкого что-либо известно. Кроме брата Дмитрия это были: Пинкевич, Серебровский, Пономарев, Пестляк, Умов, Рябинин и другие. Самыми близкими друзьями Александра были Пинкевич Альберт и Серебровский Александр. Все они входили в кружок революционного направления, которым руководил Серебровский. Жизненные пути Александра Серебровского и Александра Заварицкого переплетались крепко, ведь они учились в гимназии с приготовительного класса 1893 г. до февраля 1902 г. Серебровский выбыл из гимназии по просьбе отца, как поясняет документ жандармского фонда, в результате конфликта, когда исключение Серебровского из гимназии за революционную агитацию было неизбежным. Конечно, восемь лет совместной учебы сыграли огромную роль, и поэтому неудивительно,

что позднее в письмах, когда Александр Николаевич обращался к Александру Павловичу Серебровскому по делам, во многих случаях обращение было на «ты», и весьма дружеским. С Александром Серебровским дружба продолжалась всю жизнь, вплоть до гибели Серебровского.

С Альбертом Пинкевичем Александр вместе изучал живописные берега реки Белой в окрестностях Охлебинино. Альберт интересовался, главным образом, окаменелостями в известняках, а Александр переходом нижних слоев ангидрита в слои гипса.

Судьба этих людей типична для судьбы интеллигенции России того времени.

Пинкевич Альберт Петрович родился 24 декабря 1883 г. В 1902 г. окончил Уфимскую мужскую гимназию с серебряной медалью и поступил в Казанский университет. Принимал участие в студенческих волнениях. В 1906–1907 гг. подвергся арестам, сидел 6 месяцев в крепости. С 1909 по 1914 гг. работал в учительской семинарии и Вольном кадетском корпусе.

В 1914 г. познакомился с Алексеем Максимовичем Горьким и издает сборник рассказов под псевдонимом «Адам Бельский». После революции работает с А. В. Луначарским. В 1918 г. становится первым ректором 1 пединститута в Петрограде. В 1920 – 21 гг. командирован на Урал для создания университета и становится первым его ректором. В 1926 г. едет к И. Е. Репину в Куоккалу в Финляндию. В 1924–1930 гг. – ректор МГУ (ныне пединститута им. В. И. Ленина).

Награжден Грамотами ВЦИК, персональной машиной М-1. В 1937 г. – арестован, в 1939 г. расстрелян.

Пинкевич Альберт Петрович – профессор, доктор педагогических наук, один из первых авторов учебников по естествознанию для средней и высшей школы. В мае 1956 г. имя этого замечательного человека было реабилитировано.

Серебровский Александр Павлович (13(25) декабря 1884 – 10 февраля 1938) – советский партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1903 г. Родился в семье ссыльного народовольца в Уфе. Рабочий. В революционном движении с 1899 г. В 1905 г. член Исполкома Петербургского совета от Путиловского завода. В 1907 г. участвовал в вооруженном восстании во Владивостоке. Неоднократно арестовывался; в 1908 г. эмигрировал в Бельгию, где окончил в 1911 г. Высшее техническое училище. С 1912 г. вел работу в Н. Новгороде, Москве, Ростове. Участник Октябрьской революции 1917 г.; затем член Коллегии Наркомторга, зам. председателя

Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, председатель Центрального правления артиллерийских заводов, зам. наркома путей сообщения, начальник военного снабжения Украинского фронта. В 1921 г. участвовал в борьбе за установление Советской власти в Грузии. В 1920–1930 гг. – председатель «Азнефти» в Баку, председатель правления Всероссийского нефтесиндиката и зам. председателя ВСНХ СССР, с 1926 г. начальник «Главзолота» и член коллегии Наркомфина СССР, с 1931 г. зам. Наркома тяжелой промышленности. С 1924 г. одновременно с государственной деятельностью вел преподавательскую работу в Азербайджанском политехническом институте, Московской горной академии, Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Делегат 13, 14, 17 съездов партии, на 14–17 съездах избирался кандидатом в члены ЦК Партии. Был членом Центрального Исполнительного Комитета СССР. Награжден орденом Ленина и тремя другими орденами. В 1937 г. – арестован и в 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Возвращаясь к учебе Александра в гимназии, отметим, что архивные материалы и воспоминания некоторых его одноклассников не дают полного представления о жизни в тот период. В архивах Уфы сохранились только краткие записи, такие как:

«Переведены в следующие классы – Заварицкий Дмитрий, Пинкевич Альберт.... Удостоены наград при переводе в высшие классы 2 степени – Заварицкий Александр, Серебровский»; «из протокола педсовета от 1902 года: п. 20: *Присланные при предписании Господина Попечителя от 23 ноября 1901 года за № 5574 14 экземпляров брошюры Юзеровича «Основы самопознания» розданы следующим ученикам 8 класса – Заварицкому Александру, Пинкевичу Альберту, Умову»;* «из протокола педсовета от 5 апреля 1902 года: *наибольшее количество уроков (больше ста) пропустили в 1901–1902 уч. году следующие абитуриенты: Заварицкий Александр – 116 – ревматизм коленного сустава; Пинкевич – 207– юноша слабого сложения, часто подвержен простудным заболеваниям».*

С золотой медалью в **1902** г. окончил Уфимскую губернскую гимназию, пробыв там в общей сложности девять лет, Александр Николаевич Заварицкий, а с серебряной – Альберт Петрович Пинкевич.

Отрывочные сведения о юном А. Заварицком находим и в воспоминаниях его одноклассников. Так, Петр Петрович Киснемский рассказывал, что будущий академик Заварицкий учился с ним в одном классе, что дом Киснемских находился в од-

ном квартале с домом Заварицких, только на параллельных улицах, и одноклассники общались, используя проделанные ими «проходы» в заборах.

Еще со школьных лет Александр проявлял живой интерес к окружающей живописной природе Южного Приуралья. Он внимательно вел различные наблюдения, составлял систематические гербарии и коллекции, и первым его увлечением была ботаника. Эта страсть у него осталась на всю жизнь, и кто бывал вместе с Александром Николаевичем в экспедициях, знает, с каким оживлением он всегда знакомился с особенностями флоры различных районов нашей страны от Кавказа до Камчатки.

Интересные сведения приведены в статье С. И. Набоко. Она откуда-то узнала, что в детстве Саня Заварицкий увлекался астрономией, что родители подарили ему маленький телескоп, который был установлен во дворе. Изучение неба, наблюдения за звездами, сопровождаемые чтением книг Фламариона, увлекали юного натуралиста так глубоко, что в пятнадцатилетнем возрасте он написал маленькую статью по астрономии.

Эти юношеские увлечения не прошли бесследно. А. Н. Заварицкий и впоследствии продолжал интересоваться астрономическими науками, а в последние годы своей жизни много внимания уделял метеоритам, стараясь объяснить условия их возникновения, существования и изменения.

Уже в последних классах гимназии предметом особого его интереса стали геология и точные науки. Юношу привлекали живописные берега реки Белой с каменистыми обрывами. Здесь он отыскивал отпечатки растений, которые вызывали у него интерес к прошлой геологической жизни Урала.

Окрестности села Охлебинино удивительны по своей красоте и привлекают к себе не только геологов, но и других, влюбленных в природу людей. Рядом с селом на правом берегу реки Белой высится высокий скалистый утес, сложенный комплексом карбонатных пород, так называемый Колпак. Выше, в районе устья реки Сим, находится одна из интереснейших пещер Башкирского Приуралья. Правобережье реки Белой в окрестностях Охлебинино представляет прекрасный геологический разрез. Об этом можно судить по известной работе А. Н. Заварицкого «Гипс и ангидрит села Охлебинино», написанной им в 1924 г. В этот период Александр Николаевич занимался совсем другими проблемами геологии Урала, тем не менее, именно геологии района с. Охлебинино была посвящена эта статья, которая, скорее всего, является данью выдающегося ученого

своей малой Родине. Поездки на обрывистые, живописные берега р. Белой, осмотр обнажений, сбор окаменелостей, интерес к геологической истории Урала – все это определило у Александра окончательный выбор профессии.

Разные пути повышения образования выбрали выпускники гимназии. Александр Заварицкий мечтал стать горным инженером, и это ему удалось. Дмитрий Заварицкий мечтал поступить в Московский сельскохозяйственный институт, но вместе с братом уезжает в Санкт-Петербург, поступает там на медицинский факультет университета, и в результате стал врачом. Альберт Пинкевич мечтал поступить в С-Петербургский лесной институт, но поступил в Казанский университет и стал выдающимся педагогом.

В 1902 г. Александр Николаевич уезжает в С-Петербург и по конкурсу поступает в Горный институт.

УЧЕБА В ГОРНОМ ИНСТИТУТЕ

Из автобиографии А. Н. Заварицкого: «В Горном Институте вместе с перерывом, происшедшим в связи с революционными событиями 1905 г., пробыл 7 лет, окончил его в 1909 г., научную работу начал студентом, напечатать первую статью в 1908 г. На последнем курсе работал как рудничный геолог в Тагильском округе под руководством профессора Никитина. Работа по платине напечатана в Зап. Горн. Института, была представлена как дипломная».

Торжественно возвышается на берегу Невы великолепное творение зодчего Воронихина – здание Горного института. Если взглянуть на него издали, то особенно приметны приземистость и тяжесть здания – как будто перед нами архитектурно декорированный вход в подземное царство, прорытый в горном склоне. Этому ощущению способствуют и массивный портик из 12 колонн, поддерживающий тяжелый фронтон.

Что собой представлял Санкт-Петербургский Горный институт в то время? История института от Горного училища времен Екатерины Второй, Горного кадетского корпуса середины 19 века хорошо известна. Виднейшие ученые, первоклассные специалисты руководили здесь кафедрами, готовя молодые кадры горных инженеров. Недаром Горный институт издавна пользовался репутацией одного из самых лучших и вместе с тем и самых трудных учебных заведений. Лучшие выпускники становились преподавателями в своем Институте.

В Горный институт Александр Николаевич поступил на общих основаниях, по конкурсу. Что это был за конкурс, нет никаких сведений. Следует заметить, что поскольку Горный ин-

ститут являлся весьма престижным высшим учебным заведением, то некоторые абитуриенты – сыновья крупных правительственных сановников – зачислялись в студенты по протекции. Из провинции таких студентов практически не было. Такое покровительство, оказываемое детям дворян и важных государственных чиновников, определяло соответствующее отношение к ним со стороны демократически настроенного студенчества, и это вносило расслоение в студенческую среду.

Годы учебы Александра Николаевича Заварицкого совпали с реорганизацией изменений в Положение о Горном Институте. Согласно реформе 1904 г. курсовая система обучения должна быть постепенно заменена предметной. Предметная система обучения считалась в то время более совершенной и за границей была принята во многих высших школах. В Горном институте предполагалось, что после первых двух курсов студент должен самостоятельно определить, какие предметы ему нужны, срок прохождения каждого предмета, время сдачи экзамена. Отменялось обязательное посещение лекций при обязательном выполнении лабораторных работ и курсовых проектов. Такая система обучения особенно понравилась революционно настроенному студенчеству, но, как показала практика, приводила к неравномерной нагрузке при получении знаний, удлинению сроков изучения каждого предмета и срока пребывания в институте. Поэтому все эти «свободы» вынуждены были отменить и, в конце концов, вернулись к прежней курсовой системе обучения.

Не всем студентам привольно жилось в столичном городе, многим было необходимо заботиться о своем пропитании. Некоторым студентам, благодаря успехам в учебе и активному участию в лабораторных и практических работах, назначали по ходатайству Совета института специальные стипендии (до 300 рублей в год) или разрешали заниматься платным репетиторством. В те годы институты не имели студенческих общежитий и студенты снимали комнаты частным порядком, плата за комнату была высокой. В улучшении быта студенчества немалая роль принадлежала самодеятельности студентов. Так, например, в 90-е годы студенческая столовая комиссия при содействии инспектора А. М. Лоранского нашла помещение и организовала в Горном институте удешевленное питание. Это позволило студентам, занимавшимся курсовыми или дипломными проектированиями или работавшим в лабораториях, ежедневно проводить в институте по 10–12 часов, очень мало тратя времени на питание. Конечно, некоторые студенты-питерцы в этом

отношении составляли исключение, но это были так называемые «белоподкладочники», дети крупных сановников. Их было немного, и они в период всего курса обучения держались в какой-то мере обособленно.

В 1905 г. Директором Горного Института был выбран Евграф Степанович Федоров. Профессора, ученики и почитатели радушно встретили нового директора, своего избранника. С глубоким вниманием и интересом слушали его не только студенты, но и сотоварищи, считавшие долгом почтить своим присутствием лекции выдающегося ученого.

С первых же дней Евграф Степанович Федоров горячо принялся за коренную реформу преподавания и всего строя учебной жизни. Главные усилия он направлял на повышение научного уровня преподаваемых студентам дисциплин. Сам Евграф Степанович в своей педагогической деятельности стремился строго следовать своим принципам. Вся аудитория была завалена моделями, на стене висели огромные круги стереографических проекций. «Он не был хорошим оратором, – вспоминал профессор Н. К. Разумовский. – Рассказывая, он закрывал глаза и, называя грани, вытянутой рукой всегда показывал их положение в воздухе... Рассказав о какой-либо простой форме, он делал паузу, хитровато и весело улыбался и говорил тоненьким голосом, явно желая произвести эффект».

Заведование кафедрой минералогии Евграф Степанович поручил своему выдающемуся ученику, профессору Василию Васильевичу Никитину, работавшему с ним еще на Северном Урале. Никитин пользовался в кругах специалистов славой крупнейшего знатока Федоровского универсального кристаллооптического метода, а также ученого, который подарил науке ряд своих оригинальных приемов по кристаллооптике.

Владимир Александрович Заварицкий вспоминает: «Мой экзамен по минералогии закончился за полночь. Домой я возвратился в час ночи. На другой день подробно рассказал отцу о том, как проходил экзамен, обо всех моих переживаниях. Это его развеселило, и он подробно рассказал мне, как он изучал минералогию. Из семи лет пребывания в Горном институте, один год (1905) он полностью посвятил изучению минералогии. Он рассказывал, как проходили занятия и экзамены. В музее Горного института он был ежедневно по несколько часов. Знал, где лежат образцы каждого минерала...».

Минералогический отдел Горного музея имеет более чем 200-летний период существования, в течение которого он из

небольшого минерального кабинета при учрежденном в 1773 г. в Санкт-Петербургском Высшем горном училище вырос в настоящее время в музей мирового значения, который по ценности, разнообразию и количеству своих экспонатов является первым в России и четвертым в мире.

Часто посещали студенты и «Примерный рудник». Это сооружение построено еще в 70-е годы 18 века. Посетители его долго спускаются по лестнице. Один этаж, другой, и вот в волнении останавливаются перед массивной низкой дверью. Им выдают шахтерские лампочки, дверь со скрипом отворяется и они входят в темное, странное подземелье. Долго ходят по разным штольням, штрекам, забоям, смотрят пласты каменного угля и каких-то пока неизвестных руд. Но вот снова дверь, все выходят и их ослепляет дневной свет... Много раз ходили студенты позднее по руднику, но первое впечатление от знакомства с подземными недрами не забывалось.

Какие же предметы изучал во время учебы в Горном институте будущий академик? Сохранившиеся архивные документы дают полный и точный ответ на этот вопрос. Мы узнаем из «Сведения для диплома» от 29 ноября 1909 г., что «Окончивший полный курс наук в Горном институте Императрицы Екатерины Второй по горному (разведочному) разряду Заварицкий Александр оказал познания...», далее перечисляются все 32 предмета и оценки, полученные на экзаменах и зачетах по практическим и лабораторным работам. Этот документ дает некоторое представление о соотношении между общеобразовательными предметами (математика, химия, физика и т.п.), специальными предметами для горняков (горное дело, горная механика, маркшейдерское искусство и др.) и предметами геологического цикла (геология, минералогия, палеонтология и т. п.). Шестьдесят экзаменов и зачетов сдал студент Александр Заварицкий: 26 по общеобразовательным предметам, 23 по предметам горного цикла и всего 11 по предметам геологического цикла. Из 60 оценок 52 – «5», 3 – «4, 5» – и 5 – «4». Из 32 общих оценок 30 пятерок и только 2 четверки. Из 160 возможных баллов он получил 158. Статистическая средняя оценка – 4.94. К сожалению, эти цифры говорят только о способности студента, но не о том, кто и как его учил.

Шесть курсовых проектов преимущественно по предметам горного цикла указывают на то, что студенты с самого начала приучались к самостоятельной работе. Проекты не были особенно сложными и занимали у студента немного времени.

Позднее Александр Николаевич рассказывал сыну, как он проектировал простейшее грузоподъемное устройство – «ворота для глубоких шурфов». Очевидно, это был курсовой проект по горной механике. Александр Николаевич вспоминал об этих проектах без всякого сожаления о потерянном времени, но и не подчеркивал свою «инженерную закалку».

Нужно ли было будущему геологу А. Н. Заварицкому хорошо знать предметы горнозаводской механики? Да, это пригодилось ему сразу же в жизни. Александр Николаевич вначале был консультантом ряда промышленных горнорудных месторождений предприятий Урала, а затем изучал и консультировал разведки Бакальского и Магнитогорского железорудных месторождений и нескольких медных месторождений на Урале.

Инженерная «закалка ума» оказала плодотворное влияние на последующую деятельность А. Н. Заварицкого. На протяжении всей жизни его отличало умение органически сочетать глубокие теоретические разработки с насущными практически задачами расширения минерально-сырьевой базы страны.

О том, кто преподавал каждый предмет, указанный в «Сведениях для дипломов», можно судить, зная профессорско-преподавательский состав в Горном институте в тот период.

Математику преподавал Иван Петрович Долбня, горное дело – Бокий Борис Иванович, горную механику – Тиме Иван Августович, маркшейдерия – Бауман Владимир Иванович, геологию Мушкетов Дмитрий Иванович, палеонтологию – Яковлев Николай Николаевич. В «Зачетной книжке» А. Н. Заварицкого с осени 1906 по весну 1909 г. подписи преподавателей Горного института, среди них к названным выше: Е. С. Федоров, В. В. Никитин, К. И. Богданович, Л. Лутугин, А. Скочинский, Т. Оболдуев и другие. Некоторых из своей учителей Александр Николаевич иногда вспоминал, но подробно о них никогда не рассказывал.

Во время учебы в Горном институте началась и научная деятельность А. Н. Заварицкого. Его заинтересовали месторождения платины. Платиновые уральские россыпи, особенно Тагильского округа, были каким-то заветным уголком, побывать в котором считал своей священной обязанностью каждый ученый геолог. В 1892 г. в районе были открыты и коренные месторождения платины. Они то и привлекли внимание А. Н. Заварицкого. Он летом 1908 г. выезжает на Урал вместе с Николаем Константиновичем Высоцким, который в 1904–1905 гг. проводил топографическую и геологическую съемку платиноносной территории дач наследников Демидовых. Рабочими,

под самостоятельным руководством Александра Николаевича Заварицкого, найдено в 1908 г. 17 месторождений платины. На материале, собранном в Нижнетагильском округе летом 1908 г. в экспедиции, под руководством профессора Горного института В. В. Никитина, Александр Николаевич Заварицкий пишет статью и публикует в «Ученых записках Горного института», основанных по инициативе Е. С. Федорова (1907 г.). В журнале печатались как труды самого Евграфа Степановича, так и работы его учеников, в том числе и студентов. Работа Александра Николаевича Заварицкого посвящалась характеристике коренных месторождений платины и была зачтена как дипломная работа.

Не рассказывал Александр Николаевич и о своей студенческой жизни в период первой русской революции 1905 г. Как известно, в то сложное время во многих высших учебных заведениях нормальный ход учебного процесса нарушался из-за студенческих волнений. В Горном институте революционные настроения среди студенчества были распространены особенно широко. Институт находился под непосредственным наблюдением жандармского управления. В 1905 г. Горный институт был практически закрыт.

Нормальные занятия происходили только в октябре, с 10 по 19 число. Не было лекций, все лаборатории были закрыты. Студенты собирались на митинги, сходки, демонстрации. Происходили разного рода дискуссии, борьба между различными направлениями и т.д. и т.п. Несомненно, что студент Заварицкий не мог оставаться в стороне от этих событий, но достоверных сведений о его участии в революционной деятельности нет. Его целеустремленность к получению знаний находилась в определенном противоречии с вынужденным нарушением нормального хода учебы, но не мог студент Александр Заварицкий не посещать беседы в кружке или ячейке РСДРП, которые проводил его лучший школьный друг – рабочий Путиловского завода, профессиональный революционер Александр Павлович Серебровский. Не мог студент Александр Заварицкий не познакомиться и с деятельностью других политических партий. Ведь его друзья-сокурсники были не только членами РСДРП. С бывшим активным эсером А. К. Болдыревым у него были дружеские отношения вплоть до гибели Болдырева.

Значительно позднее, в 1934 г., Александр Николаевич в «листке по учету кадров» указал, что «входил в ячейку РСДРП в 1904-1906 году». Почему это было указано только в 1934 году? О других членах ячейки РСДРП было уже давно известно (Г. И.

Бокий, В. Н. Зверев, А. А. Гапеев и др.). Объясняется это просто. В 1933–1934 г. профессора А. Н. Заварицкого особенно настойчиво упрекали в «аполитичности», «метафизическом образе мышления», в использовании «буржуазной науки термодинамики» и т.д. Вероятно, упомянутая запись появилась по совету того же А. П. Серебровского, с которым Александр Николаевич в то время непрерывно поддерживал связь.

Не мог студент Александр Заварицкий много времени и энергии отдавать революционной деятельности в 1905 г. Как он сам неоднократно упоминал, из семи лет пребывания в Горном институте он целый год ежедневно по несколько часов изучал минералогию в Горном музее. Нетрудно догадаться, что это было именно в 1905 г., когда Горный институт закрылся, лекций не было, в лабораториях нельзя было выполнить какие-либо работы. И только в музее ничто не мешало студенту заниматься.

О жизни в студенческие годы, о своих однокурсниках, о земляках-уфимцах, учившихся одновременно с ним в Санкт-Петербурге, Александр Николаевич вспоминал очень редко. А ведь в университете тогда учился его брат Дмитрий, на Бес-тужевских курсах – его сестра Ольга. Конечно, все они общались друг с другом. В 1908 г. Александр Николаевич сфотографировался в известной всем форме студента Горного института с братом Дмитрием.

Последняя весна обучения в Горном институте знаменательна для Александра Николаевича и важным событием в его личной жизни, он принял решение жениться, создать свою семью. По существующим тогда правилам, он должен был получить разрешение от администрации института. Эти правила сохранились, вероятно, с тех пор, когда был Горный кадетский корпус – учебное заведение закрытого типа. 10 апреля 1909 г. Александр Николаевич пишет: «Его Превосходительству Господину Инспектору Горного института Императрицы Екатерины Второй. Студента Александра Заварицкого, поступившего в 1902 году, ПРОШЕНИЕ. Имея намерение вступить в брак, прошу выдать мне надлежащее разрешение. Ал. Заварицкий». На прошении подписи Н. Башмакова и Ал. Умова: «Нижеподписавшиеся удостоверяют, что проситель холост». Разрешение получено 11 апреля 1909 г. за № 708 и гласит: «Дано сие от Горного Института Императрицы Екатерины Второй студенту сего Института Александру Заварицкому в том, что на вступление его в первый законный брак со стороны Института препятствий не встречается. В настоящее время Заварицкий холост.»

Александр Николаевич познакомился со своей будущей женой, Ольгой Ивановной Симоновой, на одном из университетских вечеров. На эти вечера «горняки» и «путейцы» традиционно приглашали «бестужевок». Так рассказывала Ольга Ивановна потом своим детям. Однако, возможно, что они были знакомы еще с гимназических времен, так как Ольга Ивановна Симонова училась в Уфе в той же гимназии, в которой учились и сестры Заварицкие. В Санкт-Петербурге Ольга Ивановна училась на Бестужевских курсах вместе с Ольгой Николаевной Заварицкой. День, когда венчались Александр и Ольга, пока неизвестен. Александр Заварицкий и Ольга Симонова связали свою судьбу на несколько лет.

Вследствие его исключительной одаренности, проявившейся уже в студенческие годы, Александр Николаевич Заварицкий был оставлен ассистентом при кафедре геологии и рудных месторождений, занимаемой К. И. Богдановичем, и одновременно приглашен для ведения практических занятий на кафедре петрографии, возглавляемую Е. С. Федоровым. Под счастливым воздействием этих двух выдающихся умов формировался талант молодого ученого, определивший основную черту его научного метода.

Началась новая страница жизни Александра Николаевича Заварицкого. Всю жизнь он следовал девизу, начертанному на знамени Горного института: «Усердие к услуге Отечеству и к пользе онаго любовь», который уже с 1773 г. был в Уставе и в сердцах воспитанников Горного института.

Источники и литература:

1. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Л. А. Буториной.
2. Архив г. Уфы. Ф. 119, оп. 1, д. 122, л. 93; д. 126, л. 8, С. 73–77.
3. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 2. М., 1901. 313 с.
4. Путеводитель по великой Сибирской железной дороге. СПб, 1910. С. 169–171.
5. Отдел истории Геологического музея им. В. И. Вернадского РАН, Москва, дело «А. Н. Заварицкий».
6. Романовский С. И. Карпинский в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Лениздат, 1987. 256 с.
7. Шафрановский И. И. Е. С. Федоров. М.-Л., 1963. 280 с. С. 157.
8. Ленинградский горный институт и Академия наук. Л., 1978. 121 с.

9. Ленинградский Горный институт за годы Советской власти.
Очерки. Л., 1971. 184 с.

ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ ГОДЫ

Одержимость и постоянное стремление проникнуть в неизведанное, проявление смелости и отваги – таковы черты геолога, влюбленного в свою профессию. Какой настойчивостью и убежденностью в пользе своего дела надо обладать, чтобы променять спокойную городскую жизнь на жизнь в лесу с комарами и гнусом, преодолевать подъемы и спуски по крутым обрывам скал, где каждый неосторожный шаг может привести к гибели, мокнуть на болотистой равнине или мерзнуть в тундре...

Из автобиографии А. Н. Заварицкого: «По окончании Института был оставлен ассистентом по кафедре рудных месторождений у профессора К. И. Богдановича и одновременно вел практические занятия по петрографии (у Е. С. Федорова).

В 1911–1912 г. исследовал м-ния горы Магнитной и руководил там разведками. А с 1913 г., после избрания адъюнкт-геологом Геол. Комитета, продолжал работу на Урале по общей геологической съемке. В 1915 г. исследовал золотоносные районы Урала. В этом году был выбран геологом Геол. Ком. и в 1916 г. изучал все медные месторождения Урала. С 1917 г. приступил к изучению геологии и рудных месторождений быв. Златоустовского Горн. Округа; за этот период ознакомился также и с различными другими уральскими м-ниями (медистые песчаники, боевский вольфрамит и др.)» [1].

В Горном институте наука развивалась в тесной связи между теоретическими геологическими исследованиями и практической деятельностью по разведке месторождений полезных ископаемых. Эта традиция школы геологов восходит ко времени основания Горного института, когда геология еще слабо была развита и ученых интересовали все вопросы геогнозии, металлургии, галургии и пробирного дела.

Государственные геологические службы в других странах начали работать раньше, чем в России. Задачей геологических служб является геологическое картирование, проведение крупных поисковых исследований на месторождения полезных ископаемых, сбор и обработка коллекций; организация музеев; издание литературы [2]. Главное геологическое учреждение России – Геологический комитет – был организован в 1882 г. при Горном департаменте Министерства государственных иму-

ществ. В основном он был организован на базе Горного института. В то время русские геологи уже принимали участие и в работе Петербургского Минералогического общества.

В Геологическом комитете членами его «присутствия» (ученого совета) являлись все члены Академии наук по геологии, а также все профессора-геологи университета и Горного института. Ими первые штатные места не заполнили – надо было хотя бы искусственно расширить смехотворно малый – 8 человек – штат.

Работа в Комитете и почетна и ответственна. Старший геолог приравнялся к профессору Горного института, а по окладу – даже к адъюнкту Академии наук. Но ответственность очень велика.

После введения в 1897 г. нового «Положения о Геологическом комитете» в его штате появились три градации геологов, разница в окладах которых была весьма существенна. Старших геологов со стороны не брали, а выбирали на эту должность тех, кто, работая геологом в комитете, своими научными трудами заслужил эту высшую должность. Выборы проходили без душевных травм, так как в комитете была прекрасная, никогда не нарушавшаяся традиция: баллотировались «по старшинству избрания», а более молодые (по стажу) геологи добровольно снимали свои кандидатуры.

В обязанности сотрудников входили консультации и правительственных организаций, и отдельных промышленников, и просто любителей естествознания. Должно было соблюдаться только одно условие: Комитет консультировал бесплатно, но зато все материалы, связанные с обсуждающимся вопросом, переходили в его собственность. Вызвано это было единственной причиной – малой численностью геологов и невозможностью наличными силами собрать необходимый материал для составления геологической карты.

О петрографических работах того времени Александр Николаевич Заварицкий сообщает следующее: «В Геологическом комитете в дореволюционное время не производились специально петрографические исследования, не зависящие от геологической съемки. Крупные петрографические работы появились здесь, так сказать, попутно – как результат обработки материала, собранного при геологической съемке. Только уже после 1917 г. в Геологическом комитете была создана особая петрографическая секция. Хотя среди петрографических работ, появившихся в изданиях Геологического комитета, имеются и крупные теоретические исследования, но главным образом это уч-

реждение было превосходной школой, создавшей полевых работников. В ней вырастали петрографы с навыками исследователей, непосредственно в природе, в поле ищущих ответа на встающие перед ними научные проблемы. Однако высоко стоял в Геологическом комитете и теоретический уровень исследований. Членами Геологического комитета избирались наиболее видные геологи нашей страны, и требования, предъявлявшиеся к штатным геологам Комитета, отвечали тем требованиям, которые соответствовали обладанию докторской или, по крайней мере, магистерской степенью того времени. Для всякого молодого, вступавшего в ряды сотрудников Геологического комитета, он становился незаменимой школой, хотя не был школой формально» [3].

Хронология деятельности А. Н. Заварицкого по его личным отчетам и публикациям:

1907 год

«Научную работу начал студентом под руководством К. И. Богдановича и В. В. Никитина. В 1907 г., как коллектор, принимал участие в работах В. В. Никитина на г. Высокой и совершил несколько небольших экскурсий по Уралу» [4].

В дальнейшем научная и практическая деятельность А. Н. Заварицкого того времени, как и всей его жизни, тесно связана с Уралом, где впервые в нем зародился дух исследователя-геолога, и характеризуется четко выраженными петрографическими и рудными направлениями.

1908 год

Из отчета А. Н. Заварицкого: «В 1908 г. исследовал коренные месторождения платины в Нижне-Тагильском районе, причем было вновь открыто 18 месторождений, кроме 2 ранее известных, и изучены условия их залегания и геологии района. Осенью того же 1908 г. некоторое время заведовал Геологическим Отделом Тагильского Заводоуправления, принимал участие в разведках и геологическом изучении медных и железных месторождений этого Округа. Сделал несколько экскурсий вне Округа» [4].

Дипломную работу А. Н. Заварицкий пишет на материале, собранном в Нижне-Тагильском округе, где летом 1908 г. он работал рудничным геологом под руководством профессора Горного института В. В. Никитина. Работа была посвящена характеристике коренных месторождений платины этого района. Результаты исследований были также опубликованы в 1909 г. в «Записках Горного института». В том же издании в

1909 г. появляется сообщение Александра Николаевича «Везувиан–гранатовая порода с горы Магнитной», которая представляет интерес в том отношении, что оно как бы служило отправным пунктом его дальнейших исследований этого района.

Опубликовано:

Некоторые из образцов пород графитовых месторождений, принадлежащих минералогической коллекции Горного музея. Зап. Горн. Ин-та. 1908. Т. 1. Вып. 4. С. 205–301.

1909 год

«Исследовал петрографически массив щелочных пород Ильменских гор близ Миасса и некоторые золотые месторождения около Миасского завода. Совершил экскурсию поперек Урала вдоль линии Самаро-Златоустовской жел. дор. и поездку в Южный Урал для осмотра и изучения железных месторождений Зигазинской и Комаровской дач и месторождений золота около д. Исмакаевой. В том же году изучал медные месторождения пермских песчаников, разведывавшиеся тогда в Белебеевском уезде Уфимской губернии и месторождения гипса и ангидрида в более восточном районе.

По окончании Горного института осенью 1909 г. был оставлен при Институте ассистентом по кафедре Геологии и Рудных месторождений, а вместе с тем вел практические занятия по исследованию оптических констант (по кафедре Минералогии)» [4].

Опубликовано:

Отчет об исследованиях в платиноносном районе Нижне-Тагильского округа в 1908 г. – Зап. Горн. Ин-та, 1909. Т. 2. Вып. 3. С. 189–212. Рис. 1 вкл. л. карт. 3 вкл. л. табл.

Везувиан-гранатовая порода с г. Магнитной // Там же, с. 252.

1910 год

«Принимал участие с геологом Высоцким в составлении детальной геологической карты в Верхнеуральском уезде, предпринятом Геологическим Комитетом. В том же году, прослеживая границу распространения кристаллических пород в Юж. Урале, совершил маршрут вдоль всего листа 140 10-верстн. карты Евр. России» [4].

Участвовал в экскурсии по Уралу с группой молодых геологов Геолкома и Горного института под руководством К. И. Богдановича.

Опубликовано:

Петрографические наблюдения в окрестностях Миасского завода // Зап. Горн. Ин-та, 1910. Т. 3. Вып. 1. С. 59–84. Рис. 1 вкл. л. табл.

1911 год

«Производил геологические исследования и руководил разведочными работами с целью определения запасов и геологического строения месторождений горы Магнитной в Южном Урале. Сделал несколько маршрутов по Белорецкому Округу для изучения герцинских отложений Урала» [1].

В 1911 г., как упоминает об этом в одной из своих работ сам Александр Николаевич, он был приглашен Акционерным обществом Белорецких Заводов для проведения разведочных работ на месторождения горы Магнитной. Задачей этих исследований было как выяснение геологических особенностей железорудного месторождения, так и приблизительная оценка запасов железных руд. Предварительные результаты были сообщены им на 2 Всероссийском съезде деятелей по практической геологии и разведочному делу, проходившему в С. Петербурге в 1911 г., и опубликованы в виде небольшой статьи в «Записках Горного института».

«Технические возможности для решения поставленных на Магнитке задач были в то время весьма скромные. В личном альбоме А. Н. Заварицкого сохранилась фотография первой буровой скважины на горе Магнитной: буровая вышка в виде обычной «треноги», небольшой буровой станок. Александр Николаевич принимал самое активное участие во всех операциях разведки. Он даже лично объезжал окрестные станицы и скупал в церквях восковые свечи – воск был необходим для извлечения дорогостоящей алмазной коронки, которую оставили в забое скважины после аварии» [5].

Опубликовано:

Некоторые горные породы окрестностей Царево-Александровского прииска в Миасской даче // Зап. Горн. Ин-та, 1911. Т. 3. Вып. 2. С. 124–126.

Барит из Зигазинской дачи (Южный Урал) // Зап. Горн. Ин-та, 1911. Т. 3. Вып. 3-4. С. 173–175.

Изменения в боковых породах Зырянского месторождения. (По образцу коллекций кабинета рудных месторождений Горного института) // Там же. С. 177–185. Схема, рис.

Заметка о способе Бекке для сравнения величин показателя преломления соседних зерен минералов в шлифах // Там же. С. 319–320. Рис.

1912 год

В 1912 г. Комитет отмечал свое 30-летие. В связи с этой датой, учитывая возросшие потребности в геологических исследованиях страны, правительство приняло решение о расширении деятельности Геологического комитета. Был увеличен штат с 22 до 50 человек и его годовой бюджет в 3 раза. Комитет разработал десятилетний план съемки страны на 1913–1922 гг.

Пополняя свой состав, Геологический комитет отбирал самые лучшие кадры русских геологов, среди них стал геологом-сотрудником и Александр Николаевич Заварицкий.

1 февраля назначен штатным ассистентом Горного института (приказ Министра № 5 от 28.06.12 г.) [4].

«Как геолог-сотрудник Геологического комитета, производил детальную геологическую съемку в окрестностях горы Магнитной и изучил медные месторождения, связанные с эффузивными изверженными породами в районе Верхнеуральска, в Арбузном логу и др.» [4].

Сдал в фонды Геолкома за 1911-1912 гг. 3 415 образцов – 7 ящиков и 76 лотков (ныне фонды ЦНИГРИ, первые коллекции) [6].

Результаты своих исследований Александр Николаевич изложил в ряде статей (1912–1915 гг.) и в трехтомной монографии «Гора Магнитная и ее месторождения железных руд», которая была сдана в печать в 1915 г., но увидела свет лишь в 1922–1927 гг. Эта выдающаяся работа А. Н. Заварицкого поставила его в число крупнейших исследователей Урала.

Опубликовано:

Геологические исследования в окрестностях горы Магнитной в Южном Урале (Предварительный отчет) // Изв. Геол. Ком. 1912. Т. 31. № 8. С. 499–525.

Об исследовании горы Магнитной в 1911 г. // Зап. Горн. Ин-та, 1912. Т. 3. Вып. 5. С. 362–372.

Один из способов определения оптического знака кристалла на универсальном столике // Там же. С. 398–399, рис.

1913 год

«Был избран адъюнкт-геологом Геологического комитета и летом этого года вел детальную геологическую съемку и ис-

следования в Южном Урале, в Верхнеуральском уезде. Исследовал месторождения железных руд г. Куйбас» [4].

В 1913 г. в системе Геологического комитета работало 30, а по всей стране около 100 геологов. В Геолкоме изменились названия штатных единиц: Н. К. Высоцкий входил в группу 24 геологов, А. Н. Заварицкий в группу 14 адъюнкт-геологов, была и группа из 7 практикантов. К группе Н. К. Высоцкого, А. Н. Заварицкого, Э. Я. Пэрне (палеонтолог) присоединился для работы коллектором бывший студент Горного института Д. В. Никитин. Они продолжали съемку восточного склона Южного Урала».

Опубликовано:

О запасах железных руд на горе Магнитной. М., 1913. 38 с., 2 вкл. л. карт.

Об оптическом исследовании минералов в сходящемся поляризованном свете // Зап. Горн. Ин-та, 1913. Т. 4. Вып. 3. С. 192–227. Рис.

Отчет о съемках планшета III–5 и восточной части планшета III–4 по левую сторону р. Урал // Изв. Геол. Ком. 1913. Т. 32. № 1. С. 128–130. (Отчет о деятельности Геологического комитета в 1912 г.).

Об исследовании горы Магнитной в 1911 г. (Доклад, прочитанный 30 декабря 1911 г. в соединенной секции прикладной геологии и технической) // Тр. Второго Всероссийского съезда деятелей по практической геологии и разведочному делу, состоявшегося с 26 декабря 1911 г. по 4 января 1912 г. в С.-Петербурге. Вып. 1. СПб, 1913. С. 142–160.

1914 год

Блестящая плеяда русских геологов создала основу дальнейшего развития геологической науки. И, тем не менее, первая мировая война застала Россию неподготовленной к обеспечению военной промышленности минеральным сырьем, несмотря на большую работу, проведенную геологами.

Геологический комитет в 1914 г. после внезапной смерти Ф. Н. Чернышева, возглавил К. И. Богданович, учитель и руководитель А. Н. Заварицкого по Горному институту. С начала первой мировой войны А. Н. Заварицкий по заданию Геологического комитета приступает к оценке и изучению месторождений полезных ископаемых Урала.

Продолжал геологические исследования и съемку на Южном Урале. Сдал в фонды Геологического музея за 1912–1914

гг. 5000 образцов – 27 ящиков. (Погибли во время блокады Ленинграда в 1941 г) [6].

В июне 1914 г. получил телеграмму о рождении в Петербурге сына Владимира.

Опубликовано:

Исследования асбеста в Южном Урале в пределах листов III-4 и IV-5 // Изв. Геол. Ком. 1914. Т. 33. № 2. С. 32–35. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1913 г. Асбест в Южном Урале).

Геологические исследования в Южном Урале, произведенные в 1913 г. (Предварительный отчет) // Изв. Геол. ком. 1914. Т. 33 № 4. С. 355–358.

1915 год

«Исследовал золотоносные районы бассейнов р. Гумбейки и Тогузаков в Ю. Урале. Были изучены отдельные месторождения и составлена геологическая карта района в масштабе 5 верст в 1 см. В том же году руководил исследованиями и разведками с целью определения запасов железных руд части Бакальских месторождений, принадлежавших Катав-Ивановским заводам, при чем изучил и остальные месторождения этого района. Затем обследовал в Тептяро-Уткинском районе разведывавшиеся там месторождения никеля, меди и магнетита. В 1915 г. был избран геологом Геологического Комитета» [4]. Сдал в фонды Геолкома 1682 образца (34 ящика) [6].

Опубликовано:

Несколько образцов руд и боковых пород из Таналык-Баймакских месторождений в Южном Урале // Геол. Вест. 1915. Т. 1. № 2. С. 88–92.

Об отрицательном альбите // Геол. Вестн. 1915. Т.1. № 6. С. 376.

Отчет об исследованиях в пределах листов IV-5 и IV-4 одноверстной карты Южного Урала // Изв. Геол. Ком. 1915. Т. 34. № 1. С. 45–47. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1914 г.).

Результаты исследования месторождений золота в бассейнах р. Гумбейки и трех Тогузаков в Южном Урале. Доклад // Изв. Геол. Ком. 1915. Т. 34. № 9. 553 с. Протоколы.

Реферат работы Дюпарка и Сипа «Медные месторождения в Сысертской даче на Урале» // Геол. Вест. 1915. Т. 1. № 2.

1916 год

«Весной 1916 г. был командирован для исследования Бовеского вольфрамового месторождения. Летом 1916 г. изучал медные месторождения Урала. Были изучены почти все месторождения, как промышленного значения, так и непромышленного в округах Богословском, Николае-Павдинском, Гороблагодатском, Н.-Тагильском, Невьянском, Верх-Исетском, в Шайтанской даче, в Округе Сысертском, Кыштымском, Златоустовском и в Южн. Урале вплоть до Таналык-Баймакского района в Орском уезде. Кроме медных месторождений был попутно изучен и ряд других: железа (Ауэрбаховский, Покровский и др. в Богословском Округе, в Николо-Павдинской, в Шайтанской даче и другие), хрома (Устенские, Гологорский р. и др.), никеля (Ревдинские, Ургунские), марганца (Липовая гора), магнезита и др.» [4].

Сдал в фонды Геолкома 32 ящика и 87 лотков образцов (сохранился 181 образец). 6 ноября сдал в музей Геолкома 121 образец вольфрамовых руд и сопровождающей породы Месторождения Баевки Камышловского уезда Пермской губернии [6].

В 1916 г. Александр Николаевич работал уже с группой геологов, т.е. знания и умения его были приравнены к уровню руководителя.

9 декабря 1916 г. в Петербурге родилась дочь Татьяна.

Опубликовано:

Сообщение об исследованиях месторождений золота в бассейнах р. Гумбейки, притока р. Урала и трех Тогузаков в связи с составлением детальной геологической карты восточного склона Южного Урала // Изв. Геол. Ком. 1916. Т. 35. № 1. С. 41–46. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1915 г.).

Отчет об осмотре Баевского месторождения вольфрама в марте 1916 г. // Изв. Геол. Ком. 1916. Т. 35. № 6. С. 238–263, рис., 2 вкл. л. табл. Протоколы, приложение 2.

Образцы пород из месторождения корунда на земле Кыштымской Свято-Троицкой церкви // Изв. Геол. Ком. 1916. Т. 35. № 9–10. С. 589–592. Протоколы, приложение 4.

Колчедан в Белорецком округе на Южном Урале // Поверхность и недра, 1916. № 7. С. 298–299.

1917 год

Продолжал Александр Николаевич геологическую съемку Ю. Урала и летом трудного 1917 г. Из отчета А. Н. Заварицкого: «изучал рудные месторождения полезных ископаемых Златоустовского округа и, как консультант, руководил разведочными

работами Геологического комитета на колчеданы в Миасской даче. Сделал экскурсии в Белорецкий Округ для изучения вновь открытой там залежи пирита и в Кыштымский для изучения месторождений кыштымита на реке Борзовке и наждака месторождений Кызыл-таш.

Кроме обработки материалов, собранных при перечисленных исследованиях, разработки некоторых теоретических вопросов и занятий в Горном институте, как геолог Геологического комитета, принимал участие в текущей работе этого учреждения» [4].

Опубликовано:

Хром. Пг.: КЕПС. 1917. 9 с. (Естественные производительные силы России. Т. 4. Полезные ископаемые. Вып. 4).

Отчет об исследованиях медных месторождений Урала // Изв. Геол. Ком. 1917. Т. 36. № 1. С. 126–145 (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1916 г.).

Краткий отчет о трех месторождениях корунда и кыштымита // Изв. Геол. Ком. 1917. Т. 36. № 8–10. С. 359–363. Протоколы, приложение 2.

Урал // Медь. Пг.: КЕПС, 1917. С. 7–40, рис. вкл. л. карт. 1 вкл. л. план. (совместно с К. И. Богдановичем) (Естественные производительные силы России. Т. 4. Полезные ископаемые. Вып. 7).

1918 год

Летом 1918 г. Александр Николаевич Заварицкий вынужден был жить с семьей на лесном кордоне. Появление чешского военного отряда вызвало большой переполох в семье, но командир отряда с пониманием отнесся к невольным изгнанникам и забрал только топографические карты [5].

«Уже будучи отрезан от Геологического Комитета и Горного Института фронтом гражданской войны, вел детальную геологическую съемку в Златоустовском Округе, исследовал месторождения корунда в Ильменских горах и магнезита в Саткинском районе и руководил поисковыми разведочными работами в этих районах и вообще в Златоустовском Округе как консультант Округа» [4].

О своей работе по корундам в те годы Александр Николаевич сообщает: «Добыча корунда в Ильменских горах в 1917–1918 г. явилась следствием того переворота на ранее не добываемых полезных ископаемых, который был вызван войной.

Она, конечно, естественно должна быть временной, пока существуют исключительно условия рынка...

Как месторождения минералогического значения, копи известны давно, лет 90, по своему геологическому характеру они близки к некоторым месторождениям Канады (провинция Онтарио)...

Мне пришлось столкнуться с Ильменскими корундовыми месторождениями, как с объектами горного промысла, уже в самые первые дни в начале работ Геологического комитета в Златоустовском округе и вскоре после начала разработки этих месторождений (весной 1917 г.). Мне пришлось осмотреть корундовые месторождения по поручению Геологического комитета, вызванному просьбой Управления Казенных Горных заводов (в Петрограде). Результаты этого осмотра были мной своевременно сообщены через Комитет в Управление Заводов, причем я излагал подробно, в каком состоянии были тогда наши знания по этому вопросу. В нем же я намечал план разведочно-поисковых работ, казавшийся мне тогда целесообразным... (прим. автора: в 1918 г. топографическую инструментальную съемку не сделали, т.к. студента М. Б. Селитренникова мобилизовали. Съемочно-геологическую работу, отчасти поискового характера, провел студент М. П. Русаков, который как коллектор работал с А. Н. Заварицким в 1917 г. и видел эти месторождения).

...Я же попытаюсь сделать выводы о результатах работ 1918 года. С начала войны в Златоустовском округе возник особый интерес к месторождениям корунда, нужного для имеющейся в Златоусте фабрики точил, необходимых при шлифовке оружия и шанцевых инструментов. Для этой цели применялся тогда, главным образом, кыштымит (река Борзовка Кыштымской дачи).

...на все дело добычи корунда в Златоустовском округе в течение, в сущности, одного только года, следует смотреть как на опыт, который можно учесть при оценке месторождений». Александр Николаевич приходит к выводу, что месторождения в Кыштымской даче стоит разрабатывать для Златоустовского завода, а в Ильменских нет, малы запасы для промышленности [7].

Опубликовано:

Магnezит. Пг.: КЕПС, 1918. 12 с. (Естественные производительные силы России. Т. 4. Полезные ископаемые. Вып. 31.).

Отчет о предварительном исследовании месторождений полезных ископаемых в Златоустовском округе // Изв. Геол. 42

Ком. 1918. Т. 37. № 1. С. 111–118. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1917 г.).

Источники и литература

1. Личный архив М. А. Заварицкой.
2. История естествознания в России. М. 1962. Т. 3. С. 8.
3. Заварицкий А. Н. Избранные труды. М., 1956. Т. 1. С. 321.
4. Архив Горного института СПб, д. 245.
5. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Буториной Л. А.
6. Картотека ЦНГРИМ
7. Материалы по горно-разведочному делу. М., 1920. Вып. 1. С. 5, 6, 9–14.

МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

1919 год

«Геолог А. Н. Заварицкий продолжал исследования в Златоустовском казенном Горном округе. В отчетном году была произведена одноверстовая геологическая съемка части Ильменского бора между Ильменским хребтом и районом озер Миассово, Большого и Малого Кисегача и Теренкуля. Работа чрезвычайно затруднялась отсутствием необходимой топографической основы, и одновременно с геологическим картированием приходилось вести глазомерную съемку с барометрическим определением высот, пользуясь как геометрической основой существующими лесными планами. Это обстоятельство сильно замедляло работу. Кроме того, встречались то и дело затруднения с наймом рабочих, приисканием лошадей, снабжением экспедиции и пр. Достаточно сказать, что только на организацию экспедиции пришлось затратить на месте почти три недели времени и начать работу только с конца мая, а приближение фронта гражданской войны уже в начале июля заставило прекратить работы.

Исследованная в отчетном году геологом Заварицким площадь по своему строению является непосредственным продолжением восточной части района, исследованного в прошлом году...» [1].

«Продолжал детальную геологическую съемку в Златоустовском Округе и руководил разведочными работами на Бакале и в Кувашином месторождении. Зимой 1919-1920 гг. провел в г. Томске» [2].

Опубликовано:

Отчет об исследованиях в Златоустовском казенном горном округе // Изв. Геол. Ком. 1919. Т. 38. № 1. С. 165–176. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1918 г.)

1920 год

«Летом производил геологические исследования в районе Ильменских гор и геологически руководил, как консультант, промышленными разведками в Южном Урале. По возвращении осенью в Петроград преподавал в Горном Институте Теоретическую Петрографию и Учение о Рудных Месторождениях» [2].

«План на 1920 год: «Урал. Геолог А. Н. Заварицкий командирован на 4 месяца в бывш. Златоустовский горный округ,

в пределах 139-го листа, для продолжения детальной геологической съемки и петрографического изучения Ильменских гор. Кроме того, ему поручается геологическое исследование в районе Миасса и Баймак-Таналыка.

Для топографической съемки командированы два топографа на 4 месяца. В помощь Заварицкому командировается коллектор на 4 месяца» [1].

«Организация Центрального Комитета Промышленных разведок в общегосударственном масштабе началась только с весны 1920 года. До того времени существовал лишь небольшой аппарат при Горном Совете, руководивший разведочными работами в Северной и Центральной областях, по сокращенной программе, применительно, главным образом, к местным нуждам. Ни на Урале, ни в Сибири, ни на юге России не существовало никакой организации горно-разведочного дела, связанной в какой бы то ни было степени с центром, и поэтому первой организационной задачей, ставшей перед Комитетом, было установление такой связи и выяснение имеющихся на местах сил и технических средств для предстоящей планомерной работы. Летний период был посвящен организационной работе на местах, и за это время удалось наладить организацию разведочного дела на Урале, в Сибири, Киргизском крае и на Сев. Кавказе... Первая стадия организационной работы приближается к концу... Председатель Ц.К.П.Р. Н. Тихонович 19.09.1920» [3].

Постановление Уралруды на 19 июля 1920 г. (копия):

«Руководствуясь общим планом организации геолого-разведочного дела в районе Южного Урала и в связи с работами Уралруды, постановлено образовать в Миасском заводе местную геолого-разведочную контору, которая в своей работе должна выполнять задания органов Уральского горкома по отделу разведок и геологических исследований, а также и Южуралрайруды по эксплуатации месторождений Миасского района.

Временное заведование этой конторой возлагается на И. К. Баженова.

Просить Миасский Исполком представить для этой конторы соответствующее помещение. Образование этой конторы поставить в известность Миасские учреждения: исполком, производственные организации, заводоуправление и другие.

Пред. Райрудоправления Южурала: Гр. Шляпин. Член коллегии Управления :П. Кочусов. Научный руководитель разведочных работ по рудным месторождениям Юж. Урала А. Заварицкий. Секретарь Райруды: Крутицкий» [4].

«В районное Рудное Управление Южного Урала.

В производственную программу Южно-Уральской Райруды включена по указанию председателя Горсовета (имеется в виду Сыромолотов) добыча цветных камней и минералов. Наиболее важными минералогическими копиями в Южно-Уральском районе являются, несомненно, Ильменские минеральные копи. В настоящее время копи эти давно заброшенные, имеют очень неприглядный вид. Они сильно пообсыпались, заросли, и подчас трудно найти в отвалах даже те минералы, которые были в копи одними из распространенных. Расчистка и разработка камней в настоящее время была бы чрезвычайно желательна, даже необходима, не только в исполнении намеченной части производственной программы Райруды, но и в целях изучения месторождений, так как она попутно дала бы без сомнения весьма ценный научный материал.

Опыт разработки корундовых месторождений в последние годы может служить примером, как должны быть поставлены разработки минеральных копей Ильменского района и разработка в таких месторождениях является попутной при поисках и разведках. Все работы по необходимости имеют характер старательский.

В настоящем году при исследованиях, предпринятых Геологическим Комитетом, работает одна партия специально на минеральных копиях Ильменских гор для выяснения геологических условий их залегания.

Было бы весьма рационально предварительно поисковые разведочные работы соединить вместе с этим геологическим обследованием. Для этого было бы достаточно теперь же направить в этот район партию человек 5–6 горных рабочих с десятником при одной лошади для расчистки и, может быть, уже одновременно разработки копей согласно указаниям работающего там помощника геолога. По мере выполнения геологической стороны такие работы постепенно должны будут расширяться и все более и более принимать характер добычных, и к концу лета, осенью этого года могли бы они осуществляться в том виде и размере, как это может быть намечено в качестве части производственной программы Райруды. Уже более или менее наладившиеся геологические работы в Ильменских горах в большей степени облегчат и организацию этих работ по программе Райруды. А. Заварицкий. Июль 1920» [4].

«Штамп: РСФСР, Научная экспедиция Народного комиссариата по просвещению для обследования Ильменских гор на Южном Урале. База: в Москве Тверская дом 66, кв. 8. на Урале

г. Миасс. 10 августа 1920, № 301. В районное рудное управление Южного Урала.

Комиссия по устройству Ильменского заповедника 10 августа 1920 г. по обсуждению положения Ильменских копей нашла предполагаемые горноразведочные работы Южно-Уральской Райруды необходимыми в целях выяснения строения месторождений и постановила обратиться в Ю.У. Райруду с просьбой ускорить начало этих работ, которые должны будут вестись под наблюдением вышеуказанной комиссии. Расходы по этим работам будут перечислены за счет Научного отдела Наркомпроса.

Председатель комиссии А. Заварицкий. Член комиссии Д. Артемьев. Секретарь (подпись неразборчива)» [4].

«Штамп: РСФСР, Уральский совет ВСНХ, Уральский Горный Комитет, (Вайнера, 7) 5 сентября 1920 г. Зав. Миасской конторой Ю. У. Райруды, копии Южно-Уральской Райруде, зав. хоз. частью Ильменских партий.

Продолжение работ в Ильменском районе происходит на следующих основаниях: топографические работы оканчиваются не позднее 15 октября. По это число партия и снабжается продуктами из кладовой, плюс на проезд до Екатеринбурга. Геологоразведочные работы, являющиеся продолжением летних работ и производимых осенью силами Райруды Юж. Урала, продолжают в зависимости от климатических условий. Общее административно-хозяйственное руководство осуществляется заведующим Миасской конторой Райруды совместно с Зав. хоз. частью партий. Хозяйственная часть партий сохраняется и ведет снабжение членов партий и отчетность на прежних основаниях. Студентам, командированным от Горного Института, практика кончается 15 сентября.

Заведующий Уралгоркомом Б. Дидковский. Руководитель работ в Ильменских горах Заварицкий» [7].

Следующий документ написан собственноручно А. Н. Заварицким: «В районное Рудоуправление Юж. Урала. 13 августа.

Мною во время последней поездки в Златоусте был возбужден вопрос о производстве Райрудой Ю. Урала некоторых горноразведочных работ на Ильменских копиях согласно предложению предгорсовета тов. Сыромолотова. Райрудой принципиально было выражено согласие на производство этих работ Райруды. Я просил командировать тов. Уткина. Вместо этого, очевидно по недоразумению, тов. Уткина откомандировали в мои геологические партии, которыми никаких технических работ не производится и производиться не будет. Работы Райруды по моим представлениям должны заключаться в следующем: 1.

Нумерация копей на месте, попутно со съемкой их на план. 2. В некоторых расчистках копей с попутным сбором материала.

Для обследования положения Ильменских копей была Народным Комиссариатом Просвещения послана специальная экспедиция, только что уехавшая отсюда, и для определения границ и устройства Ильменского заповедника согласно Декрету Совнаркома была по предложению Горсовета образована особая комиссия, которой мною было сообщено о принципиальном согласии Райруды провести работы в Ильменских копиях. Комиссией эти работы были признаны необходимыми и постановлено просить Райруду их ускорить, о чем соответственное предложение было послано почтой. Расходы, произведенные по работам в Ильменских копиях, могут быть отнесены за счет Научного Отдела Наркомпроса.

Настоящим прошу меня уведомить, будет ли Райруда указанные работы производить, и будет ли командирован Уткин для технического руководства. А. Заварицкий».

22 августа Райрудоуправление ответило Александру Николаевичу, что штейгер Уткин в Ильмены временно командирован [4].

В этом же году, по заявке А. Н. Заварицкого, ему в Екатеринбург штейгером А. И. Трениным были высланы образцы пород Бакальского месторождения. Даны их названия. Перечислены рудники Бакальского района Государственных рудников: Ивановский – 27 образцов, Тяжелый – 39, Булдидах – 9, Старый Бакал – 33, Нижне-Успенский – 3, Верхне-Успенский – 12, Катавский – 4, Юрюзанский – 3 [7].

Опубликовано:

Таналыкско-Баймакский меднорудный район. М., 1920. 36 с., 6 вкл., л. карт и разрезов. (Горное дело, 1920, т. 1, приложение 4)

Практические результаты исследований месторождений корунда в Ильменских горах в 1916 г. // Материалы по горноразведочному делу. Вып. 1. М., 1920. С. 5–14. 1 вкл. л. карт. (Горное дело, 1920. Т. 1. Приложение 5).

Отчет об исследованиях в Златоустовском казенном горном округе по геологической съемке части Ильменского бора между Ильменским хребтом и районом озер Миассова, Большого и Малого Кисягача и Теренкуль // Изв. Геол. Ком. 1920. Т. 39. № 2. С. 174–179. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1919 г.)

Результаты исследования месторождения магнетита в Саткинском районе в 1918 г. // Горное дело, 1920. Т. 1. № 2–3. С. 37–39.

Карта: карта расположения корундовых месторождений в средней части Ильменских гор. Масштаб: 2 версты в 1 англ. дюйме // Материалы по горноразведочному делу. Вып. 1. М. 1920. на вкл. л. (Горное дело, 1920. Т. 1, приложение 5).

В 1921 г. А. Н. Заварицкий вернулся в Петроград по вызову Горного института, где был выбран профессором, зав. кафедрой рудных месторождений и теоретической петрографии, в этой должности работал до конца 30-х годов.

Опубликовано:

Еще один из способов выражения химических составов изверженных горных пород в виде формул и их геометрическое изображение в диаграмме // Геол. вест. 1918–1921. Т. 4. № 1–6. С. 30–42, рис. табл.

Отчет об исследованиях в восточной части Златоустовского горного округа // Изв. Геол. Ком. 1921. Т. 40. № 7. С. 293–296. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1920 г.)

В 1922 г. А. Н. Заварицкий была опубликована статья об общих задачах геологоразведочных работ на Урале, необходимых для нужд рудной промышленности. Оригинал этой работы, написанный собственноручно Александром Николаевичем, хранится в областном архиве Екатеринбурга [5].

Из автобиографии: «С 1922 г. начал работы по изучению коренных месторождений платины, одновременно участвуя, как консультант, в работах по медным месторождениям (Калета, Богомолстрой), Магнитострое, на Бакале, на Белорецких и Зигазинских месторождениях» [6].

Из отчета Геологического комитета: «Геолог А. Н. Заварицкий производил геологические исследование и составление детальной геологической карты северной оконечности Ильменских гор к северу от дер. Мухамбетовой и площади, непосредственно примыкающей здесь к Ильменским горам с востока.

Кроме работ в Ильменских горах, геолог Заварицкий руководил работами на Бакальских рудниках по составлению детальных геолого-маркшейдерских планов этих месторождений и по сводке материалов прежних разведок...

В работах в Ильменском районе в качестве коллектора принял участие студент Петроградского Горного института П. К. Григорьев, а топографическая съемка была выполнена студентами Уральского Горного Института И. А. Блажкевичем и И. П. Бентхеном» [5].

1–12 июня в Петрограде проходил Первый Всероссийский Геологический съезд. А. Н. Заварицкий подготовил доклад «Главные черты в развитии вулканического цикла на Урале» [7].

Сдал в фонды Геолкома 8 образцов платины (ныне фонды ЦНИГРИ) [8].

1922 год был очень трудным в личной жизни Александра Николаевича: в январе умер его отец, летом произошел окончательный разрыв с семьей, Ольга Ивановна оставила детей Александра Николаевича в своей второй семье.

Опубликовано:

Описательная петрография. Ч. 1. Изверженные породы. Пг.: Горн. Ин-т, 1922. 137 с. (Литограф. изд.).

Гора Магнитная и ее месторождения железных руд. Вып. 1. Текст. Ч. 1. Пг.: Геол. ком. 1922. 280 с., рис., 4 вкл. л. карт. (Труды геол. ком. Новая серия. 1922. Вып. 122)

То же. Вып. 2. Атлас. Пг.: Геол. Ком. 1922. 17 л. табл., 38 с. текста, пояснения к таблицам (Труды Геол. Ком. Новая серия. 1922. Вып. 122).

Общие задачи геолого-разведочных работ на Урале, необходимых для нужд рудной промышленности // Горный журнал, 1922. № 10–12. С. 445–451.

Отчет о геологических исследованиях и составлении детальной геологической карты северной оконечности Ильменских гор // Изв. Геол. Ком. 1922. Т. 41. № 10. С. 371–373 (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1921 г.)

Карта: геологическая карта окрестностей горы Магнитной. Масштаб 1:84 000, многокрас. // А. Н. Заварицкий. Гора Магнитная и ее месторождения железных руд. Вып. 1. Текст, ч. 1, Пг.: Геол. Ком. 1922. На вкл. л. (табл. А) (Труды Геол. Ком. Новая серия, 1922. Вып. 122)

План. Общий вид рудника Дальнего с юга в ортогональной проекции, 1911. Масштаб 1 : 250, многокрас. // Там же, на вкл. л. (табл. В)

Карта: геологическая карта горы Магнитной. Масштаб 1:10 000, многокрас. // Там же, на вкл. л. (табл. С).

Карта: геологические планы рудников на горе Магнитной, 1911. Масштаб 1:1000, многокрас. // Там же, на вкл. л. (табл. Д).

В 1923 году Александр Николаевич Заварицкий уже с группой своих учеников (А. Г. Бетехтин, А. А. и В. А. Глазковские, В. М. Сергиевский) возвращается к исследованиям коренных месторождений платины (Нижний Тагил), публикуя через 6 лет результаты этих трудов в специальной монографической работе. В связи с этими работами в 1923 г. он объездил дунитовые массивы Урала от Исовского до Денежкина Камня. В это время ему пришлось побывать на Нижне-Тагильском, Косьвинском и Конжаковском массивах.

Сдал в фонды Геологического музея 144 образца [8].

Руководил петрографической секцией Геолкома.

Опубликовано:

Гора Магнитная и ее месторождения железных руд. Вып. 1. Текст, ч. 2. Пг.: Геол. Ком. 1923. С. 281–414, рис. (Труды Геол. Ком. Новая серия. 1923. Вып. 123).

К тектонике Урала // Изв. Геол. Ком. 1923. Т. 42. № 2. С. 51–60, рис.

Один из вопросов геологии и металлогении Северного Урала (Реферат доклада на 1 Всерос. Геол. съезде в Петрограде в 1922 г.) // Геогр. Вестн. 1923. Т. 2. Вып. 1–2. 19 с.

В 1924 г. под руководством Александра Николаевича студентами Ленинградского горного института Ю. А. Билибиным, Д. С. Коржинским, Г. С. Лабазиным, К. Н. Озеровым, И. В. Пуаре и др. была проведена геологическая съемка Бакальских рудников в крупном масштабе, при этом все наблюдения наносились на карту с помощью кипреля и мензулы.

Сдано в фонды Геологического Комитета 681 образец [8].

В это время творческая деятельность А. Н. Заварицкого очень тесно связана с тремя секциями Геологического комитета – Уральской, петрографической, золота и платины.

Из автобиографии: «В 1924 г. была выполнена крупная работа по съемке Бакальских месторождений и изучены все Уральские месторождения платины. Осенью того же года изучал месторождения Тюя-Муюн. За этот период в Геол. Комитете заведовал сначала Уральской секцией, а потом петрографической» [6].

Опубликовано:

Описательная петрография. (С приложением таблицы классификации горных пород по химическому составу). Лекции, прочитанные студентам геолого-разведочного факультета в

1923/24 учебном году. Л., Изд. кассы взаимопом. студ. Ленингр. Горн. Ин-та, 1924. 228 с., рис., 3 вкл. л. табл., 1 вкл. л. диагр.

Отчет об изучении платиноносных дунитовых массивов и коренных месторождений на Урале // Изв. Геол. ком. 1924. Т. 43. № 2. С. 123–124. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1923 г.).

Главные черты в развитии вулканического цикла на Урале // Изв. Геол. ком. 1924. Т. 43. № 3. С. 361–396. (литература 78 названий).

Гипс и ангидрит села Охлебинина // Изв. Геол. Ком. 1924. Т. 43. № 7. С. 973-985, рис.

Задачи гравиметрических исследований в Нижне-Тагильском районе на Урале // Горн. Журн. 1924. № 9–10. С. 656–661, рис., карта.

С 1925 года А. Н. Заварицкий работает **старшим** геологом Геологического Комитета, в стенах которого он проработал до 1935 г. Зимой оставил преподавание рудных месторождений в Горном институте, продолжая преподавать петрографию. В феврале вступил в члены профсоюза горнорабочих.

3 апреля зарегистрирован брак с Екатериной Петровной Боголюбовой.

Летом 1925 года А. Н. Заварицкий был обследован перидотитовый массив Рай-Из на Полярном Урале, открытый в 1923 г. Н. А. Куликом. Уже предварительные результаты исследований имели важное значение и были доложены Второму съезду по прикладной геологии.

«Это была первая крупная целенаправленная экспедиция Александра Николаевича. Прежде всего, экспедиция преследовала цель – выяснить, не являются ли горные породы массива такими же платиноносными, как аналогичные породы Среднего Урала. Кроме того, геологическое строение Полярного Урала в то время было вообще недостаточно выяснено. Александр Николаевич имел уже опыт в изучении платиноносных горных пород и, естественно, что экспедиция была поручена ему. Исследования проводились в труднейших условиях, при недостаточном обеспечении снаряжением. Учитывая, что и с географической точки зрения Полярный Урал был мало изучен, Александр Николаевич пригласил участвовать в экспедиции художника Михаила Егоровича Платунова, с которым был знаком по Ильменскому заповеднику. Рисунки Платунова впоследствии заме-

нили в публикации неудавшиеся фотографии, которые было трудно сделать из-за отсутствия материалов. Александр Николаевич отправился в эту труднейшую экспедицию вместе с женой Екатериной Петровной. Это было их «свадебное путешествие» [5].

Сдал в фонды Геологического Комитета 344 образца (сейчас находятся в фондах ЦНИГРИ) [11].

Опубликовано:

О железных рудах Бакальских месторождений на Южном Урале // Вестн. Геол. Ком. 1925. № 4. С. 1–28. (Приложение к Т. 44. Изв. Геол. ком.)

Дунит Нижне-Тагильского массива на Урале с глубины 500 метров // Там же. С. 35-38.

Выделение газа из скважины в дунитовом массиве на Урале // Там же. С. 75.

Отчет о выполнении детальной маркшейдерско-геологической мензуальной съемки рудников в районе Бакальских железорудных месторождений Южного Урала // Изв. Геол. Ком. 1925. Т. 44. № 2. С. 142. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1924 г.)

Отчет о поисковом опробовании логовых россыпей в районе Таловских гор на территории Миасского округа // Там же. С. 143–144 (Совместно с П. Н. Яковлевым).

Отчет об изучении коренных месторождений платины в районе Нижне-Тагильского платиноносного округа // Там же. С. 145–146.

Отчет о поездке в Фергану для изучения месторождений радиоактивных минералов Кара-Чогыра к югу от ст. Уч-Курган // Там же. С. 171–172.

Возраст и характер залегания базальтов в окрестностях Тюя-Муюнского рудника // Сообщения о научно-технических работах в республике. Вып. 18. Л.: Научн.-хим. техн.-изд. 1925. С. 40–41. (совместно с Д. И. Щербаковым).

1926–1929 годы

1926 год был для Александра Николаевича и грустным и радостным. Как только он вернулся из Испании, у него был проведен обыск НКВД, забрали все полевые дневники и не вернули. Друзья не советовали поднимать шума, тем более, что часть дневников оставалась на Южном Урале, в Ильменском заповеднике, которые позднее погибли в пожаре 1941 года.

17 декабря 1926 года у Заварицких родилась дочь Марианна.

Из автобиографии: «В 1926 г. участвовал в XIV Международном геол. конгрессе докладчиком от СССР о запасах пиритов, участвовал в экскурсиях на месторождениях Гуэльва, Библибао, Альмадек. В 1927–1928 гг. вел детальную съемку и изучал месторождения меди и золота района Миасс-Карабаш на Урале. В 1929 г. исследовал Ильменский минералогический заповедник...» [6].

Директор Ильменского заповедника Дмитрий Иванович Руденко вспоминает: «В 1926 году с картой в руках я выезжал в район, где находились те или иные копи, и, оставив лошадь у дороги, с возницей разыскивал копь. Большую помощь мне оказывала громадная работа, совершенно такая же, проделанная несколько до этого академиком Заварицким А. Н., который изготовил карту копей этого района, занумеровал их и на соснах около копей прибил дощечки, на которых каленым железом были выжжены номера. К сожалению, на многих копиях дощечки были сняты, на некоторых у них слились номера, не были указаны свертки с дороги к этим копиям, но во всяком случае и то, что сохранилось, помогло чрезвычайно. Работы по составлению геологической карты Ильменского заповедника профессор Заварицкий продолжил в 1928 и 1929 годах. Своими указаниями он был очень полезен, а карта, им составленная, была чрезвычайно интересна для заповедника» [9].

Лето 1928 года. Владимир Александрович вспоминает: «Отец в то время жил с семьей на заброшенном Ивановском руднике в нескольких километрах южнее Карабаша. Отсюда он вместе со своим помощником И. К. Никитиным в сопровождении одного или двух рабочих совершал геологические маршруты по району. Иногда они уезжали верхом, иногда в экипаже на один или несколько дней. Впервые я увидел снаряжение геологов: палатки, спальные мешки, складные кровати и столы, вьючные ящики и т. д. Не представлял, что можно с таким комфортом жить в лесу. До этого мои ночевки на покосах проходили в шалашах, охотничьих избушках, а то и просто у костра.

На Ивановском руднике отец с семьей занимал нижний этаж здания бывшей конторы. Где размещались остальные члены экспедиции, не помню. Отец приехал на полевые работы вместе со своей второй женой Екатериной Петровной – молодой, приветливой женщиной, моей сводной сестрой Марьяной,

которой в то время было около двух лет и молчаливой старушкой - няней. Мне тогда было 14 лет.

Окрестности Ивановского рудника были совершенно безлюдны и Екатерина Петровна не раз, всерьез или в шутку, говорила о возможном ограблении. Вскоре она приобрела мне игрушечный револьвер (пугач) с большим количеством пробок. Этим она совершенно подкупила меня, т. к. такое «оружие» всегда было мечтой тагильских мальчишек. Отец мало бывал дома и не знакомил меня с особенностями своей работы. Чтобы я не слонялся без дела, он пытался увлечь меня ... ботаникой, купив для этого превосходный определитель растений. Я был поражен его глубокими знаниями в этой области, далекой, по моему представлению, от геологии. Тогда я еще не знал, насколько гимназическое образование отличается от того, которое мы получали в советской школе второй ступени.

Несколько раз отец брал меня с собой в маршруты. Возможно, произошло это уже после того, как я по своей инициативе пришел из Ивановского рудника к нему в лагерь. Этот лагерь находился всего в 2–3 км от рудника и лесная просека напрямик выходила к нему. При помощи топографической карты мне легко было убедить Екатерину Петровну в легкости и безопасности такого «путешествия». Утром после завтрака бодро отправился в путь. Я знал, что нужно перевалить через возвышенность и далее, пройдя около километра, выйти на дорогу из Миасса в Карабаш, по которой в те годы мало кто ездил. Лагерь находился как раз на пересечении просеки с дорогой. До перевала просека шла по хвойному лесу, была хорошо заметна, но после перевала лес стал смешанным, просека была плохо расчищена и вскоре, войдя в сплошной осинник, я ее потерял. В хвойном лесу я бы продолжал двигаться в нужном направлении, т. к. при любых погодных условиях хорошо в нем ориентировался, но в осиннике, в необычной для меня обстановке сразу понял, что заблудился. Чтобы долго не плутать, вспомнил топографическую карту, вспомнил, что параллельно просеке течет река Киалим, которая, очевидно, тоже пересекает нужную мне дорогу. Повернув на юг, через несколько десятков метров вышел к речке. Места здесь тогда были очень глухими. В смешанном лесу с большим количеством подлеска кое-где выделялись скалистые утесы, заросшие мхом. Уверенно пошел по течению реки, но, проходя мимо одного из утесов, был атакован двумя ястребами, у которых, вероятно, здесь было гнездо. Порядочно испугавшись, быстро преодолел возникшее препятствие и вскоре вышел на дорогу, Повернув по дороге на север, сразу нашел ла-

герь. В нем никого не было. Пришлось ждать до вечера, утоляя голод урюком, который нашел в одном из вьючных ящиков. Вечером рассказал отцу о своих приключениях. Это произвело на него большое впечатление. Много лет спустя он неоднократно вспоминал о моей «сообразительности». Вероятно, ему в 14 лет не приходилось испытать подобное.

Из совместных с отцом маршрутов мне запомнился подъем на гору Юрму и поездка на озеро Аргази. На Юрму ехали верхом в сопровождении навьюченных лошадей. Пологий подъем по дороге был не столько трудным, сколько длительным и однообразным. Донимали слепни размером до 2 см; таких крупных не было в тагильских местах. Поднявшись на плоскую вершину Юрмы, я был очарован красивым видом вокруг. Подобное раньше я видел только на горе Белой в Висимо-Уткинском районе. Особенно прекрасен был вид на юг, где возвышался скалистый красавец Таганай, одна из самых высоких гор Южного Урала в окрестностях города Златоуста. Пока отец с помощниками объезжал скалистые утесы на вершине горы Юрмы, я присматривал за развьюченными лошадьми и наслаждался свежим, «высокогорным» воздухом. Поездка на озеро Аргази была более прозаической. Мы с отцом и одним из рабочих ехали на бричке. Запомнился только мост через реку Миасс и люди, купающиеся в этой реке. Озеро Аргази поразило меня своими размерами и прозрачностью воды. В Нижнем Тагиле самым крупным водоемом был пруд в центре, и вода в нем, а также и в других водоемах (большей частью затопленных карьерах) уже в то время не была особенно чистой, хотя ее брали для питья, но здесь же купались люди, полоскали белье и купали лошадей.

В лагерь на берегу озера Аргази приезжала и Екатерина Петровна. Все вместе мы наблюдали как ужи ловили рыбу, стремительно бросаясь с крутого берега. Пытались рыбачить и мы, но безуспешно.

Так прошло лето 1928 года, время, когда я впервые узнал отца. Он оказался совсем не таким, каковым он мне казался до этого и был изображен на фотографии. За семь лет он заметно располнел, исчезла бородка. Характер у него, как мне показалось, был уравновешенным. Тогда я ни разу не видел его раздраженным, сердитым или озабоченным. Работой он был увлечен полностью и, по-видимому, доволен ее результатами» [10].

Опубликовано:

1926

Физико-химические основы петрографии изверженных горных пород. Л.: Научн. хим.-техн. изд., 1926. 233 с., рис., табл. (Литература 92 назв).

Материалы для изучения золотоносных районов Урала. 1. Гумбейский золотоносный район. 2. Тогузакский золотоносный район. Л.: Геол. Ком. 1926. 144 с., рис., 2 вкл. л. карт. (Материалы общ. и прикл. геол. Вып. 18).

Описательная петрография. Ч. 2. Осадочные породы. Курс лекций, читанный на геологоразведочном факультете в 1925/26 учебном году. Л.: Кубуч, 1926, 154 с., (Литограф. изд.).

Замечания к петрографической номенклатуре. Плагипорфиры // Геол. Вестн. 1926. Т. 5. № 1–3. С. 45–49.

О некоторых структурах // Там же. С. 63–64.

О роли изверженных пород в строении Ильменского петрографического комплекса // Геол. Вестн. 1926. Т. 5. № 4–5. С. 40–43.

О классификации магматических рудных месторождений // Изв. Геол. Ком. 1926. Т. 45. № 2. С. 67–80.

Отчет об исследовании массива Рай-Из, расположенного на северо-запад от Обдорска // Изв. Геол. Ком. 1926. Т. 45. № 4. С. 318–319. (Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1925 г.).

Запасы железных и марганцевых руд на Урале // Марганцевые и железные руды СССР. Харьков: Госплан УССР. 1926. С. 19–26. (Труды Комиссии по металлу при Госплане УССР. 1926. № 6).

Геологическая карта Гумбейского золотоносного района в Южном Урале. Масштаб 5 верст в 1 дюйме, многокрас. // А. Н. Заварицкий. Материалы для изучения золотоносных районов Урала. 1. Гумбейский золотоносный район. 2. Тогузакский золотоносный район. Л.: Геол. ком., 1926. на вкл. л. (Материалы общ. и прикл. геол. Вып. 16).

Геологическая карта золотоносного района верховьев Тогузака в Южном Урале. Масштаб 5 верст в 1 дюйме, многокрас. // Там же, на вкл. л.

1927

Гора Магнитная и ее месторождения железных руд. Вып. 1. Текст, ч. 3, Л.: Геол. Ком. 1927. С. I–XII, 419–695, рис. // Труды Геол. Ком. Новая серия, 1927. Вып. 122.

Геологический очерк месторождений медных руд на Урале. Ч. 1. Колчеданные месторождения на Урале. Л.: Геол. Ком.

1927. 151 с., рис.. 1 вкл. л., карт. (литература 13 названий). (Труды Геол. Ком. Новая серия, 1927. Вып. 173).

Опубликовано 5 работ на иностранном языке.

1928

Коренные месторождения платины на Урале // Л.: Геол. Ком. 56 с., рис. 5 вкл. л., табл. (Материалы общ. и прикл. геол. Вып. 108).

Об оолитовой структуре // Сообщения о научно-технических работах в республике. Вып. 23. Первый Всесоюзный съезд минералогов. Л.: Научн. хим.-техн. изд. 1928. С. 27–29.

Одна из особенностей структуры коренной платины // Там же. С. 39–41. (совместно с А. Г. Бетехтиным)

1929

Описательная петрография. Л.: Кубуч, 1929. 24 с. рис., 4 вкл. л. табл. (Литограф. изд).

Геологический очерк месторождений медных руд на Урале. Ч. 2. Геол. Ком. 1929. 179 с., рис. 2 вкл. л. табл. (литература 62 назв. Частично аннотированная). (Труды Геол. Ком. Новая серия, 1929. Вып. 173).

О мартите вообще и о мартитовых рудах горы Магнитной // Геол. Вестн. 1929. Т. 7. № 1. С. 24–34.

Сульфатный канкринит из Ильменских гор (К столетию названия «канкринит») // Зап. Рос. Мин. Об-ва. Серия 2, 1929. Ч. 58. Вып. 2. С. 201–207, рис.

Изменение кристаллов при помощи микроскопа с федоровским столиком. // Там же. С. 280–297, рис.,

Об оолитовой структуре // Труды Мин. Музея, 1929. Т. 3. С. 25–35.

Источники и литература

1. Известия Геол. Ком. Т. 39 – Пг, 1920. С. 174.
2. Архив Горного института СПб, д. 245.
3. Материалы по горно-разведочному делу М. 1920. Вып. 1. С. 5, 6, 9–14.
4. ЗГАО ф. р-70, оп.1, д. 77, л. 1–4.
5. ГАСО, ф. 95-р, оп. 1, д. 340, лл 12–14.
6. Личный архив М. А. Заварицкой.
7. Справочник: Первый Всерос. геол. съезд – Пг, 1922–12 с.
8. Картотека ЦНГРИМ.
9. Архив Ильменского Государственного заповедника.
10. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Буториной Л. А.

В БУДНЯХ ВЕЛИКИХ СТРОЕК: годы тридцатые

Из автобиографии: «Исследовал в 1930 г. Бердяушский изверженный комплекс. В 1931 г. исследовал вулкан Авачу на Камчатке. В 1932 г. полевых работ не вел.

За последние годы заведовал Кафедрой петрологии в Горном институте, читал курсы: «Общая петрология» и «Физико-химические основы петрологии»; в ГГРУ и затем в ЦНИГРИ был старшим геологом, оставив там всякую административную работу в 1929 г.; в мае 1933 г. был децентрализован из ЦНИГРИ в Экспедиционный комитет Союзразведки и назначен техноручком Камчатской экспедиции. Как консультант в последние годы принимал в разное время участие в работах учреждений: Цветметзолота, Магнитостроя, Гипроруды, Инст-та прикладной Минералогии и как член Совета в НТС Железородной Промышленности» [1].

В годы сталинских пятилеток связь научных исследований А. Н. Заварицкого с запросами промышленности становится все теснее, а размах этих исследований еще шире. Консультируя геологоразведочные работы на горе Магнитной, Александр Николаевич дает обоснование для проектирования Магнитогорского металлургического комбината. Он развивает исследования медных руд Урала, оформляя их в виде капитальной монографии.

В 1930 г. А. Н. Заварицкий проводит исследования сложного Бердяушского комплекса изверженных пород. В фондах музея ЦНИГРИ хранится сданный им 41 образец [2].

«Полевые наблюдения Бердяушского щелочного массива проходили в благоприятных условиях и не потребовали много времени, но последующая обработка собранного материала была очень тщательной. Результаты опубликованы в монографии 1937 года. В ней затронуты очень важные петрологические проблемы: образование щелочных пород вообще, проблемы контаминации и гибридизма изверженных пород и другие. Монография является одной из классических работ в русской петрографической литературе. К сожалению, сопоставления Бердяушского массива с массивом Ильменских гор не удалось сделать. Как упоминалось, материалы по Ильменам погибли» [3].

Опубликовано:

Результаты разведок на горе Магнитной, произведенных в 1926 – 1928 годах. Геологические основания проекта Магнитогорского завода. Л., Гос. ин-т по проект. металлург. зав., 1930, 216 с., табл. рис., 7 вкл. л., табл. (Совместно с Е. Е. Гуткиной).

Комарово-Зигагинские месторождения в Южном Урале и задачи их исследования // Вестн. ГГРУ, 1939. Т. 5. № 7–8. С. 20–25.

О статье Ритмана «Die Zonenmethode» // Вестн. ГГРУ, 1930 Т. 5. № 9–10. С. 4–9, рис.

К классификации и номенклатуре руд горы Магнитной // Вестн. ГГРУ, 1930. Т. 5. № 11–12. С. 23–33.

С 1931 г. начинается новый этап творческой научной деятельности А. Н. Заварицкого. Если до этого, исключая непродолжительные поездки в Среднюю Азию и Крым, Александр Николаевич занимался исследованиями геологии рудных месторождений практически только Урала, то теперь, помимо Урала, его интересы достигают районов Дальнего Востока, Кавказа, Казахстана.

«В 1931 г. по инициативе академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга была организована первая вулканологическая экспедиция на Камчатку. Возглавить ее он рекомендовал Александру Николаевичу. В труднейших условиях, в сравнительно короткий срок, Александр Николаевич изучил вулкан Авачу в окрестностях Петропавловска-на-Камчатке. Исследования эти положили начало русской вулканологии. Результаты экспедиции опубликованы в 1935 году небольшой монографией. Работа иллюстрирована интересными зарисовками художника М. Г. Платунова, вновь сопровождавшего А. Н. Заварицкого в научной экспедиции. Кроме того, в личном архиве Александра Николаевича сохранилось несколько удачных фотографий, показывающих состав экспедиции и условия ее работы. В тридцатые годы Камчатка вообще была мало изучена. Александр Николаевич, кроме обработки собранного им материала, много занимался материалом, который был получен предыдущими исследователями. Он изучает образцы горных пород из окрестностей Ключевской сопки, по материалам К. И. Богдановича описывает северную группу камчатских вулканов, занимается составлением современной географической карты Камчатки с особенностями расположения вулканов» [3].

Большинство исследователей научного наследия А. Н. Заварицкого началом его работ по вулканологии считают 1931 г., когда он возглавил группу сотрудников по изучению вулкана Авача на Камчатке. Эта экспедиция положила начало систематическим научным исследованиям вулканов Камчатки. Однако, первая палеовулканическая работа Александра Николаевича – это статья «Главные черты в развитии вулканического цикла на Урале», опубликованная в 1924 г., в которой поставлен целый ряд вопросов о связи вулканических и тектонических процессов. Работая в области вулканогенных образований Урала, имеющих древний возраст, А. Н. Заварицкий, естественно, заинтересовался и вопросами современного вулканизма, которые могут дать ключ к разгадке и расшифровке продуктов древней вулканической деятельности. Он в 1929 г. впервые совместно с другими учеными поставил вопрос о необходимости таких исследований и приступил к организации первой вулканологической экспедиции на Камчатку.

Об исследованиях на Камчатке Александр Николаевич написал в 1935 г. статью. В ней он отмечает, что Камчатка была одной из наименее изученных в геологическом отношении областей СССР, хотя изредка проводились Российской Академией наук отдельные экспедиции. Новый этап в исследовании Камчатки начался с 1930 г., когда работы проводились Геологическим комитетом (ЦНИГРИ) и Нефтяным геологоразведочным институтом. В работах первого учреждения принимали участие А. Н. Заварицкий, Б. И. Пийп, В. С. Кулаков, Л. Н. Добрецов, В. Е. Кутейников, Б. В. Наливкин, Д. К. Александров, Н. И. Плахута, Д. С. Гантман; в работах второго участвовало еще семь человек. В 1934 г. к работам на Камчатке присоединились А. В. Щербаков по линии Геологического института АН СССР и ряд сотрудников Петрографического института АН СССР.

Величественная группа действующего вулкана Авача и примыкающей к ней и тесно с ней связанной потухшей Козельской сопки была исследована в 1931 г. А. Н. Заварицким и его учениками и сотрудниками. «В 1930 году эта экспедиция была занята составлением топографической карты и предварительной рекогносцировкой подступов к вулкану. Трудные условия передвижения в камчатских зарослях у подножия вулканов, суровые климатические условия, большие высоты и ледники, покрывающие верхние части вулканов, делают необходимой такую подготовку при всяком детальном изучении вулканов Камчатки», – отмечает А. Н. Заварицкий в своей статье «Проблемы советской геологии» (1935).

Вулкан Авача – один из наиболее активных Камчатских вулканов, его извержения отмечены по 10–11 раз в столетие. Авача представляет собой двойной вулкан, построенный по тому же типу, что и Везувий, но вдвое выше и больше Везувия. Исследования 1931 года выяснили историю образования вулкана.

Опубликовано:

Магматические и метаморфические породы Урала // Геологическая карта Урала. Масштаб 1 : 1 000 000. Объяснительная записка. Геол. изд. ГГРУ, 1931. Стб. 101–122. Карта.

Опыты плавления пород горы Магнитной, сопровождающих руду // Вестн. ВГРО, 1931. Т. 6. № 7–8. С. 1.

Некоторые вулканические породы окрестностей Ключевской сопки на Камчатке // Зап. Рос. Мин. Об-ва. Серия 2. 1931. Ч. 60. Вып. 2. С. 153–236. Табл. рис.

В 1932 г. Александр Николаевич в экспедициях не участвовал. После работы на Камчатке болел ревматизмом и летом проходил лечение в Мацесте (Сочи).

В 1932 г. вулканические исследования на Камчатке неожиданно расширились в новом направлении. Один из участников исследования Авачи В. С. Кулаков, командированный на Камчатку музеем Горного института с целью собрать некоторый материал для музея, около месяца проводил наблюдения около растущего нового кратера Ключевской сопки, «с необычайной смелостью собирая материалы извержения и сделав ряд интереснейших наблюдений над деятельностью кратера, взрывами газов, движением лавы и т. д. Впервые русскому геологу посчастливилось с такой детальностью изучить величественное и грозное явление вулканического извержения», – подчеркивает А. Н. Заварицкий.

Наряду с работой в области вулканологии, А. Н. Заварицкий с прежней энергией и целеустремленностью продолжал углубленное изучение полезных ископаемых Урала.

Опубликовано:

Перидотитовый массив Рай-Из в Полярном Урале. ОНТИ, 1932. 221 с., рис., 12 вкл. л. табл., 1 вкл. л., карта.

Введение в петрографию осадочных горных пород. ГОНТИ, 1932. 79 с., рис., табл.

Месторождение вулканических газов на Камчатке // Природные газы. Сб., 3. Под ред. проф. П. И. Богаевского, И. О. Брод, А. М. Гинзбурга, и др. 1932. С. 143–146.

То же, допол. // За природные газы. (сб. статей). Л., б. н., 1932. С. 70–75.

Ред. перевода: Г. В. Тиррель. Основы петрологии. Введение в науку о горных породах, Перевод с англ. С. П. Соловьева. ГОНТИ, 1932. 328 с.

Предисловие. // Там же. С. 3.

Ред. перевода: П. А. Вагнер. Месторождения платины и рудники Южной Африки. Перевод с англ. В. В. Фукс. Цветметиздат, 1932. 279 с.

Ред. перевода: К. Киношита. О генезисе месторождений Куромоно. Перевод с англ. Е. П. Заварицкой. Цветметиздат, 1932. 24 с.

Предисловие // Там же. С. 2.

Карта. Геологическая карта массива Рай-Из на Полярном Урале. Масштаб 1:200 000, многокрас. // А. Н. Заварицкий. Перидотитовый массив Рай-Из в Полярном Урале. М.-Л., Гос. научно-техн. геол.-развед. Изд. 1932, на вкл. л.

С 1933 года Александр Николаевич принимает участие в изучении новых колчеданных месторождений Южного Урала (Блява, Халилово и Айдырли – Башкирия), а также аналогичных по происхождению месторождений в Закавказье.

Вулканические исследования Камчатки, начатые в ЦНИГРИ под общим руководством А. Н. Заварицкого, продолжались и дальше. Вторым вулканом, изученным в 1933 г. Б. И. Пийпом, был вулкан Узон, расположенный в 160 км от Авачи. Б. В. Наливкин сделал пересечение Среднего Камчатского хребта.

С 1933 г., помимо работы в Геологическом комитете и преподавательской деятельности в Горном институте, А. Н. Заварицкий принимает участие в работах Академии наук. Выписка из приказа № 185 Личного состава АН СССР от 21 октября 1933 года: «Параграф 17. Считать зачисленным тов. Заварицкого А. Н. на должность ст. геолога ГИН с **15 сентября 1933** года с окладом 450 рублей в месяц по ст. 1. Основание: постановление Президиума от 15 сентября 1933 года» [4].

С этого времени и до конца жизни деятельность Александра Николаевича была связана с академической наукой.

Опубликовано:

Пересчет химических анализов изверженных горных пород. Горно-геол. нефт. Изд., 1933. 110 с., рис., 1 вкл. л., диагр.

Ред. перевода: Г. В. Тиррель. Основы петрологии. Введение в науку о горных породах. Перевод с первого англ. изд. С. П. Соловьева. Изд. 2, 1933. 323 с.

Предисловие // Там же. С. 7.

В 1934 г. в связи с введением ученых степеней и званий А. Н. Заварицкому в числе других виднейших ученых нашей страны присуждается ученая степень доктора геолого-минералогических наук.

Летом изучал колчеданные месторождения Закавказья.

23 октября утвержден Правительственной комиссией к переводу из Ленинграда в Москву на должность старшего ученого специалиста Геологического института АН СССР.

Летом 1934 г. на средства Камчатского облпрофсовета были исследованы другие многочисленные группы горячих ключей Камчатского полуострова с целью обнаружения среди них лечебных источников. Б. И. Пийп и Д. К. Александров, проводя эту работу, собрали большой материал по геологии района. В срединной части Камчатки в 1934 г. были начаты исследования Геологическим институтом Академии наук. По инициативе и при руководстве А. Н. Заварицкого были организованы экспедиции А. С. Щербакова и В. С. Кулакова.

Александр Николаевич все эти годы в Ленинграде исследовал образцы минералов и горных пород, поступавших из экспедиций.

Опубликовано:

О псевдолейцитовых и эпилейцитовых горных породах // Докл. АН СССР, 1934. Т. 3. № 8–9. С. 645–648.

О терминах «алеврит», «альфитит» и некоторых других // Проблемы сов. геол. 1934. Т. 3. № 8. С. 127–130.

Литология и петрология // Проблемы сов. геологии. 1934. Т. 4. № 9. С. 73–76.

Ред. перевода: Г. В. Тиррель. Вулканы. Перевод с англ. Е. П. Заварицкой. ОНТИ, 1934. 220 с.

Предисловие. // Там же. С. 3–4.

1935

5 апреля утвержден ВАКом в ученом звании действительного члена Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института (г. Ленинград) по специальности геология [1].

15 апреля газета «Уральский рабочий» сообщила: «Вчера в Свердловск приехали председатель Уральского филиала Академии наук начальник Уральской комплексной экспедиции академик И. П. Бардин, А. Н. Заварицкий и другие научные работники. Сегодня в Доме техники откроется конференция по комплексной экспедиции. В беседе с нашим корреспондентом академик Бардин сказал: «На конференции участники экспедиции вместе с общественностью Урала обсудят задачи экспедиции и планы работы по геологии, энергетике, лесу и окончательно их прокорректируют. Сама экспедиция начнет работать с 15 мая.

После решений 18-го съезда партии важность Уральской комплексной экспедиции особенно ясна. Мы попытаемся связать рудные богатства с остальными условиями, которые необходимы для планового использования богатств Урала» [5, а].

В июне 1935 г. А. Н. Заварицкий высказывает озабоченность о судьбе начатых исследований. Он пишет: «Сейчас произошли новые перемены в истории камчатских исследований. В 1935 г. на Камчатку не отправляется ни одна экспедиция ЦНИГРИ, в то же время полевые работы Геологического института Академии наук были переданы Петрографическому институту академии. Новые люди вновь подходят к Камчатке как некоторой *terra incognita*. Будем, однако, надеяться, что сознание важности огромных задач, которые стоят перед нами в деле изучения геологии и вулканологии Камчатки, вновь оживит неожиданно прерванную работу и тех исследователей, которые ее уже начали и были готовы продолжить» (Заварицкий, 1935).

По инициативе Ф. Ю. Левинсон-Лессинга в пос. Ключи 1 сентября 1935 г. была организована Камчатская вулканологическая станция АН СССР, являвшаяся до 1962 г. практически единственным научным учреждением страны, изучавшим явления вулканизма. А. Н. Заварицкий, В. И. Влодавец, С. И. Набоко, Б. И. Пийп, Г. С. Горшков – весь цвет советской вулканологии – в течение многих лет олицетворяли деятельность этой станции, ставшей вскоре широко известной не только в нашей стране, но и во всем мире.

Эти наблюдения систематически публиковались в Бюллетене Вулканологической станции. После смерти академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга Александр Николаевич возглавляет Камчатскую вулканологическую станцию, а позднее организует в Москве Лабораторию вулканологии Академии наук СССР, оставаясь ее директором до конца своей жизни.

Опубликовано:

Северная группа вулканов Камчатки / Тр. СОПС, АН СССР, серия Камчатская. Вып. 11, 1935. 55 с., рис., табл.

Вулкан Авача на Камчатке и его состояние летом 1931 г. Л.-М.: ОНТИ, 1935. 35 с., рис. табл., 1 вкл. л., карт. (Тр. ЦНИГРИ. Вып. 35).

Камчатка // Природные газы СССР: сб статей, 1935. (совместно с В. И. Рейнеке).

Лампрофиры и родственные им породы на горе Магнитной / Тр. Петрограф. Ин-та АН СССР, 1935. Вып. 5. С. 115–126. Рис., табл.

Некоторые предварительные результаты исследования плавленных горных пород // Зап. Ленингр. Горн. Ин-та, 1935. Т. 9. Вып. 1. С. 41–44. (совместно с И. К. Никитиным).

Об одной важной петрохимической закономерности // Зап. Ленингр. Горн. Ин-та, 1935. Т. 9. Вып. 2. Рис., табл., диагр. на вкл. л.

Пять лет геологических исследований Камчатки // Проблемы сов. геологии, 1935. Т. 5. № 12. С. 1095–1102.

1936 год

Документы Геологического института АН СССР (Москва):

«Характеристика.

Заварицкий А. Н. родился в 1884 г. в семье дворянина (отец мировой судья) в г. Уфе. Беспартийный. Доктор геологических наук. В 1909 г. окончил Ленинградский Горный институт. С 1904 по 1906 состоял в партии РСДРП (б). Имеет более 32 печатных работ по петрографии и рудным месторождениям, главным образом Урала.

В общественно-политической жизни Института участия пока не принимает. Директор института (И. Григорьев) Предметкома (Дубков)» [4].

«Служебная записка. Заварицкий Александр Николаевич. Крупнейший петрограф и специалист по рудным месторождениям. Главным образом Урала. Перу А. Н. Заварицкого принадлежат многочисленные работы, имеющие руководящий характер по железорудным и платиновым месторождениям Урала. Особо выдающееся положение А. Н. Заварицкого, которое он с полным правом занимает в среде ученых, определяет вполне естественно необходимость персонального его выделения в штате ГИНа. Зам. директора ГИН (Наливкин). Ученый секретарь (Павловский)» [4].

Выписка из Всесоюзного комитета по Высшей школе за № Ф-52 от 10 сентября 1936 г.: «А. Н. Заварицкий утвержден Высшей Аттестационной Комиссией в ученой степени доктора геолого-минералогических наук. Основание: Протокол заседания 23 мая 1934 г Уч. Секр. ВАК (Травина)» [1].

«**Краткий отзыв** о научных трудах проф. А. Н. Заварицкого.

Профессор А. Н. Заварицкий в настоящее время имеет уже 95 печатных научных трудов и еще 17 трудов печатаются или сданы в печать. Все эти труды распределяются на период с 1908 г. и первые из них представляют еще студенческие работы.

Все труды за редким исключением принадлежат двум отраслям геологии – петрографии и учению о рудных месторождениях, в которых А. Н. Заварицкий сделался видным специалистом, сочетая во многих случаях изучение горных пород с исследованием рудных месторождений; значительная часть трудов касается горных пород и рудных месторождений Урала, на котором А. Н. Заварицкий начал свою научную деятельность и который и позже привлекал его особенное внимание; особенно подробно им изучены медные месторождения, описанные в двухтомной монографии, затем месторождение железных руд горы Магнитной, которому посвящены несколько трудов, некоторые другие месторождения этих же руд, месторождения платины, золота, корунда, барита, а также горные породы разных мест Урала. Отдельные работы касаются тектоники и вулканического цикла на Урале.

На второе место можно поставить петрографические работы по вулканическим породам Камчатки, которые заняли внимание А. Н. Заварицкого в последние годы в связи с академическими экспедициями на этот полуостров. Ряд трудов посвящен различным теоретическим вопросам петрографии и приемам петрографических исследований; к этой же категории относится руководство по петрографии в двух частях и изложение физико-химических основ петрографии изверженных пород. Вопросы классификации магматических рудных месторождений вообще. Классификация и номенклатура руд горы Магнитной в частности, также занимали этого исследователя. Ему же принадлежала редакция переводов нескольких сочинений по петрографии и рудным месторождениям. Как опытный консультант, А. Н. Заварицкий принимал участие в работах разных учреждений, связанных с горным промыслом.

Труды А. Н. Заварицкого по медным, железным, золотым и платиновым месторождениям Урала, по горным породам Урала, Камчатки в частности, и по петрографии вообще, содержат огромное количество фактического материала, большую часть собранного самим исследователем во время многолетних полевых работ и подвергнутого тщательной обработке. Они внесли много нового и ценного в наши познания по рудным месторождениям и петрографии вообще и выяснили нам состав и генезис целого ряда крупных месторождений и комплексов горных пород. Ученая степень доктора, присужденная А. Н. Заварицкому без защиты диссертации, отметила вполне справедливо его научные заслуги. Академик Обручев. 15.09.1936 г., г. Москва» [4].

С 1 января 1936 г. Александру Николаевичу назначена персональная пенсия.

10 октября – выдано удостоверение ПВХО (Экзамен сдан на отлично, имеет личный противогаз) [1].

В середине тридцатых годов Александр Николаевич заинтересовался вулканическими породами, которые содержали лейцит, и их палеотипными аналогами. В Советском Союзе такие породы были обнаружены в 1931 г. в среднем течении реки Ишим в Казахстане.

«В то время о геологическом строении массива не было почти никаких сведений, и поэтому А. Н. Заварицкий, заинтересовавшись оригинальными щелочными породами Ишима, в 1936 г. посетил массив и в течение двух месяцев очень тщательно собрал большой и интересный петрографический материал. В дальнейшем обстоятельства сложились так, что обработкой собранного материала акад. А. Н. Заварицкий так и не смог заняться, хотя он неоднократно пытался найти время для его исследования (1938). Судя по сохранившимся материалам, А. Н. Заварицкий собирался написать об Ишимском щелочном массиве большую монографию. К сожалению, в оставшихся материалах не оказалось общего плана этой работы. Сохранились только коллекции образцов и шлифов, полевые дневники, данные химических анализов некоторых образцов и часть текста, относящаяся, главным образом, к описанию геологии массива.

Щелочные породы Ишима – весьма оригинальные горные породы, и знание их существа должно иметь некоторое значение при решении ряда общих петрографических вопросов. С собранным лично А. Н. Заварицким фактическим материалом и его первыми представлениями о геологии Ишимского массива должны были ознакомиться широкие круги наших петрографов.

Поэтому необходимо было закончить начатую работу» [3]. Это было сделано сыном Александра Николаевича кандидатом геолого-минералогических наук Владимиром Александровичем Заварицким. Работа была выполнена в 50-е годы, но по неизвестным причинам вышла в свет только в 1973 г.

Опубликовано:

Интерференционный микрорефрактометр и его применение в минералогии и петрографии. М.-Л.: ОНТИ, 1936. 47 с., рис.

Об изучении химизма горных пород с помощью диаграмм // Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности. Т. 2. Изд. АН СССР, 1936. С. 1041–1058, рис.

Лавы вулканов в окрестностях Мэргэня // Докл. АН СССР. 1936. Т. 1. № 9. С. 357–360. (Литература 9 назв.).

Об атачите и некоторых новых данных по геологии месторождения горы Магнитной // Изв. АН СССР. ОМОН. Серия геол., 1936. № 2–3. С. 321–327.

К определению двупреломления минералов // Тр. Петрограф. ин-та АН СССР. 1936. Вып. 7-8. С. 7–15.

Щелочные горные породы Ишима // Там же. С. 47–105, рис., 1 вкл. л. табл.

Колчеданное месторождение Блява в Южном Урале и колчеданные залежи Урала вообще // Труды Геол. ин-та АН СССР. 1936. Т. 5. С. 29–65.

К вопросу о генезисе тифлиских терм // Там же. С. 79–84.

Петрографические работы А. П. Карпинского // Природа, 1936. № 10. С. 12–19.

Предисловие к работе М. П. Головкина «К петрографии льда Карского моря» // Тр. Арктич. ин-та. 1936. Т. 60.

Еленовское месторождение флюсовых известняков // Металлургические известняки юга СССР. Ч.1. Геология и качественная характеристика месторождения известняков. ОНТИ. 1936. С. 5–60, рис., табл., 3 вкл. л. черт. (Совместно с В. Г. Орловским, Н. Я. Курбатовым, А. Г. Кечек). (ГГУ и ГУМП НКТП СССР, ВНИИ минерального сырья и трест «Нерудсталь». Серия книг по нерудному сырью черной металлургии Вып. 3).

Предисловие к работе В. С. Соболева «Петрология траппов Сибирской платформы» // Тр. Арктич. ин-та. Т. 43. 1936.

К методике изучения качества железных руд // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1936. № 2. С. 27–36.

1937 год – Международный Геологический Конгресс.

Под редакцией Александра Николаевича и при его непосредственном участии был составлен путеводитель по Уралу к 17-му Геологическому конгрессу, который состоялся в Москве в 1937 году. Сам же Александр Николаевич руководил Южно-Уральской экскурсией и на Конгрессе выступил с докладом, посвященным закономерностям пространственного размещения вулканов Камчатки.

Избран вице-президентом Всесоюзного минералогического общества.

Владимир Александрович Заварицкий вспоминает: «Жизнь семьи протекала довольно однообразно. Отец часто оставался и работал дома. На кафедре, на занятиях он находился значительно меньше, чем дома. Немного больше, чем в институте, он был на работе в здании ЦНИГРИ (Бывшем Геолкоме, ныне ВСЕГЕИ). Я редко видел отца не за работой. В его кабинете было два больших письменных стола. За одним он работал с микроскопом, за другим писал. И, наконец, у него было очень удобное кресло, в котором он проводил большую часть времени. Сначала мне показалось, что там он отдыхает, но это было не так. Отец часами читал, сидя в кресле. Даже когда он был без книги, было заметно, что он что-то обдумывает. Через определенные промежутки времени он вставал, подходил к книжным шкафам, занимавшим всю стену кабинета, отыскивал нужную ему книгу, тут же ее перелистывал, ставил на место и возвращался в кресло. Так он работал независимо от того, писал ли он в это время научную статью или готовился к лекции. Совершенно по другому протекала его работа на кафедре Горного института.

Екатерина Петровна редко заходила в кабинет, когда отец работал. Иногда он ей что-то диктовал, сидя в том же кресле или прохаживаясь по кабинету. Все время он хотел привлечь ее к научной работе, отвлечь от повседневных забот по хозяйству. Еще в мои студенческие годы Екатерина Петровна овладела английским языком, занимаясь в кружке при Доме Ученых (перевела в 1932 г. книгу К. Киношита «О генезисе месторождений Куромоно» 24 с., а в 1934 г. книгу Г. В. Тирреля «Вулканы» 220 с., к которым А. Н. Заварицкий редактировал перевод), и даже сама написала научно-популярную брошюру по этому вопросу. Отсутствие специального образования не позволило ей помогать отцу непосредст-

венно в его научной работе, но как технический работник она была помощником отца до самой его смерти.

Конечно, жизнь семьи протекала не только в работе. Отец и Екатерина Петровна много читали, изредка ходили в гости, в театры. Были и у нас гости, но в то трудное время это было редко и многое уже забылось. Запомнил, что они оба увлекались чтением «Истории испанской инквизиции», часто за обедом и ужином обсуждали прочитанное, сравнивали Испанию тех времен с нашей действительностью...» [3].

Опубликовано:

Петрография Бердяушского плутона. М.: ОНТИ. 1937. 406 с., рис., 23 вкл. л. табл. (Литература 76 назв.) (ГГУ, Оргкомитет XVII Международного геологического конгресса. Тр. ЦНИГРИ. Вып. 96).

О фузивных магматических месторождениях // Изв. АН СССР. ОМОН. Серия геол. 1937. № 4. С. 765–788. Рис. (литература 19 назв.).

Перидотитовые массивы Полярного Урала и окружающие их породы // Петрография Урала. Ч. 1. 1937. С. 7–54. Рис., табл. (Петрография СССР. Серия 1. Региональная петрография. Вып. 7. Под ред. академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга).

Предисловие // Там же. С. 6.

О некоторых вопросах генезиса железорудных месторождений в связи с их классификацией // Труды конференции по генезису руд железа, марганца и алюминия. Под ред. академика А. Д. Архангельского и проф. Н. А. Смольянинова, М.-Л.: Изд. АН СССР, 1937. С. 67–74.

Петрографические работы А. П. Карпинского // Зап. Всерос. Мин. Об-ва. Серия 2. 1937. Ч. 66. Вып. 1. С. 22–29.

Линейное расположение вулканов Камчатки // Тез. докл. на Междунар. Геол. конгрессе, XVII сессия, СССР, 1937 г. ОНТИ. 1937. С. 137.

Государственный Ильменский минералогический заповедник // Уральская экскурсия. Южный маршрут. Под ред. А.Н. Заварицкого. Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937. С.5–17. (совместно с В. И. Крыжановским). (Международный геологический конгресс, XVII сессия. СССР, 1937 г.)

Бердяушский изверженный массив // Уральская экскурсия. Южный маршрут. Под ред. А. Н. Заварицкого. Гл. ред. геол.-развед. и геодез. Лит., 1937. С. 23–31. Рис., 1 вкл. л. карт. (Международный геологический конгресс, XVII сессия, СССР, 1937 г.)

Гора Магнитная // Уральская экскурсия. Южный маршрут. Под ред. А. Н. Заварицкого. Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937. С. 92–107, рис., карта, 1 вкл. л. карт. (Международный геологический конгресс, XVII сессия, СССР, 1937 г.)

Нижне-Тагильский дунитовый массив // Уральская экскурсия. Северный маршрут. Под ред. А. Н. Заварицкого. Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937. С. 63–73, рис., карта. (Совместно с А. Г. Бетехтиным). (Международный геологический конгресс, XVII сессия, СССР, 1937 г.)

Ред.: Уральская экскурсия. Северный маршрут. Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937, 102 с. (Международный геологический конгресс, XVII сессия, СССР, 1937 г.)

Ред.: Уральская экскурсия. Южный маршрут. Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937. 130 с. (Международный геологический конгресс, XVII сессия, СССР, 1937 г.)

Мировая карта вулканов и вулканизма. Цилиндрическая стереографическая проекция Голла с параллелями сечения 30 градусов. Масштаб 1:80 000000. – Большой советский атлас мира. Т. 1. Научно-издат. ин-т Большого советского атласа мира при ЦИК СССР, карта 24-я.

Опубликовано 6 работ на иностранном языке.

1938 год

Опубликовано:

Краткий геологический очерк Ишимского комплекса щелочных горных пород // Изв. АН СССР. ОМОН. Серия геол. 1938. № 4. С. 585–598.

Выборы в академики

В 1939 г. Александру Николаевичу только еще 52 года. 29 января избран Общим собранием Академии наук СССР ее действительным членом. 2 апреля назначен Президиумом АН СССР и. о. директора Института Геологических наук. 15 апреля участвовал в Свердловске в конференции Уральской комплексной экспедиции совместно с академиком И. Бардиным. 29 октября утвержден Общим собранием Академии наук СССР директором ГИН.

В 1939 г. геолого-минералогические науки в Академии представляли: Архангельский Андрей Дмитриевич (1929), Борисяк Алексей Алексеевич (1929), Губкин Иван Михайлович (1929), Карпинский Александр Петрович (1886 по 1936 год), Ле-

винсон-Лессинг Франц Юльевич (1925), Обручев Владимир Афанасьевич (1929), Ферсман Александр Евгеньевич (1919).

Академик А. Е. Ферсман пишет:

«После почти месячной работы специальных экспертных комиссий, заседаний отделений и общего собрания, после широкого общественного просмотра выдвинутых многочисленных кандидатов, общее собрание Академии наук в заседании своем 29 января утвердило избрание 26 действительных членов Академии наук и 44 членов-корреспондентов по физико-математическим и естественным наукам. Соотношение числа вакансий к числу кандидатов колебалось от 1 к 5 и до 1 к 10.

Осуществляется, таким образом, тот союз молодых и старых ученых, всесилие которого было подчеркнуто товарищем Сталиным на приеме в Кремле работников высшей школы.

Теперь в новом своем составе Академия наук сможет во всей широте и глубине разрешить те большие задачи, которые ставят перед ней страна и наука, она сможет выполнить тот план научных работ, который намечен ею на ближайшие годы.

Попытаемся вкратце по отдельным дисциплинам дать характеристику того пополнения, которое вносит столько новых живых сил в академическую семью.

...По постановлению Правительства старое Отделение физико-математических и естественных наук в настоящее время разделено на четыре самостоятельных отделения, из которых каждое объединяет в себе представителей определенных дисциплин.

Новое Геолого-географическое отделение должно широко охватить проблемы геологии, геохимии, географии, геофизики и геодезии.

Широкие проблемы, стоящие в нашей стране в области геологических и географических исследований, настолько многообразны и многогранны, что при выборах особенно резко ощущались трудности избрания на те пять вакансий действительных членов и десять вакансий членов-корреспондентов, которые были представлены этому отделению. Поэтому при выборах отделение должно было остановиться лишь на нескольких, наиболее острых, линиях геологической работы и вынести постановление о необходимости новому Геолого-географическому отделению глубоко продумать свой состав и структуру и выяснить, какие направления в области геологических и географических наук должны быть в ближайшее время представлены в Академии наук.

Речь идет, прежде всего, о тех технических направлениях современной петрографии, которые играют особую роль в нашей металлургии, о новых течениях минералогии и связанных с ними геохимии и кристаллохимии и, наконец, о целом цикле экономгеографических наук. В области геологии избраны были три действительных члена.

Михаил Антонович Усов – директор Всесоюзного Геологического института в Москве. Блестящий ученик академика В. А. Обручева. ... Особенная заслуга М. А. Усова лежит в деле создания им крупнейшей школы геологов, которые разбросаны по всей Сибири и Уралу, а также в укреплении тех геологоразведочных работ, которые обусловили практическое развитие горной промышленности Западной Сибири.

Павел Иванович Степанов – профессор Ленинградского горного института и директор Центрального геологического музея в Ленинграде, один из крупнейших исследователей каменноугольных месторождений Союза. Ему страна обязана постановкой и в значительной степени разработкой идеи так называемого Большого Донбасса, благодаря которому промышленность обогатилась новыми районами угольных месторождений.

Другой крупнейшей заслугой П. И. Степанова перед советской наукой является его многолетняя работа по созданию одного из лучших в мире геологических музеев. В этом деле ему удалось не только поднять музейное дело на большую теоретическую высоту, но и создать в музее широкую общественно-просветительскую работу.

А. Н. Заварицкий является одним из крупнейших исследователей рудных месторождений Урала.

В своих работах он широко и умело связывает проблемы петрографии с вопросами геологии и тектоники. Его классическое исследование горы Магнитной послужило основой для создания магнитогорской промышленности. Его работы по меди и платине Урала лежат в основе промышленных разведок цветной металлургии» [6].

Членами-корреспондентами по геологии были избраны: С. С. Смирнов, П. И. Лебедев, С. Ф. Григорьев, А. Г. Вологдин, С. Ф. Федоров, Ф. П. Сваренский. Академия считала, что состав ее должен быть пополнен людьми, тесно связанными с жизнью нашей страны, с потребностями ее промышленными и хозяйства. «Новой могучей волной единения старых и молодых научных сил Академия сумеет поднять науку в нашей стране на исключительную высоту и сумеет пронизать этой передовой нау-

кой всю жизнь, все творчество, все народное хозяйство и все стороны новой социалистической культуры нашей великой Родины» [6].

Стремясь сконцентрировать усилия геологов на выполнении важнейших комплексных задач, возникших в процессе индустриализации страны, СНК СССР в конце 1937 г. принял решение о реорганизации геологических учреждений АН СССР. Были соединены Геологический, Петрографический и Институт геохимии и минералогии им. М. В. Ломоносова в единый Институт геологических наук АН СССР (ИГН), директором которого избрали академика А. Д. Архангельского.

Перед объединенным Институтом геологических наук АН СССР были поставлены следующие задачи: а) изучение физических свойств Земли; б) изучение процессов ее исторического развития; в) изучение явлений, происходящих в земной коре, и выяснение условий залегания полезных ископаемых и их генезиса.

Для осуществления этих задач в Институте сформировалось пять секторов, причем в Геологическом секторе сохранились основные отделы и лаборатории прежнего ГИНа с некоторыми изменениями их названий.

В январе 1939 г. академик А. Д. Архангельский по личной просьбе в связи с резким ухудшением здоровья был освобожден от должности директора ИГН АН СССР. На смену ему пришел академик А. Н. Заварицкий [7].

Выписка из протокола засед. Президиума АН СССР от 14 мая 1939 г. «...Установить и. о. Директора Института геологических наук академику А. Н. Заварицкому оклад в размере 2000 рублей в месяц с 16 апреля 1939 года. Президент Академии наук СССР акад. В. Л. Комаров. Печать»[4].

При составлении научно-тематического плана на третью пятилетку Институтом во главу угла была поставлена разработка теоретических основ выяснения закономерностей распределения полезных ископаемых в земной коре с практическими рекомендациями. При этом намечался комплексный подход к ее решению силами специалистов-геологов различного профиля и предполагавший сочетание полевых, камеральных, экспериментальных работ с научно-теоретическими обобщениями.

Наряду с другими подразделениями ИГН АН СССР, отделы Геологического сектора активно участвовали в исследованиях, охвативших крупнейшие регионы нашей страны, которые предполагались наиболее перспективными с точки зрения об-

наружения там крупных залежей полезных ископаемых: Урал, Кавказ, Западная Сибирь, Казахстан.

Конференция Уральской комплексной экспедиции АН СССР.

«В процессе подготовки Уральской комплексной экспедиции 1939 г. было задумано проведение в Свердловске межобластной научной конференции по вопросам геологического, техноэкономического, сельскохозяйственного, энергетического, географического изучения Урала. Поводом к этому послужило большое количество исследований, проведенных за последние годы на Урале различными организациями и лицами. Эти исследования необходимо было объединить в виде какой-то сводки.

Перед конференцией были поставлены следующие задачи:

а) обсудить главнейшие вопросы изучения Урала в области сырья, его освоения и организации хозяйства;

б) подвести итог подготовительному периоду Уральской комплексной экспедиции;

в) проверить еще раз план экспедиции;

г) мобилизовать местную научную общественность:

д) консолидировать силы экспедиции и местных научно-исследовательских и практических органов для наиболее успешного и полного выполнения поставленных перед экспедицией задач.

Подготовка к конференции была начата в конце прошлого года, когда в СОПС, на основании собранных материалов, была разработана программа конференции. В разработке программы принимали деятельное участие Институт геологических наук, академики: И. П. Бардин, А. Н. Заварицкий, С. Г. Струмилин и А. Е. Ферсман. Программа была обсуждена несколько раз на заседаниях комиссии с привлечением других институтов Академии наук.

В конце декабря проект программы конференции был обсужден в Свердловске в Областной плановой комиссии и принят с небольшими дополнениями. В январе программы были обсуждены с представителями Уральского геологического управления на широком совещании актива Уральской комплексной экспедиции, где и были приняты в окончательной форме.

В связи с рядом обстоятельств, срок созыва конференции был назначен на 15 апреля в Свердловске. К этому времени в подготовку конференции включился УФАН и Уральское геологическое управление. В Свердловске был создан Оргкомитет,

куда входили, помимо указанных учреждений, также представители Облисполкома, Горного института и Индустриального института, а также академик Л. Д. Шевяков, в качестве председателя Оргкомитета. Оргкомитет созвал ряд совещаний, на которых со стороны свердловских организаций были внесены некоторые дополнения в программу конференции.

О подготовке конференции и об ее открытии и работах научная общественность широко оповещалась через местную печать и радио.

Конференция открылась в точно намеченный срок – 15 апреля в 7 час. вечера в Уральском доме техники в Свердловске. На конференции были организованы секции: геологическая, энергетическая и географическая. Кроме того, при конференции были проведены совещания по сельскохозяйственным вопросам и по водному хозяйству. Конференция открылась пленарным заседанием. Второе пленарное заседание прошло 19 апреля, вечером. На них был доложен план Уральской комплексной экспедиции и результаты работ секции. Таким образом, конференция работала 5 дней. На пленарных заседаниях было заслушано 5 докладов и на секционных заседаниях – 32 доклада. Из общего количества докладов 20 докладов были сделаны работниками Урала.

Общее количество участников конференции в первый день превысило 350 человек. В последующие дни в работах конференции во всех секциях суммарно участвовало в среднем ежедневно 200–250 человек.

В результате работ конференция разрешила все поставленные перед ней задачи. Были заслушаны как доклады сводного характера, заключающие в себе информацию о проделанных в той или иной отрасли знаний работах, так и оригинальные доклады, представляющие собой результат исследовательской работы, впервые публикуемые. Таким образом, аудитория получила наиболее свежий научный материал и некоторые новые научные концепции.

Все доклады конференции в исправленном авторами виде поступили в СОПС. Те из них, которые на сегодня представляют наиболее законченные сводки, опубликованы в настоящем сборнике по постановлению президиума СОПС» [8].

Летом А. Н. Заварицкий проводил экспедиционные работы в Армении, на вулкане Голгат.

Опубликовано:

Геологический и петрографический очерк Ильменского минералогического заповедника и его копей. – Гл. упр. по заповедн., 1939. 318 с. Рис., 1 вкл. л. карт. (Литература 224 назв).

К вопросу о происхождении железных руд Бакала. Изд. АН СССР, 1939. 39 с., табл. (Литература 55 назв) (Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. Вып. 13, серия рудных месторождений, № 2).

Геологическая карта Государственного Ильменского минералогического заповедника. (Объяснительная записка). Ком. По делам геол. при СНК СССР. (ВСЕГЕИ). 1939. 10 с.

О названии «техническая петрография» // Вестн. АН СССР. 1939. № 4–5. С. 147–148.

О картах прогноза // Вестн. АН СССР. 1939. № 8–9. С. 151–156.

К методике изучения качества железных руд // Изв. АН СССР. Серия геол. 1939. № 2. С. 27–36. (Литература 5 назв).

О вулканах окрестностей Мэргэня и их лавах // В. А. Обручеву к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности. Т. 2. Изд. Акад. Наук СССР. 1939. С. 9–58. Рис., табл.

Лавы и связанные с ними горные породы Соммы и Везувия и диаграмма, выражающая особенности их химического состава // Зап. Ленингр. Горн. ин-та. 1939. Т. 12. Вып. 2. С. 1–22. Рис., табл. (Литература 10 назв.)

О рисовании шлифов горных пород // Там же. С. 23–31. Рис. (Совместно с О. П. Васнецовой).

Магматические и метаморфические породы Урала // Геологическая карта Урала. Масштаб 1:500 000. Объяснительная записка, составленная коллективом авторов под ред. И. И. Горского. ГОНТИ. 1939. С. 105–122.

От редакции // Е. А. Кузнецов. Геология зеленокаменной полосы восточного склона Среднего Урала. Изд. АН СССР. 1939. С. 3.

Карта. Геологическая карта Ильменского минералогического заповедника по наблюдениям 1927 и 1929 гг. Масштаб 1:25 000, сечение рельефа через 20 метров, многокрас. // А. Н. Заварицкий. Геологический и петрографический очерк Ильменского минералогического заповедника и его копей. М., Изд. Главн. Упр. по заповедн. 1939. на вкл. л.

10 января 1940 г. А. Н. Заварицкий назначен научным руководителем и Председателем ученого совета Камчатской вулканологической станции (пос. Ключи), руководил заочно.

«Приказ № 50. Институт геологических наук Академии наук СССР, 5 апреля 1940 года. Ввиду обострения моего заболевания, о котором мной сообщалось в Президиум АН, по моей просьбе от освобождении от должности директора ИГН, и невозможности в силу этого выполнять функции директора, поручаю исполнение обязанностей директора Института моему заместителю С. Л. Кашину, а в его отсутствие А. Г. Бетехтину. Директор ИГН Заварицкий» [4].

В августе 1940 г. А. Н. Заварицкий вместе с уральскими геологами совершил большую автомобильную экспедицию на Урал в связи с ревизией и обсуждением на местах ряда основных вопросов геологии Урала. Результаты этой экспедиции оказались исключительно благоприятными.

Об этой экспедиции сообщила газета «Уральский рабочий»: «В Свердловск приехал академик А. Н. Заварицкий. Он возглавит группу геологов Академии наук СССР, ее Уральского филиала, Уральского геологического управления и геологов, работающих в медной промышленности. Вчера в беседе с нашим корреспондентом академик Заварицкий сообщил: «Наша группа, являющаяся частью Уральской комплексной экспедиции Академии наук, ставит себе целью собирать материалы для общих выводов в строении и геологической истории Урала. Мы должны дать объективные и однозначные толкования этих фактов на месте, в поле, а не путем кабинетных и литературных дискуссий. Места, где мы побываем, уже посещались геологами и описывались в научной литературе. Но эти описания недостаточно точны, иногда недостаточно объективны, а в ряде случаев они допускают различные толкования. Поездка по Уралу продлится около месяца» [5, 6]. Были обследованы выходы пород у Верхнего и Нижнего Тагила, Кыштыма, Верхнего Уфалея, Вишневых гор, Учалов.

Опубликовано:

Что же такое петрография? // Вестн. АН СССР. 1940. № 1–2, С. 114–117.

О статье А. Н. Алешкова и ответе Г. Л. Падалки // Изв. АН СССР. Серия геол. 1940. № 5, С. 21–25.

О вулканах Камчатки // Камчатский сборник. Т. 1. / Изв. АН СССР. 1940. С. 181–225, табл., карта, (Литература 16 назв.).

О корреляции минералогического состава с параметром числовых характеристик // Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. 1940. Вып. 53. 202 с.

Новейшие вулканические образования Армении // Там же. С. 208–209.

Эксплозионные обломки вулканов Авачи и Козельской сопки // Там же. С. 211–212.

О геологическом изучении интрузий на Урале // Тр. Уральской научн. конф. (15–19 апреля 1939 г., Свердловск). Изд. АН СССР. 1940. С. 25–33.

Ред.: Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. 1940. Вып. 53. 248 с. Краткий обзор научных работ института за 1939

Ред.: Геологическая карта Камчатки. Масштаб 1:2 000 000, многокрас. АН СССР. СОПС. 1940.

Письмо А. Н. Заварицкого директору Ильменского заповедника И. М. Ляпину.

«Москва, 23 января **1941 г.**

Многоуважаемый Иван Михайлович.

Этим летом я предполагаю работать на Южном Урале. Во время нашей встречи в Ильменском заповеднике Вы говорили о возможности устроиться с семьей на лето на озере Кисягач, кажется в бывшем доме отдыха. В связи с моей работой это Ваше любезное приглашение было бы для меня чрезвычайно хорошим средством совместить работу и отдых.

Обращаюсь к Вам с просьбой сообщить насколько это реально, и что представляет это помещение и каковы будут условия существования там.

Я пытался, согласно Вашей просьбе, найти для заповедника петрографа, но никто не хочет ехать в провинцию из сколько-нибудь опытных.

Искренне уважающий Вас А. Заварицкий» [9].

АН СССР. **Выписка из приказа** заседания Президиума от 4 марта **1941 г.** «...Удовлетворить просьбу академика А. Н. Заварицкого об освобождении его от должности директора Института геологических наук АН СССР. Вице-президент АН СССР акад. Е. А. Чудинов. Печать» [12]. 15 марта 1941 г. переведен на должность старшего научного сотрудника Института геологических наук.

31 марта избран Действительным членом Московского Общества Испытателей Природы (МОИП) [1].

Опубликовано:

Пересчет химических анализов изверженных горных пород и определение химических типов их. Справочное пособие. Изд. АН СССР. 1941. С. 1–42. Текст; С. 43–156, табл. (Литература 208 назв.).

Некоторые основные вопросы геологии Урала // Изв. АН СССР. Серия геол. 1941. № 3. С. 36–110. Рис. 1, вкл. л. карт. (Литература 63 назв.).

Камчатская вулканологическая станция Академии наук СССР // Рефераты научно-исследовательских работ за 1940 год. Изд. АН СССР. 1941. С. 83–87.

Ред.: Геологическая карта Камчатки. Объяснительная записка. АН СССР. 1941. 15 с. (Сводка коллективных работ 15 авторов)

От редакции // А. П. Карпинский. Собрание сочинений. Т. 3. Изд. АН СССР. 1941. С. 7–8.

От редакции // Универсальный столик. Е. С Федорова. Изд. АН СССР. 1953.

Ред.: А. П. Карпинский. Собрание сочинений, т. 3. Изд. АН СССР. 1941. 576 с.

Источники и литература:

1. Личный архив М. А. Заварицкой.
2. Картотека ЦНИГРИМ.
3. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Буториной Л. А.
4. Копии в отделе истории Геологического музея РАН, г. Москва.
5. Уральский рабочий, а) 15 апреля 1935 г. б) 21 июля 1940, № 167.
6. Ферсман А. Е. Новые силы в составе Академии наук СССР // Природа. 1939. № 6. С. 3–24.
7. История Геологического института АН СССР. М.: Наука, 1980. С. 20–21.
8. Расцветаев М. К. Конференция Уральской комплексной экспедиции Академии наук СССР // Тр. Уральской научн. конф. Из-во АН СССР. М-Л. 1940 С. 149–150.
9. Архив Ильменского Государственного заповедника.

ВДАЛИ ОТ РАЗРЫВОВ СНАРЯДОВ

Наступил роковой 1941 год. «Александр Николаевич собирался провести лето в разъездах по всему Уралу, изучая колчеданные и другие месторождения. Задолго до начала войны по его инициативе создается Уральская Экспедиция СОПСА АН СССР. Начальник – Н. Е. Калиновский, А. Н. Заварицкий – научный руководитель. Очень солидная организация, хорошо спланированная и снаряженная. Сын Александра Николаевича, Владимир Александрович, выехал для работы в той экспедиции на Урал 15 июня из Ленинграда и твердо знал, как и где будет работать.

Работа директором Института геологических наук АН СССР с 1939 г., постоянные конфликты в связи с мелкими опозданиями его сотрудников на работу и другие неурядицы сильно переутомили Александра Николаевича. В марте 1941 г. у него появились спазмы сосудов головного мозга. Возникла угроза инсульта. В течение какого-то времени А. Н. Заварицкий «отлежался» и восстановил более или менее нормальное состояние. Тем не менее, врачи категорически запретили ему участвовать в какой-либо экспедиции, рекомендовали продолжительный отдых в течение всего летнего периода. Санатории и дачи (своей еще не было) Александр Николаевич очень не любил. Было решено отдыхать в условиях, приближенных к экспедиционным.

Для этого решили поехать на Южный Урал в Ильменский минералогический заповедник. Знакомые места, живописная местность с отличными климатическими условиями. Можно было рассчитывать на комфортные условия жизни: домашнее питание и нормальный ночлег. Полезно было и постоянное пребывание на природе, прогулки по копиям с геологическим молотком, знакомым Александру Николаевичу и интересным для любого геолога. Александр Николаевич лично написал директору заповедника письмо и получил приглашение приехать. 21 июня вместе с женой и дочерью он выехал из Москвы. Его сопровождал только секретарь-референт Захар Семенович Закин. Почему-то поездка держалась в секрете. Знали только, что он взял отпуск и уезжает на дачу. Даже домработница Катя не знала, где находится эта дача. После отъезда Александра Николаевича она некоторое время жила в его квартире, но в связи с войной была эвакуирована на родину, в Вятскую область. Узнав из газет, что Геологический институт и Александр Николаевич на-

ходятся в Миассе, она решила поехать туда, что в условиях военного времени было очень не просто» [1].

22 июня 1941 г. ... Война... Известие об этом семья Заварицких узнает в Пензе, по пути на Урал. Александр Николаевич решает доехать до Миасса и, будучи человеком дальновидным, организовать эвакуацию института в Миасс. В конце июня Александр Николаевич приезжает в заповедник. В Миассе он связался по телефону со своим заместителем А. Г. Бетехтиным, и решение об эвакуации Геологического института в Ильменский заповедник было, по-видимому, их совместным решением.

Гитлеровская Германия на первых порах быстро продвигается на восток, вглубь территории СССР. Наша страна полностью переходит на военный режим. В первые недели войны по инициативе президента Академии наук СССР академика В. Л. Комарова и под его руководством была создана на нужды обороны страны Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. В начале июля Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР по принятому Президиумом Академии наук решению организует несколько экспедиций вглубь страны.

При Президиуме АН СССР срочно был организован штаб во главе с вице-президентом О. Ю. Шмидтом по эвакуации сотрудников институтов Академии и членов их семей на восток. Производственная работа в институтах временно была прекращена. Институт Геологических наук готовится к эвакуации на Урал, в город Свердловск, а 28 сотрудников и 42 члена их семей приезжают в Миасс.

Владимир Александрович вспоминает: «В Ильменском заповеднике Александр Николаевич был радушно принят. Вначале его поселили на лесном кордоне в пустующем доме лесничего, на северном берегу озера Большое Миассово. Это было довольно далеко от главного поселка, но очень удобно для отдыха. Дом лесничего был окружен зарослями сирени, на обширное озеро открывался живописный вид.

В это время на Урале: 1941 г., июль. Первая поездка Александра Николаевича в Свердловск (вместе с сыном, которого вызвал Свердловский Горвоенкомат).

1941 г., ближе к осени. Прибыл эшелон с эвакуированными сотрудниками ГИНа и других академических институтов. С этим эшелоном приехал брат Александра Николаевича, Владимир Николаевич Заварицкий с семьей. Вскоре они уезжают. Некоторые сотрудники приехали не с эшелоном, а самостоятельно, например А. Т. Суслов приехал позднее, он воевал в опол-

чении. С этим эшелонам прибыли библиотека, химическая лаборатория, бухгалтерия, редакционно-издательский отдел, спецотдел. Все они были размещены в помещениях заповедника.

Библиотека в нераспакованном виде хранилась в одном из больших зданий турбазы на противоположном берегу Ильменского озера. Отопления не было, и для работы сотрудников был организован «читальный зал» в другом помещении, где находилась главнейшая справочная литература. Химическая лаборатория объединилась с лабораторией заповедника, и ее сотрудники могли нормально работать. Нормально работали администрация и бухгалтерия института, у которых были свои помещения. Геологи, минералоги и другие научные сотрудники работали дома, то есть там, где жили.

Осенью 1941 г. Александр Николаевич переехал в главный поселок заповедника. Ему была выделена отдельная квартира в первом этаже большого двухэтажного здания. На втором этаже поселили семьи А. Г. Бетехтина и А. А. Саукова. Раньше в этой квартире была столовая для рабочих торфоразработки, и квартира была в запущенном состоянии. Вместе с семьей Александр Николаевич пытался привести квартиру в нормальное состояние. Постепенно все было налажено. У Александра Николаевича оказалась достаточно удобная квартира (комната и кухня-комната), в которой он жил и работал до июля 1943 г.

Глубокая осень (немцы максимально приблизились к Москве). Главный помощник Александра Николаевича З. С. Закин едет на машине экспедиции в Москву за вещами, так как, выехав за день до войны «на отдых», никто из семьи Александра Николаевича, естественно, не захватил с собой теплой одежды и необходимых для работы вещей. З. С. Закин привез в заповедник одежду, книги, микроскоп. Начало зимы (начало разгрома немцев под Москвой). Александр Николаевич приезжает в Учалы (это второй выезд А. Н. Заварицкого из заповедника). Он посещает Учалинское месторождение, где я работал. Поездка преследовала две цели: 1) познакомиться с работой на этом вновь открытом колчеданном месторождении и 2) передать мне свое старое драповое пальто, поскольку я также выехал в поле до начала войны и из теплых вещей имел только ватник. Я в 1941 г. не один раз навещал отца, используя то обстоятельство, что Учалинская геолого-разведочная партия снабжалась горючим из Миасской нефтебазы, расположенной рядом с заповедни-

ком. Кроме того, в шлифовальной мастерской заповедника изготавливались шлифы для партии.

Условия жизни отца в Ильменском заповеднике были несравненно хуже, чем у других ученых, которые были эвакуированы в крупные города (Казань, Куйбышев, Свердловск или Новосибирск). Почему он остался в Миассе, понять трудно. Возможно, он вспомнил, как спасался в этом городе от тягостной гражданской войны. Первое время отца опекало «Миассзолото» – организация, имевшая большие возможности. Затем ему стала помогать и Академия наук непосредственно из Свердловска. В его распоряжении была одна из машин Уральской экспедиции СОПСа. Иногда А. Н. Заварицкий и А. Г. Бетехтин приезжали в Свердловск, где работал основной состав эвакуированных научных сотрудников (Г. А. Соколов, С. А. Кашин и др.) [1].

На противоположном берегу озера, на Ильменской туристической базе, куда летом добирались на лодке, а зимой по льду, жили остальные сотрудники института и члены их семей. Отзвук шестидесятилетней давности – старый, плохо читаемый листок, который сохранился в архиве Ильменского заповедника – «Список научных сотрудников Геологического института Академии наук СССР и Ильменского заповедника им. В. И. Ленина», направленный в райторготдел г. Миасса 8 октября 1942 года.

Фамилия, имя, отчество	должность	Кол-во иждивенцев
1. Заварицкий А. Н.	академик	4
2. Бетехтин А. Г.	доктор	3
3. Сауков А. А.	доктор	2
4. Аносов Ф. Я.	к.г.-н.н., с.н.с.	1
5. Бельштерли М. К.	с.н.с.	-
6. Барсанов Г. П.	с.н.с.	4
7. Влодавец Н. И.	с.н.с.	2
8. Долгополов Н. И.	зав. ред. с.н.с.	2
9. Зверева В. А.	зав. библиотекой	-
10. Крыжановский В. И.	к.г.-м.н., с.н.с.	1
11. Кваша Л. Г.	снс	-
12. Кравцов А. И.	к.г.-м.н., с.н.с.	3
13. Лазаревич Е. П..	зав. хим. лаб.	-
14. Петров В. П.	к.г.-м.н., с.н.с.	3
15. Шубникова О. М.	с.н.с.	1
16. Заварицкий В. А.	к.г.-м.н.	1
17. Арманд Д. Л.	м.н.с., особ. оборн.	3

	КОМИССИЯ	
18. Берлинг Н. М.	редбюро	3
19. Козакова М. Е.	химик	-
20. Кулик Л. И.	библиотекарь	1
21. Лазаревич П. С.	химик	1
22. Ниссенбаум П. Н.	химик	2
23. Набоко С. И.	сталинский стип. м.н.с.	4
24. Суслов А. Т.	геолог, м.н.с.	-
25. Козачинский Л. П.	пом. директора	-
26. Иванова Е. П.	зав. спецчастью	3
27. Сечин М. Ф.	главбух	-
Ильменский заповедник		
1. Барабашкин М. Я.	директор	5
2. Васнецов В. А.	зав. научной частью	1
3. Моисеев Г. П.	директор ком. РККА	4
4. Симонов А. И.	зав. горн. станцией	3
5. Соколовский В. С.	зав. хим. лабораторией	1
6. Пржитульская Г. Т.	и. о. с.н.с.	3
7. Михайловская Г. И.	с.н.с.	-
8. Субботина Л. Н.	с.н.с.	-
9. Гонибесова К. А.	с.н.с.	2
10. Ушков С. Л.	с.н.с.	1

Из письма Марианны Александровны: «Наш дом на горе был двухэтажный с застекленной террасой. Внизу четыре комнаты и умывальня. Мы занимали внизу две комнаты. Еще в одной жил эвакуированный гидролог Иванов с семьей, а в четвертой в первый год войны была столовая, и я до сих пор помню запах овчинных полушубков и махры. На втором этаже жил профессор Бетехтин и Сауков. Перед крыльцом у дома был сарай, где мы и Бетехтины держали коров (обе Маньки) и маленький одноместный свинарник для нашего кабанчика Васьки, съеденного в зиму 42-43 гг.». Владимир Александрович уточняет, что столовая в этом доме была только в первые дни, потом там жила Л. Г. Кваша. Он вспоминает: «Однажды, когда у нас с отцом был разговор на какую-то петрографическую тему, он вдруг спросил: «А ты можешь купить сено?» Растерявшись, не сразу понял, что он спрашивает. Оказалось, что сено, которое было куплено для коровы, кончилось, а Катя, домработница семьи, которая приехала с Заварицкими из Москвы, не решалась де-

лать такую крупную покупку. Пришлось идти с ней в Миасс на рынок и через 3–4 часа мы возвратились с возом сена».

О корове, которая спасала семью Заварицких в голодное время войны, геологи шутили уже в то время. А. И. Дзенс-Литовский вспоминает: «... весной 1942 г. А. Е. Ферсман организовал совещание по производительным силам Урала... Ранним весенним утром группа участников совещания во главе с Александром Евгеньевичем вылетела из Свердловска в Челябинск. После долгих телефонных переговоров из города на аэродром прислали машины и только к вечеру нас отвезли в Челябинск и разместили в гостинице «Южный Урал». В гостинице было холодно и голодно. С большим трудом мы убедили директора ресторана накормить нашу проголодавшуюся бригаду «без карточек», которых у нас не было. Нам дали каждому по порции плохо сваренной «на чистой воде» грубой овсяной каши без масла. Настроение у всех было подавленное, только Александр Евгеньевич не унывал, продолжал шутить и декламировал, размахивая деревянной ложкой: «Ну, тащися, сивка...».

Наутро поездом выехали в Миасс. В вагоне Александр Евгеньевич советовал не падать духом и уверял, что кормить нас будут лучше, чем в Челябинске, но чтобы только не рассчитывали на молоко «академической коровы», так как корова-то у академика Заварицкого одна, а нас много...» [2].

М. Шагинян в «Уральском дневнике» 1942 года пишет в главе «Ильменский заповедник»: «Сделала первый визит академику Александру Николаевичу Заварицкому. Большой, приятный, умный старик, в хорошем домике с семьей, окна прямо на озеро. Письменный стол и библиотечный шкаф – солидные, на прочную ученую ногу, для хорошей работы. Заварицкий работает по меди. Он в каком-то отношении антагонист Ферсмана (которого его противники считают эстетом, художником-писателем в большей степени, чем ученым). Заварицкий работает под основным углом зрения: все для промышленности; интерес геологической работы – прикладной, чтобы тотчас же сделать практические выводы» [3].

Тягости быта переносили терпеливо. В. А. Заварицкий: «Один раз мы с отцом пошли в баню. Баня в заповеднике находилась в довольно большом деревянном доме. В ней было просторно, чисто, пахло свежими сосновыми досками. В тот день там собралось человек пятнадцать сотрудников института. Постепенно развязалась оживленная беседа на самые различные, даже философские темы. Кто-то вспомнил о банях в Древнем Риме. Это еще больше оживило беседу. Ушли мы из бани спус-

тя два или два с половиной часа. Было видно, что все нуждались в непринужденном общении, всем надоело работать в своих углах, ведь подавляющее большинство сотрудников работало там, где они жили, отдельных кабинетов не было» [1].

В конце октября 1941 г. по согласованию с Народным Комиссаром цветной металлургии П. Я. Антроповым (он также находился в Свердловске) почти все сотрудники ГИНа были направлены в различные рудные районы Урала, в т. ч. С. И. Набоко на Карабашское, находящееся в Челябинской области. В течение 1941–1944 гг. на Северном Урале работали А. В. Пейве, В. П. Логинов, А. А. Филимонова; на Среднем Урале на месторождении им. 111 Интернационала – Т. Н. Шадлун; на Левихе – А. В. Пэк; Л. И. Лукин, В. С. Коптев-Дворников – на Дектярском месторождении; на Южном Урале в районе вновь открытого Учалинского месторождения – В. А. Заварицкий. К работе Уральской экспедиции были привлечены сотрудники Уральского филиала АН СССР, в частности, Святослав Несторович Иванов. Это далеко не полный состав Уральской Экспедиции. Отряды были созданы и до войны, и в начале войны (А. В. Пейве, Н. А. Петрий, Н. Г. Марков).

Из письма В. А. Заварицкого: «Я попытался по сохранившимся командировочным удостоверениям восстановить, как долго существовала Уральская Экспедиция СОПСа. Первое удостоверение я получил 6 июня 1941 г., а последнее 11 августа 1945 г. Но мне помнится, что и в 1947 г. я был командирован от Уральской экспедиции. По крайней мере мне была придана автомашина от нее. Конечно, в связи с эвакуацией ГИНа, Уральская экспедиция СОПСа с одной стороны сильно разрослась (были созданы отряды Пейве, Штрейса, Марковой, Набоко, Кваши и т. д.), но с другой стороны ряд отрядов по существу были ликвидированы, т.к. не только я, но и Логинов и Пэк и С. Н. Иванов были переданы в «Уралцветметразведку», получали там зарплату, снабжались и т. д. Все это должно где-то быть зафиксировано» [1].

Это решалось на правительственном уровне, Александр Николаевич был согласен с этим решением, хотя понимал, что таким образом ликвидируется Уральская экспедиция, созданная им. Однако Александр Николаевич знал, что геологи одновременно с производственной работой будут вести и научную.

Зимой 1942 г. Александр Николаевич получает выписку из протокола Заседания Президиума АН СССР от 31 января 1942 г.: «О работе Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на ну-

жды обороны. Докладчик академик И. П. Бардин. Заслушав доклад академика И. П. Бардина о деятельности Комиссии Совета по изучению производительных сил АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, организованной по инициативе Президента АН СССР В. Л. Комарова и работавшей под непосредственным его руководством, Президиум Академии Наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1. Отметить выдающееся значение работы Комиссии для нужд обороны страны. ... 11. Президиум Академии наук СССР **выражает благодарность** за напряженную успешную работу по осуществлению поставленных перед Комиссией задач, – **Академику ЗАВАРИЦКОМУ** Александру Николаевичу. Вице-президент Академии наук СССР – академик О. Ю. Шмидт, Вице-президент Академии наук СССР академик Е. А. Чудаков, Секретарь Президиума Академии наук СССР – П. А. Светлов».

Под руководством А. Н. Заварицкого ряд старших научных сотрудников Института должны были провести исследования медных месторождений по всей территории Урала. Они были прикомандированы к местным геологоразведочным партиям и заменили ушедших на фронт молодых геологов. Таким образом, научно-исследовательская работа по линии АН СССР совмещалась с практической производственной работой по разведке медных месторождений Урала. Александр Николаевич постоянно поддерживал связь со своими сотрудниками и иногда выезжал из Ильменского заповедника на то или иное месторождение.

1942 г., май. Александр Николаевич собирает всех сотрудников Уральской экспедиции в Свердловск, на совещание и для отчета (третий выезд его из заповедника). После совещания из Свердловска А. Н. Заварицкий вместе с другими членами Уральской экспедиции в специальном вагоне едет на самое северное Кабанское колчеданное месторождение к В. П. Логинову.

В. И. Гоньшакова: «В эти трудные 1941–1943 гг. в Свердловске были организованы с целью помощи геологическим производственным организациям Урала две экспедиции, возглавляемые академиком А. Н. Заварицким в сотрудничестве с начальником Уральского геологического управления О. В. Лахтионовым и главным инженером М. И. Меркуловым. Мне и И. И. Гинзбургу была поручена организация этих экспедиций – одна из них охватывала Северный и Средний Урал (с помощью железнодорожного транспорта), другая – Южный Урал (на автомашинах)» [4].

Кроме лиц, непосредственно изучавших колчеданные месторождения, к общей работе А. Н. Заварицкий привлек и тех сотрудников института, которые были специалистами по тектонике или стратиграфии, например Н. А. Штрейса.

«Научное руководство и организацию работы Уральской экспедиции отец осуществлял как-то незаметно. Он умышленно привлекал к работе людей с совершенно разными, часто противоположными взглядами, специалистов в разных областях геологических наук. Это способствовало возникновению разного рода дискуссий, в которые втягивались и местные геологи. Обосновывая свою точку зрения, каждому невольно приходилось подыскивать аргументы, критически относиться к своим и чужим взглядам. Результаты столь широко поставленных научно-исследовательских работ изложены в книге «Колчеданные месторождения Урала», изданной в 1950 г. под редакцией А. Н. Заварицкого. Эта книга была позднее отмечена премией Всеобщего минералогического общества» [1].

В те годы основными рабочими-геологами были женщины: Карабашское месторождение изучала С. И. Набоко, зеленокаменную полосу Южного Урала Л. Г. Кваша и Н. Г. Маркова. Вновь открытое Учалинское месторождение изучал сын Александра Николаевича – Владимир. Из воспоминаний: «О том, как и над чем работал отец в Ильменском заповеднике, я знаю мало, т. к. жил отдельно и бывал у него не более одного раза в неделю. Большую часть времени он, по-видимому, работал над широко известной книгой «Введение в петрохимию изверженных пород», за которую в 1946 г. получил Сталинскую премию. Часами Александр Николаевич диктовал Екатерине Петровне (жене) текст будущей книги. Она печатала сразу на машинке весьма оригинальной конструкции. Машинка имела не два, а три регистра, не очень четкий шрифт и много других конструктивных недостатков. После войны Екатерина Петровна подарила ее мне (от автора: эту машинку Владимир Александрович подарил музею Ильменского заповедника). Работал ли отец с микроскопом, не знаю, но, когда я приходил к нему со шлифами, он всегда доставал микроскоп. С интересом смотрел шлифы, которые мне нужно было ему показать. Я рассказывал о том, что в них увидел. Чувствовалось, что и он видел там много для себя нового. Так, вероятно, он консультировал и других сотрудников Уральской экспедиции, когда они к нему приезжали. Работал он исключительно дома. У него не было какого-либо другого помещения, где он мог бы заниматься. Как он ра-

ботал с людьми – не знаю, никаких собраний, совещаний в Ильменском заповеднике, кажется, не было» [1].

Находясь в Ильменском заповеднике, А. Н. Заварицкий был тесно связан с местными геологами и минералогами. Александр Николаевич консультировал в то же время геологов «Миассзолото» и других организаций, постоянно обращавшихся к нему специалистов по различным вопросам.

В мае 1942 г. геологи, работавшие на колчеданных месторождениях и собравшиеся в Свердловске на совещание, совершили вместе с А. Н. Заварицким коллективную поездку в специальном вагоне на некоторые месторождения для обсуждения конкретных вопросов геологии этих рудных залежей. В поездке участвовали также жена и сын Александра Николаевича.

Валентина Ивановна Гоньшакова вспоминает: «Академик А. Н. Заварицкий поручил мне составить под его руководством определитель пород, вмещающих колчеданные месторождения Урала, выработать унифицированную легенду для всех уральских рудовмещающих пород, отсутствие которых тормозило открытие новых рудных полей этого ценного металла. Такой определитель был составлен и уже в 1943 г. передан производственным организациям Уральского геологического управления, а несколько позже и опубликован» [4].

Александр Николаевич написал определитель еще в 1942 г., а уж потом решил его улучшить, пополнив конкретным материалом, который он собирался получить у местных геологов. Валентине Ивановне он поручил объехать ряд месторождений и привезти этот материал. Валентина Ивановна хорошо справилась с поставленной задачей, «выбила» у геологов нужный материал. Иногда сама участвовала в его сборе. В основном за это в расширенном издании, опубликованном в 1945 году, Александр Николаевич поставил ее в соавторы (уточнение В. А. Заварицкого).

Зимой большинство сотрудников возвращалось в Свердловск, где выполняли камеральные работы в доме, расположенном в Почтовом переулке, который был предоставлен Академии наук (в этом здании сейчас Институт геологии и геохимии УрО РАН имени академика А. Н. Заварицкого). «Запомнился приезд отца. Он приезжал всего на несколько дней, и жили мы вместе. У него было очень много дел в разных учреждениях Свердловска, и дома он был мало. Александр Николаевич заходил к нам и на Почтовый. Опять мы вместе с ним смотрели шлифы, обсуждали результаты исследований. Он очень уди-

вился, узнав, что мне делают шлифы без всякой очереди. Ему жаловались все петрографы, что изготовить шлифы в Свердловске очень трудно, что их изготавливают всегда с большой задержкой. Пришлось признаться ему в «маленькой хитрости». Дело в том, что за изготовление каждого шлифа я расплачивался спиртом. Установилась даже определенная норма – за 10 шлифов столько же граммов спирта. Чистый этиловый спирт регулярно получали все отряды Уральской экспедиции. Под тем или иным предлогом спирт получали чуть ли не ежемесячно. В Свердловске кроме своей основной работы у меня было еще одно очень важное дело, которое мне поручил отец. Дело в том, что первое издание его книги «Введение в петрохимию изверженных пород» печаталось в то время в Свердловске. Отец попросил меня прочитывать гранки по мере их поступления и прокорректировать всю книгу с точки зрения содержания. Техническую корректуру делали в издательстве. Мне оставалось проследить, чтобы не было пропусков, искажения смысла и т. д. Эта работа на первый взгляд показалась простой. Мне было понятно, что выход книги значительно ускорится, если вся корректура будет сделана в Свердловске. Посылать гранки в Москву и после прочтения отцом обратно, было явно нецелесообразно. К сожалению, ошибок в гранках оказалось так много, что простая работа превратилась в очень сложную. Были пропущены целые строки и абзацы. Приходилось постоянно сравнивать гранки с рукописью» [1].

В 1943 г. в статье «Петрография», опубликованной в сборнике «Успехи геолого-географических наук в СССР за 25 лет», Александр Николаевич высказал свое отношение к войне: «...наша страна в жестокой войне с фашистской Германией. Никогда в истории человечества не было еще такой жестокости и таких зверств, какие творятся вторгшимися в пределы нашей страны немецкими полчищами. Истребляется мирное население, с умыслом уничтожаются культурные ценности, бомбятся мирные города... Немецкими бомбами разрушена часть здания, где существовало Минералогическое общество в течение 125 лет. Советским ученым пришлось на время оставить свою привычную работу в своей лаборатории и в своем кабинете, и в необычных условиях применять свои знания в общем деле всего советского народа. Сейчас приходится вспоминать о том, что сделано русской наукой за последние пять лет, не имея под руками ни книг, в которых напечатаны результаты многочисленных и разнообразных исследований, ни достаточного времени, чтобы оторваться от происходящих событий и спокойно огля-

нуться назад, даже на последние сделанные шаги. А движение науки вперед и в эти последние годы шло по-прежнему с неослабевающей скоростью...» [5]. Из письма В. А. Заварицкого: «Статья написана может быть даже в 1942 году, впервые отец в научной статье затрагивает политические темы. Таково было его возмущение вторжением немцев. Возможно, у него уже был подготовлен библиографический материал к этой статье еще в Москве. При всей его феноменальной памяти нельзя в голове держать все работы по петрографии за 25 лет. Статья имела большое значение для истории науки» [1].

Наталья Гавриловна Маркова, геолог-съемщик, работала в ГИНес с 1936 года, вспоминает о военных годах: «Работали напряженно, несмотря на трудности: постоянное отсутствие транспорта, все приходилось таскать на себе, снаряжение было крайне ограниченное и старое, особенно плохо было с обувью. Однажды, взамен совершенно развалившихся ботинок, мы выбрали из кучи лаптей, брошенных рабочими мимоходом, какие-то старые, но не совсем еще сношенные пары, которые нам пришлось набить травой, так как они были 42–43 размера вместо 35–36! Но трудности не пугали. В голове была одна мысль: война, фронт. И хотелось как можно больше сделать в тылу все, что было в наших силах. На летний сезон 1943 года меня перебросили в район Миасса, где я совместно с Л. Г. Кваша занялась изучением южной части зеленокаменной полосы Урала. Возглавил эту работу академик А. Н. Заварицкий, мне была поручена разработка вопросов стратиграфии и тектоники района. Несмотря на то, что жестокие бои на фронте еще продолжались, наши успехи, особенно после Сталинградской битвы, вселяли надежду. Настроение поднялось, появилась уверенность в долгожданной победе. Начали поговаривать о возвращении в Москву...» [6]. «Впечатляющие воспоминания Натальи Гавриловны Марковой, но ее условия работы не типичны. Обувь была в экспедиции Штрейса, с ним я работал в Поляковке летом 1943 г. Он не жаловался ни на плохое снабжение, ни на транспорт. У него была даже лошадь» (из письма В. А. Заварицкого).

Несмотря на трудности военных лет, ИГН АН СССР проводил празднование таких дат, как 7 Ноября, 8 Марта, 1 Мая, на которых отмечались достижения и заслуги ученых института, и об этом даже сообщали по местному радио г. Свердловска.

23 марта 1943 года газета «Известия» сообщает о награждении А. Н. Заварицкого Государственной премией

(бывшей Сталинской) второй степени за многолетние работы в области науки.

1943 г., весна. Александр Николаевич переезжает в Свердловск, где получает квартиру и собирается жить и работать дальше. Однако вскоре появляется возможность вернуться в Москву.

А. Н. Заварицкий приехал в столицу в августе, и сразу же включился в работы по вулканологии, начатые им еще в 1939–1940 гг. Деятельностью Лаборатории вулканологии руководил А. Н. Заварицкий непосредственно из Ильменского заповедника, о чем говорят приказы, хранящиеся в архиве Института вулканологии.

В октябре 1943 г. он снова приезжал в Свердловск на совещание.

В марте 1944 г. вся геологическая общественность страны искренне приветствовала Александра Николаевича с двумя юбилеями: 60-летием со дня рождения и с 35-летием научной деятельности. А. Г. Бетехтин написал большую статью «О научной деятельности академика А. Н. Заварицкого». В ней он, отметив вклад ученого в различные направления геологии, подчеркнул: «Этим вопросам посвящены многочисленные труды, опубликованные на русском и частично на иностранном языке. Среди них особое место занимают крупные классические монографии, являющимися настольными книгами каждого геолога и горного инженера» [7].

«Вестник АН СССР» тоже сообщил о юбилее. В нем напечатан Указ о награждении ученого, опубликована научная статья А. Н. Заварицкого о вулканах Камчатки и дано сообщение о торжествах: «17 марта Бюро Отделения геолого-географических наук, совместно с Институтом геологических наук, провело заседание, посвященное 60-летию со дня рождения Лауреата Сталинской премии академика Александра Николаевича Заварицкого, награжденного орденом Ленина за выдающуюся научно-исследовательскую деятельность в области геологии рудных месторождений. В своем вступительном слове академик В. А. Обручев напомнил главнейшие научные заслуги юбиляра». Было также сообщено, что А. Н. Заварицкий преобразует созданную им на Камчатке вулканическую станцию в «Вулканическую лабораторию», а в Москве – Лабораторию Отделения геолого-географических наук по изучению вулканизма вообще. На заседании были оглашены многочисленные адреса и приветствия от отделений, институтов, лабораторий и организаций Академии наук, наркоматов и их научно-

исследовательских институтов, Комитета по делам геологии, Комитета по делам высшей школы, от высших учебных заведений, от академиков и других лиц.

«В ответном слове академик А. Н. Заварицкий выразил благодарность правительству, удостоившему его высокой награды, и всем приветствовавшим его организациям и лицам. Это признание полезности проведенной им работы, сказал А. Н. Заварицкий, придает ему новые силы и энергию. Говоря о своей научной деятельности, Александр Николаевич указал, что он всегда стремился получить наиболее обоснованные, убедительные и неопровержимые решения научных вопросов, так как прочность научных заключений необходима для практических выводов и приложений. Свое выступление академик Заварицкий закончил словами о неоплаченном долге советских ученых перед Красной Армией, устранившей угрозу уничтожения русской, советской культуры и науки» [8]. Далее публикуются содержания 4-х научных докладов, посвященных юбилею.

18 марта 1944 г. в центральных газетах был опубликован Указ Верховного Совета СССР о награждении Александра Николаевича за выдающуюся научно-исследовательскую деятельность орденом Ленина. Геологи Урала откликнулись на это приятное сообщение заметкой в газете «Уральский рабочий», написали о нем статью. Рассказывая читателям газеты о значении работ ученого, они, в частности, отметили: «Для того, чтобы оценить влияние научных работ академика на мировую геологическую науку и оценить то влияние, с которым ученые всего мира следят за работами А. Н. Заварицкого, даже не нужно читать специальную иностранную литературу – достаточно побывать в большом рабочем кабинете в квартире Александра Николаевича в Москве и посмотреть длинные ряды с авторскими надписями иностранных ученых, присылающих ему свои работы, – свидетельство глубокого уважения» [9].

Летом 1944 г. А. Н. Заварицкий организовал совместную поездку геологов по различным рудным месторождениям Южного Урала и Кустанайской области Казахстана. Такие совместные поездки и дискуссии на местах давали ему, как и сопровождавшим его геологам, очень много. Первая из таких поездок по Уралу была незадолго до войны (1940 г.).

Осенью 1944 г. Александр Николаевич продолжил изучение армянских туфов; с 1945 г. работы по вулканологии уже доминировали в его научной деятельности.

1945 г. 2 января А. Н. Заварицкий приступил к работе директором Лаборатории вулканологии Камчатской вулканологи-

ческой станции. 15 июня участвовал в Юбилейной сессии Академии наук СССР, посвященной ее 220-летию. Награжден вторым орденом Ленина, в связи с 220-летием АН СССР. Проводил экспедиционные работы в Армении, сделаны снимки Аштарак, Артика, Ошакана.

В военное время практически все члены Академии наук СССР, являвшиеся специалистами в области наук о Земле, стремились внести максимальный вклад, помогая фронту, своим трудом приблизить День Победы. Совершенно не случайно, что среди геологов, даже непосредственно не участвовавших в боевых действиях, многие получили высокие правительственные награды. Шестого июня 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР многие сотрудники Института геологических наук, в том числе и А. Н. Заварицкий, были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

«Победоносно оконченная нами война была таким испытанием не только для нашей Красной Армии, для рабочего класса, для колхозного крестьянства, но она также была серьезным экзаменом творческих сил нашей советской интеллигенции... в тылу, инженеры и люди науки, руководители и организаторы производства также беззаветно и самоотверженно отдавали свои знания и силы на дело укрепления экономического могущества нашего государства, на создание тех материальных ценностей, которые необходимы были фронту для решительного разгрома врага... велика и значительна в этом общем труде была роль советских геологов» [10].

Постановлением СНК СССР от 26 января 1946 г. о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки и техники 1943-1944гг. было отмечено 56 советских геологов. «Тем самым наша Родина, наше Правительство, товарищ Сталин еще раз подчеркнули то великое значение, какое имеет геология в общем процессе социалистического переустройства нашей страны» [10].

Открыли, установили, доказали, выявили... Могут ли эти слова передать ту напряженную и вместе с тем творческую атмосферу, тот небывалый энтузиазм, каким были охвачены геологи в военные годы, желая внести свою посильную лепту в общее дело разгрома врага.

«Война предъявила геологии, как науке, всей геологоразведочной службе в целом исключительно высокие требования. Геологоразведочные работы в нашей стране не только не прекратили в связи с военной обстановкой, а напротив, темп их

увеличился в несколько раз, хотя направление и содержание геологических работ, а также условия их выполнения, конечно значительно изменились по сравнению с мирным временем.

Можно ли сказать, что советские геологи выполнили те ответственные задачи, которые поставила перед ними Отечественная война? Можно ли утверждать, что советская геология, как наука, и вся геолого-разведочная служба нашей страны в целом оказались на высоте тех сложнейших задач, которые встали перед геологией в связи с военной обстановкой?

Да, можно. Ибо в суровые годы войны ни на один день не прекращались интенсивные геологоразведочные и поисковые работы во всех уголках нашей Великой Родины, начиная от линии фронта на западе и кончая Тихоокеанским побережьем на востоке. Ни на один день не прекращалась творческая деятельность наших геологов-ученых, чьи теоретические работы направляли геологическую практику, вооружали ее необходимыми предпосылками и критериями.

Да, можно. Ибо наша оборонная, металлургическая, нефтяная, угольная промышленность в течение всех лет войны непрерывно получала новые рудные базы, новые структуры, новые шахтные поля, новые источники увеличения минерально-сырьевых ресурсов. Четыре года Отечественной войны войдут в историю геологии нашей страны как годы открытия многочисленных новых месторождений полезных ископаемых и расширения запасов старых, уже известных». Так подвел итоги этих лет работы в передовой статье «Привет советским геологам – лауреатам Сталинских премий» журнал «Разведка недр» [10].

В числе лауреатов, получивших **первые премии** за выдающиеся работы в области науки, стоят крупнейшие геологи нашей страны – академик Александр Николаевич Заварицкий, Николай Григорьевич Кассин, Василий Иванович Яворский.

Опубликованы:

1942

Новая диаграмма для определения плагиоклазовых двойников // Докл. АН СССР, 1942. Т. 36. № 1. С. 15–17, 1 диагр. То же // Универсальный столбик Е. С. Федорова. Изв. АН СССР, 1953.

1943

Определитель горных пород, вмещающих колчеданные залежи Урала. Свердловск: Ин-т геол. АН СССР, 1943. 8 с.

Медные месторождения Урала // Вестн. АН СССР, 1943. № 6. С. 42–50.

О некоторых особенностях колчеданных месторождений Блява, Сибай, Учалы // Изв. АН СССР. Серия геол. 1943. № 1. С. 3–13.

О некоторых доводах в пользу дорудного и послерудного метаморфизма сланцев, среди которых залегают колчеданные месторождения // Там же. С. 25–41.

О генезисе колчеданных месторождений // Изв. АН СССР. Серия геол. 1943. № 3. С. 3–18.

Об амазоните // Зап. Всерос. Мин. Об-ва. Серия 2. 1943. Ч. 72. Вып. 1. С. 29–38.

Дальнейший шаг в применении универсального столика (К пятидесятилетию федоровского метода) // Зап. Всерос. Мин. Об-ва. Серия 2. 1943. Ч. 72. Вып. 2. С. 93–107, табл., 1 вкл. л. диагр. То же // Универсальный столик Е. С. Федорова. Изд. АН СССР, 1953.

Петрография // Успехи геолого-географических наук в СССР за 25 лет. Сб статей. Отв. Редактор академик В. А. Обручев. Изд. АН СССР, 1943. С. 21–32.

1944

Введение в петрохимию изверженных горных пород. Изд. АН СССР, 1944. 324 с., рис., 1 вкл. л. схем. (Литература 105 назв.).

Изучение вулканов Камчатки // Вестн. АН СССР, 1944. № 4–5. С. 22–46.

Основной вопрос физической химии процесса образования пегматитов // Изв. АН СССР. Серия геол. 1944. № 5. С. 12–40.

Заметки об оптическом определении плагиоклазов // Зап. Всерос. мин. об-ва, 1944. Серия 2. Ч. 73. Вып. 1. С. 1–28, рис. (Литература 25 назв). То же // Универсальный столик Е. С. Федорова. Изв. АН СССР, 1953.

Некоторые черты четвертичного вулканизма Армении // Изв. АН Армянской ССР, 1944. № 5–6.

В. Н. Лодочников // Зап. Всерос. мин. об-ва, 1944. Серия 2. Ч. 73. Вып. 2-3. С. 89–93. (совместно с Д. С. Коржинским и Д. П. Григорьевым).

1945

Определитель горных пород, вмещающих колчеданные залежи Урала. Металлургиздат, 1945, 68 с., рис., табл. (совместно с В. И. Гоньшаковой)

Некоторые черты новейшего вулканизма Армении // Изв. АН СССР. Серия геол. 1945. № 1, С. 28–39. рис., карта.

О четвертичных вулканических туфах и туфлавах Армении // Изв. АН СССР, 1945. № 10–11. С. 67–69.

Исследование вулканов Академией наук // Очерки по истории Академии наук СССР. Геолого-географические науки, 1945. С. 53–57.

Действующие вулканы (Камчатка) // Вечерняя Москва, 1945. 15 янв., № 12.

Особенности задач и метод петрохимии // Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Новая серия. Отд. геол. 1945. Т. 20. № 3–4. С. 3–33, рис.

Источники и литература

1. Воспоминания и письма В. А. Заварицкого Буториной Л. А.
2. Дзенс-Литовский. А. И. Встреча на Урале // А. Е. Ферсман: жизнь и деятельность. М.: Наука. 1965. С. 209–210.
3. Шагинян М. Уральский дневник // журн. Новый мир, 1985. № 5. С. 180–181.
4. Гоньшакова В. И. «ИГН АН СССР в дни войны» // Геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны на трудовом фронте: очерки по истории геологических знаний. М.: Наука, 1991. 190 с. С. 11–14.
5. Заварицкий А. Н. Избранные сочинения М., 1956. Т. 1. С. 217.
6. Маркова Г. На геологической съемке // Геологи Академии наук в годы Великой Отечественной войны на трудовом фронте. М.: Наука, 1991. С. 122–125.
7. Бетехтин А. Г. О научной деятельности академика А. Н. Заварицкого. Изв. АН СССР, 1944. № 5. С. 3.
8. Вестник АН СССР. 1944. № 4–5. С. 105.
9. Иванов А. А., Иванов. С. Н. Академик А. Н. Заварицкий // Уральский рабочий, 1944. 7 апр. № 85.
10. Разведка недр – журнал № 2, 1946. С. 3–5.

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: последние годы

В последние семь лет своей жизни научные интересы Александра Николаевича Заварицкого значительно расширились. Кроме геологии и петрологии Урала, образования и метаморфизма колчеданов, вопросов вулканизма Камчатки и Армении, он занялся исследованием метеоритов, затрагивая общие вопросы космогонии, кристаллохимией – изображением пространственных атомных структур минералов на плоскости, вопросами образования пегматитов в связи с новейшими достижениями физической химии, изучением окраски минералов. Исследования по каждому из этих вопросов не занимали у него много времени, но выводы были оригинальными и имели научное значение.

1946 год

Первый послевоенный год. Вся периодическая печать публикует итоги выборов в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 года. «Блок коммунистов и беспартийных одержал на выборах новую блестящую победу. Еще раз наш великий народ продемонстрировал единство и монолитность, свою сплоченность вокруг Коммунистической партии, Советского Правительства и гениального руководителя партии и правительства генералиссимуса товарища Сталина» [1].

В этом году Александр Николаевич Заварицкий удостоен Государственной (Сталинской) премии первой степени за научный труд «Введение в петрографию изверженных горных пород».

15 января 1946 г. Александра Николаевича избирают Академиком-секретарем Отдела геолого-географических наук АН СССР. На этом посту он работает до 1949 г., оставаясь до конца своей жизни директором Лаборатории вулканологии АН СССР. В то время президентом АН СССР был С. И. Вавилов.

20 марта А. Н. Заварицкий был избран на заседании Минералогического общества Почетным членом ВМО.

Весной Александр Николаевич получает с Урала письмо. В нем сообщается: «7 мая 1946 г. Академику Заварицкому А. Н. Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Первое общее собрание при открытии Уральского отдела Всесоюзного Географического Общества избрало Вас своим почетным членом.

Вы очень много сделали для изучения геологии Урала, его петрографии, его полезных ископаемых.

Вы являетесь главнейшим руководителем советской петрографии, а теперь возглавляете работу по изучению современных вулканов СССР. Мы надеемся, что при Вашем ближайшем пребывании на Урале, Вы не откажете сделать доклад о новейших достижениях советской вулканологии и помочь Вашими советами молодому отделу.

Председатель проф. Патрушев В. И.; зам. председателя проф. Клер М. О.; ученый секретарь Хандрос Л. М.» [2].

Вскоре он получает с Урала второе приятное письмо: «21 июня 1946 года. Академику Заварицкому Александру Николаевичу. Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Совет Уральского Геологического Общества 20 июня сего года на основании параграфа девять устава Общества избрал Вас почетным членом Уральского геологического Общества.

Председатель УГО доктор А. А. Иванов, ученый секретарь УГО кандидат Г. Н. Вертушков.

Примечание: извлечение из Устава Уральского Геологического общества. Параграф девять: Почетными членами УГО могут быть геологи, труды которых являются ценным вкладом в науку и содействуют развитию советской геологии, социалистическому строительству и укреплению оборонной мощи СССР» [2].

«Расширение научных интересов Александра Николаевича не повлияло на главное направление его исследований – изучение вулканизма Камчатки и Армении. На Камчатке его интересовали уже не столько горные породы или отдельные вулканы, сколько общие особенности вулканизма, связь его с тектоникой, закономерности в расположении вулканов.

Уже в 1946 году, стараясь объяснить существование «островных дуг», то есть дугообразного расположения вулканов вдоль границы Евразийского материка с Тихим океаном, Александр Николаевич предложил гипотезу существования здесь глубинной тектонической зоны, в которой в настоящее время происходят подвижки – надвигание материка на дно океана или, наоборот, то есть так называемая «субдукция». Движения в этой «зоне субдукции» и вызывают образование вулканов и глубокофокусные землетрясения.

Гипотеза субдукции в сочетании с принципом актуализма принята многими геологами. Многие считают эту гипотезу чуть ли не главным достижением научной деятельности Александра Николаевича. Это ошибочное представление. Александр Николаевич всегда исследовал вполне конкретные объекты и не делал

таких заключений, которые невозможно было доказать опытом, практикой, повторением исследования другими лицами. Умозрительные заключения были ему чужды» [3].

Летом 1946 года Александр Николаевич и Екатерина Петровна выезжали в Алма-Ату по случаю открытия Казахской Академии наук, была проведена и геологическая экскурсия в Средней Азии.

В сентябре 1946 г. А. Н. Заварицкий руководит крупной аэровулканологической экспедицией на Камчатку, в которой впервые в Советском Союзе для изучения вулканов применяет методы аэрофотосъемки.

«В 1946 году в Москве снаряжали необычный самолет. Снаружи крылатая машина походила на тысячи обычных больших пассажирских самолетов, летающих по воздушным дорогам нашей Родины. Но внутри фюзеляжа все поражало взгляд. Вот массивные приборы для аэрофотосъемки. Вот гравиметрическая аппаратура. Вот остроумно смонтированные, расположенные так, чтобы занять меньше места, колбы и баллоны, бутылки с химическими реактивами. Между сверкающими никелем и стеклом приборами – удобные кресла для научных работников. Самолет был предназначен для далекого и сложного рейса. Экспедиция, возглавляемая академиком А. Н. Заварицким, совершила на нем перелет Москва – Камчатка и облетела все наиболее интересные с точки зрения вулканологии участки Камчатки.

Безотказно работали превосходные приборы; больше месяца ученые вели в самолете свои сложные научные работы, вели уверенно и неторопливо. Радио связывало их с землей, с Москвой. Работы, проводившиеся с воздуха, подкреплялись наземными партиями, пробиравшимися к самым жерлам вулканов. Деятельную помощь экспедиции оказал расположенный на Камчатке стационар – Камчатская вулканологическая станция. В результате экспедиции не только был собран богатый материал, проливающий новый свет на явления вулканизма, но и выдвинуты важные задания для дальнейшей работы этого стационара, для развития новых сейсмических станций. Так работают вулканологи» [4].

С большой любовью и интересом готовился А. Н. Заварицкий к этой экспедиции, вызвавшей у него новый творческий подъем и ряд новых идей. В 62-летнем возрасте он совершает полет над необычной, поражающей страной действующих вулканов – Камчаткой, проверяя свои ранние наблюдения о закономерном распределении там вулканов и особенностях их форм. Свои исследования он дополнил непосредственным осмотром новых

вулканических образований на Ключевском вулкане, явившихся следствием извержения этого вулкана в 1932, 1938 и 1945 гг.

О значении работ этого года сам Александр Николаевич писал через шесть лет следующее: «В 1946 г. произошел большой сдвиг в развитии исследовательских методов вулканологии: советские ученые впервые применили аэросъемку. Этим путем удалось восстановить многие черты строения наиболее труднодоступных и даже совсем недоступных другими методами исследования частей вулканов. Благодаря этому мы можем теперь решить ряд вопросов строения вулканов, ранее не разрешенных».

Из письма В. А. Заварицкого: «О Камчатской Аэровулканологической экспедиции 1946 г. я знаю только по фотографиям. Был арендован самолет типа Дуглас и перелет через всю страну. Участниками экспедиции кроме отца были его помощник по организации работ З. С. Заикин, акад. С. С. Смирнов, Б. И. Пийп, Ю. С. Доброхотов, В. Гавеман (врач), Зенкевич, Г. С. Горшков и др. По пути останавливались в Свердловске, Киренске, Якутске, Магадане и, наконец, в Петропавловске. Всюду были какие-то встречи, собрания, банкеты, выступления участников экспедиции перед общественностью и т. п. На Камчатке отец был второй раз. Последний раз в жизни совершал маршруты верхом на лошади (а ведь ему было уже 62 года). В задачи экспедиции входила, главным образом, фотосъемка вулканов с воздуха. Около 100 фотографий были сделаны тогда, и они хранятся пока у меня. Первая экспедиция 1931 года тоже хорошо представлена в фотоальбоме, но об участниках ее мне трудно судить. Кроме художника Платунова я никого не знал... Л. Г. Кваша постоянно работала там вместе с отцом».

1946 г. был первым годом исследования вулканов Курильских островов, представляющих неразрывное продолжение цепи камчатских вулканов. Курильская экспедиция Приморского филиала Географического общества СССР установила общее число курильских вулканов, их распределение по островам, строение большинства из них, число действующих. Исследования проводились под руководством ученика А. Н. Заварицкого – Г. С. Горшкова. Впервые были описаны вулканы 8 островов, собран геологический и петрологический материал.

Последняя вулканологическая работа А. Н. Заварицкого «Вулканы Камчатки» является результатом обработки части материалов, полученных во время аэровулканологической экспедиции на Камчатку в 1946 г. С той или иной полностью описаны 67 вулканов Восточной вулканической зоны и 18 вулканов Средин-

ного хребта, которые сопровождаются прекрасными аэроснимками. На основании изучения аэроснимков приведено множество новых подробностей о строении вулканов, их кратеров, лавовых потоков и т. д. Описание сопровождается 44 иллюстрациями в тексте и 132 аэроснимками на 66 отдельных таблицах. Все аэроснимки опубликованы впервые и представляют исключительно ценный материал по морфологии вулканов Камчатки. Эта работа – первое описание *всех* вулканов Камчатки. По полноте описания и обилию иллюстративного материала она не имеет себе равных ни в отечественной, ни в зарубежной вулканологической литературе.

«Главным достижением экспедиции является то, что была показана возможность и необходимость изучения вулканов с воздуха. Об этом же пишет в своей статье «А. Н. Заварицкий – основоположник *дистанционных* исследований вулканов СССР» вулканолог А. Е. Святловский. Особенности каждого вулкана – побочные кратеры, конусы, отдельные потоки – с воздуха видны нагляднее.

Кроме наблюдений вулканов с самолета сотрудники экспедиции осматривали побочные кратеры и фумаролы Ключевского вулкана, образовавшиеся после извержения в 1945 году. Базой экспедиции стала Вулканологическая станция в поселке Ключи. Отсюда верхом на лошадях или просто пешком с трудом добирались до объектов наблюдения. Осмотреть все побочные конусы, кратеры и фумаролы не было времени. Достаточно подробные наблюдения были на кратерах «Юбилейный», «Заварицкого», «Туйла», «Карпинского» и «Обручева».

Аэровулканологическая экспедиция была сравнительно короткой, но Александр Николаевич был вполне доволен ее результатами» [3].

Опубликованы:

Вулканическая зона Курильских островов // Вестн. АН СССР. 1946. № 1. С. 41–48, рис.

Интересный пример сиенит-пегматита из Ильменских гор // Вопросы минералогии, геохимии и петрографии. Изд. АН СССР, 1946. С. 319–325, рис.

Некоторые факты, которые надо учитывать при тектонических построениях // Изв. АН СССР. Серия геол. 1946. № 2. С. 3–12, рис. (литература 22 назв).

О некоторых данных вулканологии в связи с изучением четвертичных туфов и туфолов Армении // Изв. АН Армянской

СССР. Естеств. Науки. 1946. № 10. С. 31–60 (литература 30 назв).

О четвертичных вулканических туфах Армении // Докл. АН СССР. Новая серия. 1946. Т. 53. № 8. С. 733–735 (литература 9 назв.)

Об определении угла оптических осей кристалла в шлифах, когда эти оси недоступны прямому наблюдению // Академику Д. С. Белянкину. 1946. С. 607–611, рис. То же // Универсальный столик Е. С. Федорова: Изд. АН СССР. 1953.

О конкурсе на премию имени С. М. Кирова // Изв. АН СССР. Серия геол. 1946. № 3. С. 137 (совместно с И. И. Катушенком).

Речь (на открытии Академии наук Казахской ССР) // Тр. Первой сессии Академии наук Казахской ССР, 1–7 июня 1946 г. Под ред. К. И. Соболева. Алма-Ата: АН Каз ССР. С. 47–48.

Ред. перевода и предисловие к книге Л. К. Грейтон. Природа рудообразующего флюида (с дискуссией). Госгеолиздат. 1946. 184 с.

Ред. перевода и предисловие к книге Р. Блок. Структурные особенности изверженных горных пород. Госгеолиздат. 1946. 212 с.

1947 год

7 января Александр Николаевич Заварицкий Постановлением Совета Министров СССР утвержден членом Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства.

12 ноября единогласно избран Советом Всесоюзного Минералогического общества АН СССР его председателем, обязанности которого выполнял до конца жизни.

В 1947 г. в «Юбилейном сборнике» Академии наук, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, опубликована статья А. Н. Заварицкого «Начало русской вулканологии». В ней он раскрывает значение этой науки для изучения процессов, происходящих на поверхности земли и в земной коре, описывает историю развития науки вулканологии в нашей стране. А. Н. Заварицкий отмечает, что с началом систематического изучения Камчатки сотрудниками лаборатории Академии наук с применением новых методов исследования, знания в этой области стремительно растут, приводит пример: за период с 1940 по 1946 год они возросли в два раза. Это дает возможность подойти к сравнительному изучению вулканов, к вопросам о сути различий и их причинах. Он резюмирует: «За последние полтора десятка лет вулканоло-

гические исследования Камчатки начаты почти по всем разделам изучения вулканизма этой страны: от геологии вулканов и связи их с общей геологией до происходящих на наших глазах процессов – извержений, газовых эманаций и терм».

В этой же работе А. Н. Заварицкий отмечает, что изучение потухших вулканов (вулканическая геология) в 30–40-е годы не получило развития, кроме изучения вулканических образований Армении, и ставит задачу изучения древних вулканов Забайкалья, Колымы и Дальнего Востока.

В Армению Александр Николаевич ездил вместе с Екатериной Петровной. Туда перегоняли экспедиционный грузовик из Москвы, ехали сотрудники и там, вместе с местными сотрудниками, работали. Сделаны снимки Баш-Гарни, Арзни, Кара-Дага.

«Научно-исследовательская деятельность Александра Николаевича в Армении заключалась тоже в изучении вулканов, но проходила несколько иначе. Здесь он почти не затрагивал общие вопросы вулканизма, а все внимание сосредоточил на одном вулкане. Вместе со своей неизменной помощницей Лидией Григорьевной Кваша он изучает вулкан Голгат в северо-западной части страны. Почему он выбрал этот вулкан, еще не совсем ясно. Возможно, благодаря присутствию там туфолав (игнимбритов), а, может быть, просто до этого вулкана было легче добраться. Голгат – не самый крупный вулкан в Армении (значительно меньше известного Арагаца) и не вполне сохранился. На некоторых армянских вулканах сохранились все особенности вулканических построек, а на Голгате вершина конуса размыта, поверхность лавовых потоков изменена эрозией. Тем не менее, выбор пал на этот вулкан, и он был исследован с такой же тщательностью, как и вулкан Авача на Камчатке. Александр Николаевич едва успел закончить обработку собранного материала. Опубликованы результаты исследований уже после его смерти, в 1953 г.

Исследование вулканов Армении Александр Николаевич, несомненно, собирался продолжить. В 1951 г. он начал исследование вулканов Ахманганского плато (Кетан-Даг, Инег-Даг) с помощью аэроснимков, которые были сделаны по его указанию. На сохранившихся в личном архиве снимках вулкана Инег-Даг видно, что вулканические постройки на этом вулкане достаточно хорошо сохранились.

Вулканические породы из разных мест Армении Александр Николаевич начал изучать еще до войны, а в послевоенный период продолжал их изучать независимо от исследований на Голгате. Были изучены известные туфы Артика, вулканические по-

роды Антарака и некоторых других мест. Судя по сохранившимся в архиве Александра Николаевича фотографиям, его заинтересовали и базальты Баш-Гарни» [3].

Опубликованы:

Анатолий Капитонович Болдырев // Изв. АН СССР. Серия геол. 1947. № 2. С. 117–122.

Заметки о геологической терминологии. Статья 1 // Изв. АН СССР. Серия геол. 1947. № 2. С. 9–16.

Игнимбриты Армении // Изв. АН СССР. Серия геол. 1947. № 3. С. 3–18 (литература 23 назв.).

Начало русской вулканологии // Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. 1947. С. 130–153 (литература 52 назв.).

О пегматитах как образованиях, промежуточных между изверженными горными породами и рудными жилами // Зап. Всес. мин. об-ва. 2 серия. 1947. Ч. 76. Вып. 1. С. 37–50. Рис. (литература 16 назв.) То же // Основные проблемы в учении о магматогенных рудных месторождениях. Изд. АН СССР. 1953.

О петрографических работах А. П. Карпинского // Изв. АН СССР. Серия геол. 1947. № 1. С. 23–32.

Сергей Сергеевич Смирнов // Зап. Всес. мин. об-ва. 1947. Вып. 4 С. 225–227. (Совместно с Д. П. Григорьевым и др.).

Вступительные лекции к курсу описательной петрографии изверженных горных пород. Моск. Геол.-развед. ин-т, 1947. 164 с. (Литограф. изд.).

1948 год

15 января выдано удостоверение в «Лечсануправление Кремля».

В июне получил медаль «В память 800-летия Москвы. 1147-1947». В этом году А. Н. Заварицкий продолжал педагогическую деятельность, он читал лекции по петрографии в Московском геологоразведочном институте.

При Отделении геолого-географических наук была организована Комиссия по истории геолого-географических наук в составе 21 человека. Председателем Комиссии назначен академик А. Н. Заварицкий, заместителями председателя – академик А. А. Григорьев и член-корр. АН СССР Н. С. Шатский [5].

Совещание по вопросам тектоники: геологи из Москвы, Ленинграда, Баку, Львова и ряда других городов. На некоторых заседаниях присутствовало свыше 500 человек... Совещание открылось кратким вступительным словом академика А. Н. Зава-

рицкого, отметившего значение тектоники для геологических исследований [5].

Опубликованы:

Начало русской вулканологии // Общее собрание Академии наук СССР, посвященное тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. 23 октября – 2 ноября 1947 г. Изд. АН СССР, 1948 С. 624–643 (литература 52 назв.).

Несколько соображений о метеоритах // Зап. Всес. Мин. об-ва. 2-я серия. 1948. Ч. 77. Вып. 2. С. 117–124 (литература 7 назв.).

О ктипеите // Докл. АН СССР. Новая серия. 1948. Т. 63. № 6. С. 725–728 (совместно с В. И. Михеевым).

О структуре кристаллических хондритов // Метеоритика, 1948. Вып. 4. С. 50–70, рис. (литература 20 назв.)

О чем говорит структура метеоритов // Вестн. АН СССР, 1948. № 8. С. 8–15.

Об изучении движения земной коры на Камчатке // Тр. Совещания по методам изучения движения и деформаций земной коры. 1948. С. 242–251, рис.

По поводу замечаний П. И. Лебедева о природе туфовых лав Армении // Изв. АН СССР. Серия геол. 1948. № 2. С. 125–126.

Речь академика А. Н. Заварицкого (Предложение избрать почетным членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний академика Владимира Афанасьевича Обручева) // Наука и жизнь, 1948. № 2. С. 30–31.

Изучение землетрясений в Советском Союзе // Правда, 1948, октябрь, № 288. (совместно с В. Ф. Бончковским и Г. П. Горшковым).

Примечания // А. П. Павлов. Избранные сочинения. Т. 1. Вулканы, землетрясения, моря, реки. М.: изд. Моск. Об-ва испыт. Природы. 1948. С. 47–49; С. 70.

Ред. перевода и предисловие // Ф. А. Скрейнемакерс. Нонвариантные, моновариантные и дивариантные равновесия. Перевод с англ. с дополн. и изменен. Н. В. Белова, ИЛ, 1948.

1949 год

В апреле 1949 года прошла очередная сессия Отделения геолого-географических наук. На ней были заслушаны два доклада: д. г.-м. н. Г. П. Барсанова «К истории развития русской минералогии конца 18 века» и доклад академика А. Н. Заварицкого «О диаграммах атомных структур минералов». В своем докладе

Александр Николаевич подчеркнул, что выяснение атомного строения минералов является в настоящее время одной из самых основных задач минералогии. Александр Николаевич продемонстрировал примеры представления атомных структур на диаграммах 45 минералов, объяснил, как читаются эти диаграммы.

4 июня 1949 года проходило Общее собрание Академии наук, выборы состава Президиума и академиков-секретарей отделений, избираемых по Уставу Академии наук сроком на три года. 3 июня Общее собрание Отделения геолого-географических наук заслушало доклад академика-секретаря А. Н. Заварицкого о деятельности Бюро Отделения за истекшие три года и переизбрало членов бюро. Академиком секретарем был выбран Д. С. Белянкин. Александр Николаевич был на Общем собрании Академии утвержден директором Лаборатории вулканологии, созданной в рамках Отделения геолого-географических наук. Это было для Александра Николаевича хорошее решение, потому что административная работа была не по душе ученому, отрывала его от научных исследований.

Из исследований Александра Николаевича в последние годы, непосредственно не связанных с изучением вулканизма, следует назвать работы по метеоритам. Еще в конце тридцатых годов академик А. Н. Заварицкий вместе со своей сотрудницей Л. Г. Кваша приступил к систематическому изучению минералогического состава и структуры метеоритов, хранящихся в коллекции Академии наук, но в конце сороковых годов впервые в России эти посланцы из космоса изучались с такой полнотой и тщательностью. Были изучены 5/6 всех метеоритов, упавших на территории СССР. Работы А. Н. Заварицкого посвящены анализу особенностей минералогического состава и структуры различных типов метеоритов.

Занимаясь в связи с изучением вулканизма самыми общими вопросами развития Земли, А. Н. Заварицкий с логической последовательностью пришел к проблеме космогонии.

«Комитетом по метеоритам АН СССР, с разрешения Президиума АН СССР, была подготовлена и проведена первая метеоритная конференция, которая состоялась в Москве с 16 по 19 марта 1949 г. В конференции приняли участие представители многих крупных научных учреждений: обсерваторий, университетов, научных институтов, в т. ч. Вулканологической лаборатории АН СССР, которой руководил А. Н. Заварицкий, Всесоюзного Астрономо-геодезического общества, Минералогического музея АН СССР, Московского планетария и др.

Нужно отметить, что данная конференция была вообще первой конференцией, в которой одновременно участвовали ученые самых различных и, казалось бы, далеких между собой научных дисциплин. Объясняется это тем, что метеоритика в своих работах опирается на комплексное применение методов астрономии, минералогии, петрографии, геофизики, химии, геохимии и других наук. Современное состояние наших знаний о метеоритах действительно требует тесной увязки между собой исследований метеоритов, выполненных с разных точек зрения.

На конференции было заслушано 24 доклада, а также сообщения некоторых участников конференции о работах по метеоритике, выполненных в настоящее время в различных местах нашей страны. Во время конференции была организована выставка картин, карт, фотографий, зарисовок, аэрофотоснимков, выставка литературы по метеоритике, был организован осмотр метеоритной коллекции Академии наук СССР. Участники конференции выразили единодушное желание о проведении в дальнейшем таких же конференций ежегодно» [6].

Опубликованы:

Альфред Лакруа // Изв. АН СССР. Серия геол. 1949. № 2. С. 135–136.

Об изображении атомных структур минералов // Изв. АН СССР. Серия геол. 1949. № 6. С. 18–58, рис. (литература 7 назв).

Одна из важных задач минералогии (Об изображении атомных структур минералов) // Зап. Всес. мин. об-ва. 2 серия 1949. Ч. 78. Вып. 3 С. 141–165, рис.

Ред. и предисловие // Л. Грейтон. Предложения о вулканическом тепле. Перевод с англ. Л. Г. Кваша. ИЛ, 1949.

Ред. и предисловие // Х. В. Ферберн. Структурная петрология деформированных горных пород. Перевод с англ. Н. И. и М. Б. Бородаевских. ИЛ, 1949.

1950 год

1 января этого года А. Н. Заварицкому была прекращена выплата Персональной пенсии, в связи с продолжением работы по основной деятельности на основании Постановления Сов. Мин. СССР от 28.09.49 г.

11 марта Александр Николаевич был утвержден ВАКом в ученом звании профессора по специальности «геология».

Весной 1950 г. оформлялись документы на присвоение А. Н. Заварицкому ученого звания профессора геологии. Была

представлена в Высшую Аттестационную Комиссию характеристика, которую приводим полностью:

«Академик А. Н. Заварицкий является одним из наиболее авторитетных геологов СССР в весьма широком круге вопросов.

А. Н. Заварицкий, будучи в течение более тридцати лет преподавателем и профессором Ленинградского Горного института, развивает в своих работах традиции, заложенные А. П. Карпинским, Е. С. Федоровым и другими нашими крупными геологами и минералогами.

Крупнейшие работы А. Н. посвящены петрографии рудных месторождений, в особенности Урала: «Гора Магнитная и ее месторождения железных руд», «Геологический очерк месторождений медных руд на Урале», «Коренные месторождения платины на Урале» и ряд более мелких работ и связанных с ними теоретических статей по основным вопросам образования и классификации рудных месторождений.

Ряд работ и учебников А. Н. посвящен петрографии, из которых за книгу «Введение в петрохимию изверженных горных пород» была присуждена Сталинская премия первой степени.

С 1931 г. А. Н. Заварицкий начал и до настоящего времени продолжает изучение вулканизма Камчатки, а затем и Закавказья.

С 1940 г. А. Н. был научным руководителем Вулканологической станции, а в конце 1944 г. организовал Лабораторию вулканологии, директором которой он состоит по настоящее время.

В последние годы А. Н. начал изучать также метеориты. С 1909 г., когда вышла из печати первая работа А. Н., по настоящее время им написано около 200 работ.

Таким образом академик А. Н. Заварицкий является крупным геологом, работы которого отличаются широтой тематики. За его работы ему дважды была присуждена Сталинская премия.

Заслуги А. Н. Заварицкого были высоко оценены Правительством – он был дважды награжден орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью памяти 800-летия г. Москвы.

Характеристика дается в ВАК для присуждения звания профессора.

Академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР академик Д. С. Белянкин. Секретарь Партийного комитета К. В. Никифорова. Председатель Месткома И. М. Овчинников» [2].

С 21 по 23 марта 1950 г. в Москве Комитетом по метеоритам была проведена вторая метеоритная конференция.

На конференции присутствовало свыше 40 человек, в том числе представители многих советских астрономических обсерваторий и научно-исследовательских учреждений, в которых ведутся работы в области метеоритики и метеорной астрономии. Присутствовало также 7 корреспондентов-наблюдателей Комитета по метеоритам из разных областей страны, из числа актива, вызванного Комитетом.

С отчетом о деятельности Комитета по метеоритам АН СССР и других научных учреждений, работающих в области метеоритики, за истекший год, выступил академик В. Г. Фесенков. С докладами выступили: В. В. Федынский «Успехи метеорной астрономии»; С. С. Фонтон «Результаты работ 3-й экспедиции по изучению падения Сихоте-Алиньского метеоритного дождя»; Е. Л. Кринов «Каменный метеоритный дождь Кунашак». «Большой интерес вызвал доклад акад. А. Н. Заварицкого «О некоторых структурных особенностях метеоритов». Докладчик подробно обрисовал, сопровождая демонстрацией микрофотографий, структуру метеоритов разных классов: железных, железокаменных и каменных, на основании большого числа метеоритов, хранящихся в коллекции Комитета по метеоритам».

С докладами также выступили Л. Г. Кваша, Е. С. Бурксер, А. В. Трофимов, А. А. Явнель. По заслушанным докладам, подвергшимся оживленному обсуждению, конференция приняла соответствующую резолюцию. Полное содержание докладов, прочитанных на конференции, а также их обсуждения и принятая резолюция печатаются в сборнике статей «Метеоритика», вып. 8, 1950 г. [7].

Опубликованы:

Введение в петрохимию изверженных горных пород. 2-е пересмотр. М.: Изд. АН СССР, 1950. 400 с., рис., 8л. черт.

Граниты и аплиты // Зап. Всес. мин. об-ва. 2 серия. 1950. Ч. 79. Вып. 2. С. 81–85.

Метаморфизм и метасоматизм в Уральских колчеданных месторождениях // Колчеданные месторождения Урала. М.: Изд. АН СССР. 1950. С. 7–18.

О некоторых структурных особенностях метеоритов // Метеоритика, 1950. Вып. 8. С. 100–115, рис. (литература 24 назв.).

Перевод. Метасоматизм и метаморфизм в колчеданных месторождениях Урала // Там же.

Ред. и предисловие // Колчеданные месторождения Урала. Статьи по геологии и метаморфизму колчеданных месторождений. М.: Изд. АН СССР, 1950.

Редакция перевода и предисловие. // Р. Шрок. Последовательность в свитах слоистых пород. Перевод с англ. М. А. Заварицкой и В. П. Логинова. ИЛ, 1950.

Редакция // В. И. Гоньшакова. Рудовмещающие породы Алавердинского района Северной Армении. (Руководство для определения). М.: Металлургиздат, 1950.

1951 год

1 января Александру Николаевичу было выдано удостоверение в Центральную поликлинику Министерства здравоохранения СССР.

Проводил экспедиционные работы в Армении, сделаны снимки Голгата, Агмалинского хребта, Инег-Дага, Кетан-Дага.

В этом же году он начал читать впервые специальный курс вулканологии в Московском университете.

14 декабря решением Пленума Комитета по Сталинским (ныне Государственным) премиям в области науки и изобретательства при Совете Министров СССР утвержден членом секции геологии и географии.

По случаю 15-летия первой в стране вулканологической станции Академии наук СССР, редакция журнала «Советский Союз» обратилась к Александру Николаевичу с просьбой рассказать о работах советских ученых на Камчатке. Статья называется «Исследователи вулканов», она иллюстрирована 9 фотографиями С. Кропивницкого, на которых запечатлен начальник Камчатской станции Б. И. Пийп, сотрудники станции по дороге к кратеру, на лаве, в лаборатории, в домашней обстановке.

В этом же году Александр Николаевич написал статью для ежегодника советского альпинизма «Побежденные вершины», который вышел в 1952 г. Статья называется «Изучение советских вулканов». Это прекрасный образец научно-популярной работы, 23 страницы читаются как одно мгновение, получаешь знания и по истории и по наукам о Земле; научные данные иллюстрируются отрывками из ярких описаний исследователей.

Две страницы текста отводит А. Н. Заварицкий описанию трудностей в работе ученых, связанной с изучением вулканов. «Успехи в нашей науке достигаются упорным трудом, выносливостью, наблюдательностью. Каждый вулканолог или геолог, подобно альпинисту, совершает тяжелые переходы, восхождения на горы, отказываясь от элементарных удобств, иногда подвер-

гаясь большой опасности – его деятельность подчас граничит с подвигом». С волнением читаешь тексты приводимых Александром Николаевичем примеров записей ученых о спуске в кратер действующего вулкана во время его затишья в дыму, среди тучи пепла и камней, или о дрейфе на расплавленном лавовом потоке, когда температура на глубине 45 см достигала 800 градусов Цельсия, или о внезапных извержениях вулканов.

В заключительной части статьи А. Н. Заварицкий останавливается на изучении потухших вулканов. «Горы Кавказа – излюбленное место альпинистских восхождений. Здесь открывается широкий простор для исследований и наблюдений: ведь Кавказ – подлинный заповедник потухших вулканов, хотя изучение их справедливее называть вулканической геологией, чем вулканологией.

По своим размерам эти извержения напоминают те, какие происходят теперь на Камчатке, например, при образовании новых паразитных кратеров около Ключевской сопки и Толбачика. Туристы, встретившие на пути вулканические конусы Армении, обратят внимание на эти конусы и, взобравшись на них, могут найти вулканические бомбы, имеющие формы веретена, груши, блина, иногда скрученных. Наша Армения – своеобразный район вулканизма.

Как мы видим, наиболее успешно мы продвинулись в изучении вулканов Камчатки, главным образом их извержений. Сделано немало, но еще больше остается сделать в будущем. Лишь недавно начали мы применять геофизические методы изучения. Только в 1947 г. получена первая запись сейсмографа, установленного на вулканической станции. Для сейсмического изучения тектонических движений и вулканизма на полуострове предстоит создать несколько станций. Но прежде всего все-таки надо изучать самые вулканы и их деятельность. Для этого надо подниматься на эти вулканы до самого кратера и следить за действиями вулканов в непосредственной близости.

Думается, что на Камчатке и альпинисты могут внести свой вклад, согласовав свои планы с работниками Вулканологической станции, получив от них надлежащие указания, в каком направлении должна вестись работа наших добровольных помощников» – подводит итоги Александр Николаевич и определяет круг задач на будущее.

Дальнейшие пути изучения вулканизма вообще и, в частности, Тихоокеанского кольца, а также других проблем геологии, сформулированы Александром Николаевичем в одной из последних его статей «Одна из важнейших задач науки о Земле»

(1952), в которой он призывает к углубленному исследованию островных дуг.

Опубликованы:

Письмо в редакцию // Изв. АН СССР. Серия геол. 1951. № 1.

Алевтина Александровна Былинкина (некролог) // Изв. АН СССР. Серия геол. 1951. № 5. С. 164.

Выступление А. Н. Заварицкого на совещании по вопросам космогонии // Тр. Первого совещания по вопросам космогонии 16–19 апреля 1951 г. М., 1951. С. 191–204.

Некоторые изменения в конструкции пятиосного федоровского столика // Зап. Всес. мин. об-ва. 2 серия. 1951. Ч. 80. Вып. 3. С. 206–207. То же // Универсальный столик Е. С. Федорова М.: Изд. АН СССР, 1953.

О высокотемпературных плагиоклазах (Вступительный доклад на годовом собрании общества 24 января 1951 г.) // Зап. Всес. мин. об-ва. 2 серия. 1951. Ч. 80. Вып. 3. С. 161–166.

Петрографическое исследование нижней части палеозойского осадочного комплекса и его кристаллического основания в районе Москвы // Вопросы литологии и стратиграфии СССР. Памяти академика А. Д. Архангельского. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 215–231, рис. (совместно с В. П. Батуриным).

Исследователи вулканов // Советский Союз, 1951, № 1 (11).

Редакция перевода и предисловие // Камерон. Внутреннее строение гранитных пегматитов. Перевод с англ. М. А. Заварицкой. ИЛ, 1951.

1952 год

28 января на годовом собрании ВМО оглашено решение о присуждении Почетного отзыва ВМО авторам, в т. ч. А. Н. Заварицкому за труд «Колчеданные месторождения Урала».

4 февраля Александр Николаевич получил разрешение от Президиума АН СССР работать по совместительству консультантом исследований по изучению фундамента Русской платформы, проводимых Всесоюзным нефтяным научно-исследовательским геологоразведочным институтом.

Совсем недавно Александр Николаевич вплотную занялся изучением метеоритов и в этой области науки сделал чрезвычайно много. Общее описание минералов и характеристика структуры метеоритов, сделанные им в вышедшей в 1952 г. монографии, являются наиболее полными и точными в науке.

Пресса не оставила без внимания выход книги А. Н. Заварицкого и Л. Г. Кваша «Метеориты СССР»: «Эта книга представляет собой крупный вклад в советскую метеоритику... Книга иллюстрирована многочисленными, прекрасно выполненными микрофотографиями, наглядно показывающими структурные и минералогические особенности метеоритов, их сходство и отличия от земных горных пород. Фактические данные о метеоритах, изложенные во второй части труда, представляют собой богатейший материал для более углубленного изучения метеоритов.

Именно эти данные, содержащиеся во второй части книги, позволили академику А. Н. Заварицкому столь убедительно показать на происходившем в 1951 году первом совещании по вопросам космогонии солнечной системы, что метеориты представляют собой обломки одного или нескольких крупных тел планетных размеров. ...

По мысли авторов, в дальнейшем время от времени, по мере изучения новых метеоритов, непрерывно падающих на Землю, необходимо издавать дополнения к книге» [8].

Исследования А. Н. Заварицкого в области метеоритики определили направления дальнейших работ в этой области науки и наметили ряд конкретных задач по пути к выяснению происхождения метеоритов.

В 1952 году прошла последняя научная экспедиция Александра Николаевича Заварицкого. О ее проведении Георгий Александрович Смирнов вспоминает: «В конце сороковых и в начале пятидесятых годов вопрос о наличии или отсутствии древних отложений на восточном склоне Урала в среде геологов являлся предметом горячих дискуссий. В разгар обсуждения этой проблемы Александр Николаевич Заварицкий в письме, адресованном на имя директора Горно-геологического института УФАИ СССР А. А. Иванова, изъявил желание еще раз обратиться к проблемным вопросам геологии Урала. В присланном письме А. Н. Заварицкий просил А. А. Иванова наметить поездку по Уралу с целью коллективного осмотра таких геологических разрезов, в которых поставленные вопросы решались бы с наибольшей ясностью и убедительностью. В результате было согласовано посещение нескольких геологических разрезов.

Александр Николаевич всегда проявлял глубокий интерес к жгучим проблемам геологии Урала. Так было, когда сторонники широкого развития шарьяжных структур активно пропагандировали свои идеи. Тогда А. Н. Заварицкий возглавил полевую экспедицию с целью знакомства с фактическим обоснованием этих

построений. О поездках такого рода он отчитывался публично перед геологической общественностью, например, на заседаниях Минералогического общества, а также и в печати.

Наконец, все организационные дела, связанные с предстоящей поездкой, были улажены, и мы с нетерпением ждали приезда Александра Николаевича в Свердловск.

Наступил день первого выезда. Это было 17 июня 1952 года. Ранним утром небольшая группа геологов собралась у гостиницы, где жил А. Н. Заварицкий. Кроме самого Александра Николаевича и сопровождавшего его З. С. Закина, в поездке принимали участие: А. А. Иванов, М. И. Гарань, П. М. Есипов, И. Д. Соболев и Г. А. Смирнов (автор статьи). Вскоре участники экскурсии расселись по машинам и двинулись в путь по Московскому тракту в направлении г. Первоуральска (возраст пород этого района Е. А. Кузнецов и М. И. Гарань считали более древним, чем А. Н. Заварицкий).

Между г. Первоуральском и п. Билимбай нами были осмотрены следующие обнажения: кварцитовый карьер на горе Каральной, выходы метаморфических сланцев в самом Первоуральске, невысокие скалы на правом берегу реки Чусовой ниже города, придорожная выемка на вершине Теплой горы и, наконец, старые копанки на берегу Билимбаевского пруда.

Результатами этого однодневного выезда А. Н. Заварицкий остался очень доволен и, когда мы находились еще на берегу Билимбаевского пруда, обратившись ко мне, сказал: «Ведите записи, о результатах поездки мы должны написать статью».

Выезд на Южный Урал был назначен на 19 июня. По желанию Александра Николаевича мы должны были заехать в Ильменский заповедник и там провести выходной день. В назначенное время из Свердловска выехали А. Н. Заварицкий, сопровождавший его З. С. Закин, и А. А. Иванов. Остальные участники этой коллективной поездки отправились в дорогу во второй половине следующего дня. В Челябинске к нам присоединился еще один участник – Иван Васильевич Ленных. На следующий день участники экскурсии уточняли план дальнейшего маршрута. С этой целью все сели за стол, на котором И. В. Ленных разложил перед нами составленные им геологические карты и живо рассказал, что и где мы можем поглядеть по пути следования на участке от города Миасса до пос. Бородиновского. По ходу проводившейся беседы наибольшую активность проявляли И. В. Ленных и И. Д. Соболев. Взгляды этих геологов на вероятный возраст толщи расходились.

Ложавшие перед нами карты выглядели весьма детально и имели вполне законченный вид. Сложная складчатая структура восточного склона Урала на них была изображена с большими подробностями. Во время беседы А. Н. Заварицкий, внешне не проявлявший особой активности, но тщательно всматривавшийся в карты, вдруг спокойным тоном негромко сказал: «Не понимаю, как все это сделано, ведь здесь же одна пшеница да суслики». Этой репликой он привел в немалое смущение автора карт и вызвал откровенные улыбки на лицах остальных присутствующих. Собеседование вскоре закончилось, так как стало ясно, что по дороге до поселка Бородиновского смотреть нам будет практически нечего. Остальное время дня мы провели в осмотре музея заповедника и некоторых копей. Александр Николаевич, хорошо знавший геологию территории заповедника, порекомендовал нам осмотреть небольшой выход гранитов с пегматитами, расположенный вблизи жилых зданий. Изучение именно этого объекта, как пояснил нам Александр Николаевич, натолкнуло его на мысль о том, что «...пегматит представляет в главной своей массе саму материнскую горную породу, перекристаллизованную оставшимися после затвердения магмы пневматолитическими газовыми растворами» (Заварицкий, 1955, с. 106).

В этот день Александр Николаевич был в особенно хорошем настроении. Помню, как сидели мы на террасе, выходящей прямо в лес и он с подъемом много рассказывал нам, вспоминая различные курьезные случаи, свидетелем или даже невольным участником которых ему доводилось бывать. Анекдотичные темы разговора сменялись серьезными. Так, например, он весьма сожалел о том, что заповедник до сих пор не имеет простого, но обстоятельного описания в виде добротного путеводителя. За эту поездку мне неоднократно приходилось слышать высказывания А. Н. Заварицкого о том, какое большое значение он придавал точному описанию наблюдаемого природного объекта и его ближайшего окружения. Он считал этот элемент работы совершенно обязательным в нашей деятельности.

Эту мысль А. Н. Заварицкий излагал в ряде своих печатных работ. Так, например, в статье «О геологическом изучении интрузий на Урале» он писал: «необходимо действительно конкретное изучение геологических особенностей интрузий... форму интрузии и их отношение к окружающим массам – необходимо изучать само по себе, независимо от генетических следствий этих явлений...» (Заварицкий, 1940, с. 26). В другой работе он призывает изучать «...факты объективно, пользуясь общепринятыми в гео-

логической науке, понятными каждому геологу терминами, выражающими существо этих фактов». (Заварицкий, 1941, с. 137).

Утром следующего дня мы двинулись дальше в направлении пос. Бородиновского. Осмотр разрозненных обнажений, отделенных друг от друга необнаженными интервалами, раздражал А. Н. Заварицкого, и когда кто-либо предлагал такой участок для осмотра, Александр Николаевич отвергал это предложение на том основании, что на закрытых участках, как он выражался, все что угодно уложить можно.

В нашей среде были геологи, утверждавшие, что никаких известняков с коллениями, на которые указывал А. А. Петренко, у пос. Бородиновского нет. Когда Александр Николаевич услышал об этих сомнениях, он твердо потребовал остановки и проверки данных, уже вошедших в научную литературу. «Если это не подтвердится, - сказал он, - я вынужден буду принять соответствующие меры, так как недопустимо засорять науку ложными сведениями». Подъехав к пос. Бородиновскому, машины остановились. Вскоре был разбит лагерь и, не теряя времени, И. В. Ленных и я отправились к месту, где по указанию А. А. Петренко, находились известняки с коллениями.

Известняки в этом месте действительно обнажались, но коллений мы не находили. Через некоторое время к нам пришел Александр Николаевич. Дойдя до выходов известняков, в которых мы искали палеонтологические остатки, А. Н. Заварицкий сел на камень. Он тяжело и учащенно дышал и не сразу мог говорить, хотя от палаток до места наших поисков было всего метров триста. Отдышавшись, Александр Николаевич справился о результатах поисков, и так как они были пока неутешительны, он еще раз напомнил нам о важности доскональной проверки указаний А. А. Петренко, после чего направился обратно к лагерю. Продолжая поиски, мы вскоре нашли строматолиты. Взяв несколько образцов вполне приличной сохранности, вернулись в лагерь, где тотчас же показали наши находки А. Н. Заварицкому. Посмотрев их, он сказал: «Да, действительно, это несомненные коллени». Таким образом, в данном пункте наличие древних образований было подтверждено, что для того времени и состояния изученности проблемы древних толщ на восточном склоне Урала имело довольно существенное значение.

Весь следующий день – 25 июня был потрачен на переезд от пос. Бородиновского до Бредов. В первой половине дня 26 июня мы осматривали ордовикские песчаники, слагающие гору Маячную. Здесь, у западного подножья указанной возвышенности, годом раньше И. В. Ленных была пройдена линия шурфов.

При осмотре пройденных шурфов А. Н. Заварицким была обнаружена брахиопода вполне приличной сохранности. Впоследствии эта находка была определена как ордовикская, ее значение для стратиграфии этих толщ сохраняется и поныне.

Последним пунктом, которым экскурсия интересовалась, был район южной и юго-восточной периферии Мариновской интрузии. Здесь Т. А. Смирновой вблизи д. Андреевки демонстрировалось взаимоотношение известняков среднего девона с интрузивными породами.

Осмотр обнажений в этом районе А. Н. Заварицкому очень понравился. Вечером этого же дня, спокойно прогуливаясь вблизи лагеря и потирая при этом крупные кисти рук, Александр Николаевич неоднократно повторял: «Вот сегодня мы хорошо посмотрели». Я не утерпел и спросил, согласен ли он с тем, что гранитоиды Мариновской интрузии каледонские? «Древнекаледонские», – ответил он мне. Ответ Александра Николаевича показал, что демонстрировавшийся фактический материал был вполне для него убедительным в решении поставленного вопроса. Дальнейшие исследования и, в частности, определения абсолютного возраста пород Мариновской интрузии подтвердили правильность заключения, сделанного на основе геологических данных. Наш полевой лагерь был раскинут на живописном месте недалеко от пос. Мариновского на правом берегу реки Джилкуар. Здесь в небольшом уступе обнажалась пегматитовая жила. У этого выхода и был сфотографирован Александр Николаевич. Эта фотография неутомимого исследователя Урала оказалась последней» [9].

Опубликованы:

Новое извержение вулкана на Камчатке 14 ноября 1951 г. // Природа, 1952, № 1. С. 102

Метеориты СССР. Коллекция Академии наук СССР. М.: Изд. АН СССР. 1952. 247 с., рис. (совместно с Л. Г. Кваша).

Один из случаев метаморфизма минеральных месторождений // Зап. Всес. мин. об-ва, 1952. Ч. 81. № 2.

Одна из важнейших задач науки о Земле // Вестн. АН СССР, 1952. № 6. С. 66–68.

Извержение вулкана Геклы // Природа, 1952. № 4. С. 104–107 (литература 7 названий).

Изучение советских вулканов // Ежегодник советского альпинизма «Побежденные вершины», год 1951. М.: Географгиз, 1952. С. 215–239.

Ред. перевода и предисловие // Островные дуги: Сб. статей, перевод с англ. М. А. Заварицкой. ИЛ. 1952.

Литература, изданная после смерти А. Н. Заварицкого

Список составлен сыном академика – В. А. Заварицким.

1953

Вулкан Голгат и его продукты // Тр. Лабор. Вулканол. АН СССР, 1953. Вып. 7.

О пегматитах как образованиях промежуточных между изверженными горными породами и рудными жилами // Основные проблемы в учении о магматических рудных месторождениях. М.: Изд. АН СССР, 1953. С. 79–92.

Развитие универсального метода Федорова и применение его к изучению полевых шпатов // Универсальный столлик Е. С. Федорова. М.: Изд. АН СССР, 1953.

Редакция книги: Универсальный столлик Е. С. Федорова. М.: Изд. АН СССР, 1953.

1954

Изучение вулканов Камчатки // Тр. Лабор. Вулканол. АН СССР, 1954. Вып. 8 (совместно с Б. И. Пийпом и С. Г. Горшковым).

О структурных особенностях железных метеоритов // Метеоритика, 1954. Вып. 11. С. 64–75.

Скарновые и родственные им минеральные месторождения Урала // Минералогия Урала. Т. 1. 1954. С. 215–216.

Минералогическое Всесоюзное общество // БСЭ. Т. 27. 1954. С. 509–510.

1955

Изверженные горные породы. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 479 с., рис. (литература 550 названий).

Вулканы Камчатки / Тр. Лабор. Вулканол. АН СССР, 1955. Вып. 10.

1956

Избранные труды Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 702 с. рис., табл. карты.

О научно-организационной деятельности К. И. Богдановича // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (совместно с С. Н. Мироновым, В. А. Обручевым и Н. Н. Яковлевым).

Работы по метеоритике: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

1958

Избранные труды Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 702 с., рис., табл., карты.

Новые диаграммы для определения состава плагиоклаза // Зап ВМО, Ч. 87. Вып. 5. С. 529-541. (совместно с В. С. Соболевым, Л. Г. Кваша, В. П. Костюк, А. П. Бобриевич).

1960

Пересчет химических анализов изверженных горных пород. М.: Госгеолыздат, 1960. 184 с.

1961

Физико-химические основы петрографии изверженных пород. М.: Госгеолыздат, 1961. – 383 с. (совместно с В. С. Соболевым).

Избранные труды Т. 3. М.: АН СССР. 1961. 702 с. рис., табл., карты.

1963

Избранные труды Т. 4. М.: АН СССР. 1963. 721 с. рис., табл., карты.

1973

Петрография Ишимского щелочного массива М.: Наука. 1973. 134 с. (совместно с В. А. Заварицким).

1977

Вулкан Авача на Камчатке М.: Наука, 1977. 307 с.

За эти годы опубликовано 4 работы на иностранном языке.

Источники и литература

1. Разведка недр, 1946. С. 1.
2. Личный архив Заварицкой М. А., передан Буториной Л. А.
3. Письма В. А. Заварицкого Буториной Л. А.
4. Вокруг света, 1948. № 6 С. 4.
5. Вестник АН СССР, 1948. № 11. С. 76-77, 92.
6. Природа, 1949. № 8. С. 95-97.
7. Природа, 1950. № 12. С. 70-75.
8. Сергеев К. Книга о метеоритах // Наука и жизнь. № 4. 1953. С. 45-46.
9. Смирнов Г. А. Из воспоминаний о последней поездке А. Н. Заварицкого на Урал // Матер. по геол. и полез. ископ. Южного Урала. Вып. 5. Уфа, 1972. С. 257-261.

УЧАСТИЕ А. Н. ЗАВАРИЦКОГО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНГРЕССАХ

Идея регулярного созыва мировых геологических конгрессов возникла во второй половине 19 века. Первый Конгресс собрался в Париже осенью 1878 г. В 1897 г. в Петербурге прошла 7-я сессия Международного геологического конгресса. После него прошло еще в разных точках мира восемь сессий МГК.

В мае месяце 1926 года, в г. Мадриде, состоялся XIV Международный геологический конгресс. На конгресс поехали из русских геологов: А. П. Карпинский, А. П. Павлов, М. В. Павлова, А. К. Болдырев, А. А. Борисяк, Е. В. Еремина, А. Н. Заварицкий, Б. Л. Исаченко, Н. О. Лебедев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Н. М. Никифоров, С. Ф. Машковцев, С. Ф. Малявкин, Д. И. Мушкетов и П. А. Шильников.

23 мая утром прошло заседание Организационного комитета, днем торжественный завтрак для иностранных делегатов конгресса. 24 мая конгресс был открыт под председательством короля Испании Альфонса 13-го и 31 мая закрыт под председательством старейшего геолога А. П. Карпинского. Работа была разбита по 11 секциям. 8 русских геологов представили доклады, в т. ч. А. Н. Заварицкий по запасам колчедана. Конгрессом изданы, кроме нескольких циркуляров, «Resumen de las comunicaciones anunciadas hasta el 5 de Mays» с кратким содержанием 91 доклада и несколько путеводителей экскурсий. Все экскурсии, объявленные в проспектах, состоялись. Были организованы экскурсии в научные музеи (Национальный Музей Естественной Истории, Горная школа и пр.) и по искусству (Карт. Галл. Прадо, Толедо, Эскуриал). Участникам конгресса были показаны спектакли, бои быков [1].

15 сессия МГК прошла в 1929 г. в ЮАР, в Претории; 16 – в 1933 г. в США, в Вашингтоне.

Правительство страны Советов настойчиво предлагало провести сессию МГК в Москве. Руководству СССР надо было, чтобы иностранные ученые своими глазами увидели, как советские геологи строят социализм. Подготовка к Конгрессу по масштабу была огромна. В Москве работал Организационный комитет. В него входили видные геологи страны.

Народный Комиссариат тяжелой промышленности приказом № 1772 от 31 октября 1936 года предложил всем горным учреждениям СССР подытожить и продемонстрировать перед Конгрессом достижения в области геологических исследований и освоения недр СССР за 20 лет Советской власти. Поэтому естественным стало решение о создании в Свердловске специальной выставки «в целях демонстрации минерально-рудных богатств и достижений за 20 лет Советской власти в области разведки, добычи полезных ископаемых и геологического изучения Урала».

Исполнить задуманное было поручено Уральскому Дому Техники. Самостоятельно создать такую масштабную выставку, имеющую международное значение и политическую подоплеку, сотрудники Дома Техники, конечно, не могли. Выставка должна была иметь шесть отделов. Практической реализацией плана стали заниматься в основном преподаватели и выпускники Свердловского горного института. Общегеологическим и историческим отделами руководил Борис Владимирович Дидковский, его консультировали Д. В. Наливкин, А. Н. Заварицкий, И. И. Горский и Я. С. Эдельштейн. Чтобы учесть все их замечания, необходимо было выполнить специальные научные исследования, времени на которые уже не было.

Комитет содействия Оргкомитету 17-ой сессии Геологического конгресса по Свердловской области возглавлял сам председатель Облсполкома. Состав Комитета был очень представительным, и по количеству членов, и по их положению. Время, когда создавалась геовыставка, было одним из трагических в истории Советского Союза. В эти годы люди жили в постоянном ожидании ареста. Многие из членов Комитета содействия так и не увидели плодов своего труда [2].

Учитывая огромное политическое и научное значение посещения делегатами 17 МГК Челябинской области, при Челябинском Облсполкоме тоже был создан Комитет содействия Конгрессу, который широко развернул подготовительные мероприятия к приему делегатов. Они предусматривали: а) полный показ наших достижений в социалистическом строительстве (Карабашские и Бакальские рудники, добычу золота, производство тальковой продукции, производство тракторов, добычу каменного угля, производство магнезита, Магнитогорский комбинат и т. д.; б) всестороннее ознакомление с бытом и культурой (г. Челябинск, Магнитогорск, фабрично-заводские и рудничные поселки по пути следования экскурсии; в) подробное и полное

ознакомление с генезисом важнейших месторождений недровых богатств (Ильменский заповедник, Ахматовская копь, бурый железняк Бакала, Кусинские магнетиты, Саткинский магнезит и т. д.) [3].

Председателем Комитета содействия был М. Муржина, секретарем Виктор Михайлович Старцев. Все хорошо было подготовлено, и прием гостей впоследствии прошел четко по плану.

В Ильменском заповеднике подготовка к приему гостей – членов Международного геологического конгресса – началась еще в 1935 году. Работы на территории заповедника было много. Борис Александрович Березин в докладной записке А. Е. Ферсману указывал: «Значительное число копей за 100–150 лет своего существования пришло в упадок, засыпано землей, мусором, листьями, заросло мхом и деревьями. Заповедник занимался реставрацией наиболее интересных в научном отношении копей, но благодаря отсутствию кредитов, число расчищенных копей не превышает 20 %. Новых копей не закладывалось в течение последних 6 лет. Лесные дороги, следующие к копиям, ни в коем случае не могут быть названы удобными путями для передвижения. По ним с трудом можно проехать на повозке, традиционном уральском коробке – большой корзине из прутьев, поставленной на колеса. Наиболее живописные уголки Ильменского хребта – вершина Ильмен-Тау, Соколиная скала, Большой грот в Савельевом Логу и вовсе не имеют дорог, и к ним можно пробраться по тропинкам. Ввиду всего вышеизложенного, необходимо целый ряд мер для приведения Заповедника в наиболее показательный для иностранных гостей вид...».

Некоторые мероприятия, предложенные Б. А. Березиным, были поддержаны А. Е. Ферсманом и включены в план работы Ильменского заповедника. Заведующий музеем Б. А. Березин подготовил к изданию библиографию научной и научно-популярной литературы об Ильменском природном комплексе за прошлый век и по 30-е годы двадцатого века. Под его руководством было расчищено 50 старых и заложено несколько новых копей. Для показа ученым выбрали 15 копей наиболее интересных по зонам: миаскитовой, сиенитовой и гранитной. В стенках и отвалах можно было увидеть все минералы этих пород.

Александр Николаевич Заварицкий в июне 1937 года посылает в администрацию Ильменского заповедника письмо, в котором пишет: «Посылаю Вам копию очерка Заповедника из

путеводителя для экскурсии Международного Конгресса. Этот очерк будет помещен в самом начале 2-го выпуска путеводителя. Кроме того, как Вы видите, он начинается текстом Декрета, где отмечено научное значение Заповедника. Наконец, время пребывания в Заповеднике увеличено до 2–3 дней.

Все это требует, чтобы в Заповеднике экскурсия прошла безукоризненно. Необходимо показать все, что можно. У Вас имеется минералог Б. А. Березин и петрограф тов. Ельков. К ним направляется просьба найти и отметить все нужные обнажения горных пород. В тексте, посылаемом Вам, зеленым карандашом подчеркнуто все, что совершенно необходимо показать и нужно приготовить так, чтобы не искать эти объекты во время экскурсии.

Совершенно очевидно, что успех экскурсии зависит от ее подготовки.

Прошу обратить на это внимание научного персонала Заповедника и передать это письмо и прилагаемый очерк тов. Березину и Елькову. Куратор Уральской экскурсии: профессор А. Н. Заварицкий». Письмо и текст статьи на 16 машинописных страницах, с 9 отметками зеленым карандашом, были переданы Борису Александровичу Березину для исполнения [4].

17-я сессия МГК проходила с 21 по 29 июля 1937 г. в Москве. Передовая статья газеты «Правда» за 21 июля сообщала: «Красная столица приветствует ученых, съезжающихся со всех концов великой советской страны, со всех концов мира». Это было действительно так. Если в Вашингтоне на 16-ой сессии было аккредитовано 265 иностранных и более 700 американских геологов, то в Москве число зарегистрированных ее членов составило 2362 человека, из них 490 зарубежных ученых. Были сделаны заявки на 750 докладов, в том числе примерно на 600 – советскими геологами. Всего было сделано 188 сообщений. Президентом конгресса был избран академик И. М. Губкин. Советскую делегацию возглавлял В. А. Обручев.

Работы сессии велись по секциям, объединявшим комплекс докладов по тем или иным отраслям, и в ранее созданных комиссиях по различным геологическим проблемам.

Для каждого геологического маршрута отдельной книжкой издательством ОНТИ-НКТП, главной редакцией геологоразведочной и геодезической литературы были выпущены подробные описания его с картами. На титульном листе над-

пись: «Международный Геологический конгресс, 17-я сессия, СССР, 1937» и изображена эмблема Конгресса.

Первое заседание прошло 21 июля 1937 года, затем 22, 23, 28 июля. Все газеты, от центральных до областных, 22 и 23 июля дали большой материал об открытии МГК.

Во время сессии состоялись: 20 июля, 18.30 – открытие выставки, 20.30 – товарищеская встреча членов Конгресса в помещении гостиницы Метрополь, Москва. 21 июля, 22.00 – вечерний чай для членов Совета в Академии наук СССР. 22 июля, 20.00 – посещение членами Конгресса Центрального парка культуры и отдыха им. А. М. Горького. 24–25 июля – поездка в Ленинград, поездки в окрестности Москвы. 25 июля – Ленсовет организовал в Петергофском Дворце прием в честь членов Конгресса. 26 июля – Советы жен при Академии наук СССР, Наркомтяжпроме и секции научных работников организовали прием в честь женщин – членов Конгресса и жен геологов, присутствующих на Конгрессе. 27 июля – поездка по каналу Москва – Волга. Вечером на речном вокзале Химки проведен прием в честь членов Конгресса, организованный Моссоветом. 28 июля – прием членов Конгресса правительством СССР в Москве. 29 июля – прием Совета Конгресса, организованный Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей.

Заключительное пленарное заседание сессии прошло 29 июля 1937 года. Сессия завершила работу. Следующую сессию МГК решили созвать в 1940 году в Лондоне.

Местная пресса в небольшом объеме освещала проведение экскурсий и встреч с делегатами МГК. Об участии Александра Николаевича Заварицкого рассказали следующие заметки.

Газета «Уральский рабочий»: «В Свердловске встретились участники двух экскурсий. 5 августа «сибиряки» ездили по окрестностям города. В этот же день в Свердловск прибыла Уральская экскурсия, «отработав» северную часть своего маршрута. В течение нескольких дней экскурсанты, сопровождаемые А. Н. Заварицким и Н. А. Ушаковым, побывали на Гороблагодатском и Высокогорском рудниках, на Кировских золотоплатиновых приисках, в музеях приискового управления и треста Востокруда. Иностранцам была предоставлена возможность пообщаться с рабочими и инженерами и они этим не преминули воспользоваться».

«6 августа 1937 года Соловьеву гору посетили участники 17-го Международного геологического конгресса. В числе 100 экскурсантов было 55 иностранных геологов, представляющих

12 стран. Экскурсией руководил Александр Николаевич Заварицкий, который изучал этот район на преддипломной практике в 1908 году.

КУШВА. 3 авг. Делегаты Международного геологического конгресса, входящие в уральскую экскурсию, вчера осмотрели гору Благодать и посетили специальную выставку, организованную при рудоуправлении.

В беседе с корреспондентами Сверд. ТАСС руководитель Уральской экскурсии профессор Заварицкий сообщил:

– Гора Благодать нами рассматривалась как переходящий тип между месторождениями типа Кируна и обычными контактово-метаморфическими месторождениями. До последнего времени у нас в Союзе это было еще предметом дискуссии. При осмотре Благодатских месторождений дискуссия была продолжена. Заклучая ее, шведские геологи присоединились к мнению русских геологов. (СвердТАСС). ТАГИЛ, 3 авг. Сегодня ночью участники Международного геологического конгресса прибыли в Тагил. Среди 85 экскурсантов – 55 геологов из 12 различных стран.

Утром геологи приехали на «Лисью гору», широко известную характерным выходом породы, получившимся при образовании Уральских гор.

Доцент Свердловского горного института тов. Ушаков сделал общие объяснения по железорудному району горы Высокой и ее окрестностям. Затем экскурсанты прошли в музей треста Востокруда и до обеда осматривали выставленные графические и каменные материалы.

Американские геологи особенно интересовались развитием стахановского движения на горе Высокой, ростом заработной платы рабочих, резким повышением добычи и качеством руд. Представитель Алжира – геолог Бертье подробно расспрашивал руководителей треста об организационной структуре предприятий, о расходовании прибылей, о планировании себестоимости и т. д. (СвердТАСС)» [5].

Ильменский заповедник входил в Южный маршрут Уральской экскурсии. Его путеводитель имеет следующие статьи: А. Н. Заварицкий и В. И. Крыжановский «Государственный Ильменский минералогический заповедник», И. И. Малышев «Кусинское месторождение титано-магнетита», А. Н. Заварицкий «Бердяушский изверженный массив», М. И. Гарань «Район Бакал – Сатка – Куса», М. И. Гарань «Саткинское месторождение магнезита», Н. А. Ушаков «Бакальские железорудные месторождения», М. М. Пригоровский «Коркин-

ское угольное месторождение (Челябинский бассейн)», И. И. Горский «Геология Восточного склона Урала на пути Челябинск – Орск», Е. Разумовская «Геология южной части Южного Урала (район Орска, Халилова и Блявы)», Д. Г. Ульянов «Месторождения силикатных руд никеля в Орско-Халиловском районе (Южный Урал)», А. В. Хабаков «Халиловское месторождение железных руд», А. Н. Заварицкий «Гора Магнитная», И. С. Степанов «Гумбейские месторождения шеелита», В. С. Коптев-Дворников «Геологическое строение Урала вдоль Южно-Уральской железной дороги (Челябинск – Златоуст)», Д. Г. Сапожников «Район между станцией Ай и рекой Саткой», В. Н. Крестовников «Район между р. Саткой и с. Тугузлы».

Описанию Ильменского заповедника отведено 17 страниц. Введение к статье и глава «Минеральные копи» написаны В. И. Крыжановским, остальные главы А. Н. Заварицким.

Об Ильменах узнали участники Конгресса, посетившие в Ленинграде музей Горного института, потому что в отделе петрографии этого музея демонстрировалось пять витрин с образцами минералов и горных пород из Ильменских гор. На стене висели геологическая карта и список минералов Ильменских гор, составленные А. Н. Заварицким [4].

И вот 7 августа 1937 года в 10 часов утра специальный поезд из разноцветных пульмановских вагонов остановился у подножия Ильмен. Радушно встретили гостей сотрудники заповедника и члены их семей.

«Миасс, 7 авг. (Наш корр). 7 августа на станцию Миасс со специальным поездом прибыла группа делегатов 17 Международного геологического конгресса. В экскурсии участвуют ученые США, Франции, Англии, Испании, Швеции, Чехословакии, Японии, Польши. Среди прибывших много видных геологов. Из выдающихся ученых СССР участвуют профессора Заварицкий, Федоровский, Яковлев, Лебедев и ряд молодых геологов. Делегаты конгресса посетят Государственный Ильменский заповедник, где ознакомятся с геологическими отложениями, копиями и посетят озеро Тургояк. Иностранцы проявляют большой интерес к Ильменскому заповеднику. На знакомство с флорой и фауной заповедника отведено три дня. Из Миасса группа экскурсантов направляется в Бердяуш, Сатку, Бакал, потом посетят Коркинское угольное месторождение. Затем делегаты направятся в Магнитогорск». В газете опубликовано фото: «Участники геологического конгресса в Ильменском заповеднике».

На снимке: слева – профессор Заварицкий – один из руково-

дителей экскурсии и профессор Вила Рафаэль Кандел (Каталония) в Заповеднике [7].

«Миасс, 9 авг. (Наш. спец. корр). Сегодня делегаты 17 Международного геологического конгресса закончили осмотр Ильменского заповедника.

Имея до сих пор представление об Ильменах только по литературе и коллекциям, геологи увидели редкостные минералы, залегающие в Ильменских горах, с которыми связано много научных теоретических вопросов.

Руководитель экскурсии профессор Заварицкий в своих объяснениях подробно рассказал делегатам конгресса об изучении Ильмен советскими геологами, труды которых пока еще не опубликованы.

Совершив туристскую прогулку на автобусах к горному озеру Тургояк, делегаты конгресса вечером 9 августа покинули Ильменский заповедник и выехали по дальнейшему маршруту. В. Баталин» [7].

«Делегаты геологического конгресса в Сатке»

«Сатка, 11 авг. (Спец. корр.). После Бердяуша делегаты Международного геологического конгресса 11 августа осматривали Саткинское месторождение магнезита – самое крупное в Союзе, имеющее мировое значение. Большое впечатление произвели на делегатов размах горных работ, хорошо механизированная добыча.

Делегаты также познакомились с Волчегорским магнезитовым месторождением, где впервые начал добываться магнезит.

Сегодня участники экскурсии были приглашены заводоуправлением на обед, который состоялся в пионерском лагере, расположенном в живописной горной местности.

От рабочих, работниц, инженеров и техников ученых приветствовал директор завода тов. Табаков, провозгласивший тост за здоровье делегатов 17 Международного геологического конгресса.

От иностранных ученых с ответным словом выступил профессор Мидлер (США). Он искренне благодарил заводской комитет за сердечный прием. Затем выступил испанский профессор Кандел Вила Рафаэль (Барселона). На русском языке он говорит:

«Товарищ директор завода, товарищи организаторы экскурсии и конгрессмены! Извините плохое мое произношение: русский язык я люблю, но еще мало знаю. Разрешите мне выразить глубокую благодарность Советскому Союзу за дружбу и

помощь республиканской Испании. Я поднимаю бокал за процветание Советского Союза».

От советских ученых выступил профессор Федоровский. Он провозглашает тост за организатора индустрии нашей страны и наших социалистических побед, при энергичной помощи которого перед промышленностью раскрылись недра земли – за друга трудящихся народов всего мира товарища Сталина. При упоминании имени любимого вождя иностранные и советские ученые встают и долго аплодируют в честь великого вождя народов товарища Сталина» [7].

«Делегаты геологического конгресса выехали в Оренбургскую область»

«Коркино, 13 авг. (Наш спец. корр). Весь день 12 августа делегаты 17 Международного геологического конгресса провели на Бакале, где знакомились с образованием железных руд. Ученые были удивлены грандиозностью месторождений, масштабами разработок и высказывали свое удовлетворение хорошо организованной выставкой образцов руд.

Утром 13 августа специальный поезд доставил экскурсов на Коркинское угольное месторождение. Осмотрев геологическую выставку, отображающую залегание угольных пластов в Челябинском бассейне, делегаты посетили открытый разрез коркинского шахтоуправления. Из Коркино геологи выехали в Оренбургскую область. Возвращаясь оттуда в Москву, они останутся в Магнитогорске и пробудут здесь два дня.

Иностранные ученые удовлетворены экскурсией по Южному Уралу. В беседе с вашим корреспондентом делегаты Испании Г. Мартин – Кардосо (Мадрид) и Р. Р. Кандел Вила (Барселона) заявили:

«Нам особенно понравился Ильменский заповедник. Жалею, что были в нем только три дня. Здесь так много сосредоточено ценных минералов, представляющих научный интерес!

Челябинская область очень богата ископаемыми и напоминает нам Басконию. Мы тронуты радушным приемом, который оказан делегатам геологического конгресса в СССР и в Челябинской области в частности. В Тургорском доме отдыха мы видели цветущих, жизнерадостных людей. Хорошо организован досуг отдыхающих. Охотно участвовали с ними в массовых играх и катались на лодках по озеру». В. Баталин» [7].

По общему мнению зарубежных геологов, 17 сессия МГК отчетливо продемонстрировала огромные успехи, достигнутые советской геологической наукой в самых различных отраслях.

В 1939 г. в Москве в изд-ве ГОНТИ редакцией горно-топливной и геологоразведочной литературы были выпущены «Труды 17 сессии Конгресса» в 6 томах. Материалы, тщательно подчищенные цензурой, были опубликованы тиражом 4000 экземпляров после того, как прошли аресты многих организаторов и участников 17 Конгресса.

Источники и литература

1. Геологический вестник, 1926. Т. 5. № 1–3. С. 83.
2. Филатов В. В. История создания Уральского геологического музея. Екатеринбург, 1998. 102 с.
3. О ГАЧО, ф. 628, оп. 1, д. 1, л. 34.
4. Архив Ильменского заповедника, д. Березина.
5. Уральский рабочий – 1937 – 5, 6 августа
6. Путеводитель по Горному музею в Ленинграде М-Л: ОНТИ НКТН СССР, 1937. С. 100.
7. Челябинский рабочий – 1937 – 8, 9, 10, 11, 12, 14 авг.

А. Н. ЗАВАРИЦКИЙ – ПЕДАГОГ

Педагогическая деятельность Александра Николаевича Заварицкого связана в основном с Ленинградским горным институтом, в стенах которого он проработал 30 лет. Здесь он вел курсы петрографии, полезных ископаемых, физико-химических основ петрографии. Оставив в 1939 г., в связи с избранием в Академию наук СССР, кафедру Ленинградского горного института, Александр Николаевич, однако, до конца своей жизни продолжал педагогическую деятельность, читая отдельные курсы в том же Ленинградском горном институте и высших учебных заведениях Москвы. Используя свой богатый опыт, А. Н. Заварицкий в 1951 и 1952 гг. прочел новый специальный курс вулканологии в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Чтение лекций сопровождалось демонстрациями огромного количества диапозитивов, иллюстрировавших вулканы и вулканические образования из областей современного вулканизма нашей страны и всего мира.

Преподавание А. Н. Заварицкого в Горном институте следует разделить на три части: в должности ассистента в дореволюционное время (1909–1917 гг.), в первые годы Советской власти (1920–1929 гг.) и период с 1930 по 1940 год.

О первом периоде, до 1917 года, сведений очень мало, так как геологи, учившиеся в то время, не оставили никаких воспоминаний. О преподавании, как и о жизни в следующий период, есть только некоторые отрывочные сведения. О третьем периоде известно несколько больше, благодаря воспоминаниям его сына – Владимира Александровича и других геологов. Архивных документов очень немного.

«Свою преподавательскую деятельность в 1909 году Александр Николаевич Заварицкий начал сразу на двух кафедрах. Он был штатным ассистентом профессора К. И. Богдановича на кафедре рудных месторождений и в то же время вел практические занятия на кафедре петрографии у профессора Е. С. Федорова. В то время эти кафедры только оформлялись. Ассистент на кафедре рудных месторождений на практических занятиях должен был показывать материал по отдельным месторождениям (образцы горных пород и руд, геологические планы и разрезы и т. п.). На кафедре петрографии выдавались задания по микроскопическому определению горных пород. Нужно было не только подобрать материал для этих заданий, но и проследить за их выполнением. Требования тогда не были

особенно жесткими, но ни К. И. Богданович, ни Е. С. Федоров не допускали небрежности, «верхоглядства». За это попадало не только студентам.

Александр Николаевич с увлечением учил студентов работе с микроскопом, сам старался глубже понять сущность микроскопического метода. Одна из его статей, опубликованная в 1913 г., до сих пор не потеряла педагогического значения.

Работа у ассистента не была столь ответственной, как у профессора. Не нужно было писать учебные пособия, составлять учебные планы. Главная обязанность ассистента в дореволюционное время – помогать профессору. Добросовестная подготовка к занятиям не требовала много времени, и молодой ассистент мог свободно заниматься исследовательской работой по линии Геолкома. Все преподаватели геологоразведочного факультета уезжали в летний период в экспедиции. Ездил на Урал и Александр Николаевич» [1].

В 1918–1920 гг. Александр Николаевич работал и жил с семьей на Урале. В годы гражданской войны добраться до Питера было очень трудно, поездка занимала время до трех месяцев только в одну сторону. А в это время в Горном институте жизнь не стояла на месте.

Обстановка в стране не давала гарантии спокойной и планомерной работы: неизбежные при революционных кризисах треволения еще больше усугублялись войной. В 1917 г. перед Институтом стоял вопрос эвакуации, в 1918 – висела угроза закрытия.

В 1920 г. Совнарком РСФСР вынес постановление о возвращении из армии бывших студентов Горного института для продолжения учебы, к концу года в институт вернулось 120 человек. В 1921 г. были образованы рабочие факультеты [2].

У рабфаковцев существовали специфические трудности. Около половины, 136 человек из первого набора, не имели образования, так как по положению на рабфак могли быть приняты все, умеющие свободно читать, писать и производить четыре действия над целыми числами. За три года эти рабочие и крестьянские парни должны были овладеть 7–8-летним курсом средней школы и подготовиться к слушанию курса высшего учебного заведения.

Жизненные условия были тяжелыми. Большинство студентов состояло на службе в различных учреждениях, многие студенты работали грузчиками в порту или на разгрузке и пилке дров. Возрастной состав студентов довольно различен: кроме вновь поступавших и студентов довоенных годов поступления,

обучение которых было прервано военной службой, были еще более старые студенты, вплоть до единичных «студентов прошлого века», поступивших до 1900 года, но не сумевших закончить институт ранее, вследствие политической ссылки или других причин.

Условия работы и учебы были очень трудны. Помещения не отапливались, занятия проводились в верхней одежде, руки замерзали, а необходимо было записывать лекции, т.к. это был единственный источник знаний, книжные рынки были закрыты, книгоиздательства не было, заграничная литература не доставлялась, в небольшой библиотеке книги на дом не выдавались. Лишь с 1922–1923 учебного года возродилось студенческое издательство лекционных записок.

Практические занятия в Институте из-за отсутствия керосина и газа почти не проводились. Организация летних практических работ в 1917 г. носила характер частного соглашения практикантов с администрацией тех или иных горнопромышленных предприятий, в 1918–1921 гг. практик не было, хотя в 1920 г. Горный Совет ВСНХ издал распоряжение о зачислении практикантов Горного института в качестве рабочих с соответствующей заработной платой и пайковым снабжением.

В 1920 г. на Урале Александр Николаевич получил вызов из Горного института. Из-за трудности поездки он вернулся в Петербург без семьи. В Горном институте А. Н. Заварицкий 17 ноября 1920 г. был избран профессором, возглавил кафедру петрографии, а ассистентами у него были Иван Федорович Григорьев, Анатолий Георгиевич Бетехтин и Сергей Иванович Талдыкин.

В условиях тех лет невозможно было требовать от студентов регулярного посещения лекций. В Горном институте тогда существовала «предметная система», при которой посещение лекций было не обязательно, а экзамены принимались в течение всего года. Многим такая система очень нравилась. Можно было не терять время на посещение недостаточно интересных лекций, по которым имелась возможность готовиться по книгам, что некоторым студентам представлялось гораздо более эффективным [3].

Дмитрий Сергеевич Коржинский вспоминает: «Большое влияние на меня оказал Александр Николаевич Заварицкий. В те времена петрография была в основном описательная наука, а он был классиком петрографии, опубликовав большое количество детальнейших монографий, в основном по месторожде-

ниям Урала. Но вместе с тем А. Н. Заварицкий был основоположником физико-химического направления в петрографии. Он впервые начал читать курс «физико-химических основ петрографии изверженных горных пород» и опубликовал книгу под этим названием. Им был разработан новый метод пересчета химических анализов горных пород, нашедший широкое применение, и выпущена монография по петрохимии (термин «петрохимия» был впервые предложен Александром Николаевичем). Во всех его работах видна была широкая образованность в сопредельных науках.

«В своих лекциях он прежде всего знакомил нас с фактическим материалом, широко используя проецирование на экран шлифов под микроскопом. В своих выводах А. Н. Заварицкий всегда был очень обстоятельным, осторожным. Он горячо возражал против недостаточно обоснованных выводов и часто повторял: «Сначала факты, потом теория». Позднее, когда после ряда лет геологической съемки я стал увлекаться вопросами физико-химического анализа природных ассоциаций минералов, А. Н. Заварицкий поддерживал меня, хотя и относился к моим выводам с некоторым недоверием. Он настаивал на том, что я должен дать чисто математическое доказательство своих положений. Как-то я сказал ему, что чувствую себя не вправе отложить свои геологические исследования, для которых я был подготовлен, и углубляться в специальные вопросы термодинамики, по которым есть свои специалисты. «Вы не только имеете на это право, но и обязаны это сделать, раз вы подняли эти вопросы», – ответил Александр Николаевич. Эти слова глубоко взволновали меня и придали мне решительности. Я углубился в вопросы термодинамики, вследствие чего некоторые мои полевые геологические исследования оказались не доведенными до конца и не опубликованными. Теперь представляется, что совет А. Н. Заварицкого был несомненно правильным, и я глубоко благодарен за него» [4].

Александр Николаевич был избран на должность профессора сразу по двум кафедрам – рудных месторождений и петрографии. К. И. Богданович в 1919 г. эмигрировал в Польшу. В том же году умер и Е. С. Федоров. Первое время Александр Николаевич заведовал кафедрой рудных месторождений и одновременно создавал кафедру «теоретической петрографии, то есть расширял и углублял то, что было создано Е. С. Федоровым. В результате практического промышленного освоения рудных месторождений и накопленного материала А.

Н. Заварицкий создает новый курс рудных месторождений, который состоял из общей части (учение о генетической классификации месторождений) и специальной части, в которой излагалась металлогения отдельных металлов по генетическим типам, на примере уральских месторождений, изученных им лично.

Курс «Рудные месторождения» А. Н. Заварицкий читал с 1924 по 1932 гг., но руководство кафедрой передал одному из своих помощников уже в конце 20-х гг.

С 1930 года Александр Николаевич заведует только кафедрой петрографии, которая по существу была создана вновь. Александр Николаевич подбирает и приглашал преподавателей, составлял учебные планы и программы, писал учебные пособия, организовывал процесс преподавания.

Лекции по петрографии в Ленинградском горном институте легли в основу учебников «Описательная петрография» (1922–1929 гг.), в которых рассматриваются практически все комплексы горных пород. В 1924 г. Ленинградский горный институт издает прочитанный А. Н. Заварицким курс лекций описательной петрографии. По четкости основных определений эта работа не имеет себе равных.

«Издание этих учебных пособий ускоренным (литографическим) и, по-видимому, самым дешевым способом объяснялось стремлением Александра Николаевича как можно скорее довести содержание книг до студентов. Эти учебные пособия А. Н. Заварицкий постоянно перерабатывал, дополнял и существенно изменял их содержание. Сохранившиеся в библиотеке академика его личные экземпляры были переплетены так, что листы печатного текста чередовались с листами чистой бумаги. Последние были полностью заполнены рукописным текстом различных дополнений и замечаний» [1].

В дальнейшем Александр Николаевич много работал над совершенствованием той ее части, которая посвящена изверженным породам (Изверженные горные породы, 1955). Эта книга и поныне является великолепным учебным пособием. Кроме того, Александром Николаевичем написаны учебные пособия по физико-химическим основам петрографии, петрохимии, классификации горных пород, вмещающих колчеданные месторождения Урала и т. д.

А. Н. Заварицким впервые на русском языке был написан и читался в Ленинградском горном институте курс осадочной петрографии. Раздел «метаморфические породы», составленный им, также читался в том же институте, но не был опублико-

ван. Материалы к нему были использованы и из литературных данных, и полученные при полевых исследованиях Златоустовского округа (Ю. Урал).

Наиболее интересным был курс физико-химической петрографии, который студентами и геологами ВСЕГЕИ слушался повторно.

А. Н. Заварицкий придавал большое значение точному микроскопическому описанию пород. Макроскопическое полевое описание их он делал весьма осторожно, всякий раз оговариваясь, что окончательное решение можно сделать после микроскопического изучения.

Совершенно оригинальным является предложенный Александром Николаевичем способ изображения пространственных атомных структур минералов. Насколько он распространен, может сказать только тот, кто занимается кристаллохимией.

Летели годы. «В 1928 г. вопрос о высшей школе и подготовке кадров для народного хозяйства в стране был поставлен как одна из крупнейших политических задач. Был принят ряд мер по реорганизации высших учебных заведений. Состав учащихся еще больше изменился в связи с приемом детей рабочих и направляемых по партийным и профсоюзным наборам (тысячники) рабочих и руководящих работников. Индустриализация и реконструкция горной промышленности предъявляли повышенные требования к Горному институту. Ни одна отрасль горной и горнозаводской промышленности не создавалась и не развивалась без непосредственного участия ученых и воспитанников Ленинградского Горного института.

В годы первых пятилеток в соответствии с запросом промышленности Горный институт усиленно готовил кадры геологов. Состав кафедры «геологии месторождений полезных ископаемых» в период 1928–1938 г. был довольно обширен. В эти годы создавались учебники, стабилизировались учебные курсы и состав кафедры [2].

С 1932 г. А. Н. Заварицкий оставил преподавание курса рудных месторождений в Ленинградском горном институте, продолжая заведовать кафедрой петрографии, на которой был преемником Е. С. Федорова. Он руководил этой кафедрой до 1938 г., передав ее Дмитрию Васильевичу Никитину, но и позже, будучи уже в Академии наук СССР в Москве, постоянно сохранял тесную связь с коллективом кафедры и живо интересовался ее работой.

Последний, третий период педагогической деятельности Александра Николаевича в Горном институте, характеризуется тем, что в нем постоянно происходят какие-то изменения. В 1930 г. на геологоразведочный факультет было принято до 700 человек. «Рабфаковцы», «парттысячники», «профтысячники» уже преобладают. Студентов с законченным средним образованием – единицы. Делаются попытки разделить институт на два: Горный и Геологоразведочный. Студентов университета с геологоразведочного факультета переводят в Горный институт. Переводят студентов из Политехнического и Педагогического институтов. Вместе со студентами переходят и преподаватели, люди с различными взглядами и разной подготовленностью. Руководить кафедрой становится все труднее и труднее. Крупные ученые из других учебных заведений уходят или требуют чтения особых, не предусмотренных учебными планами, специальных курсов. Все это приводит к возникновению мелких внутриинститутских или внутрикафедральных конфликтов. Много энергии затратил Александр Николаевич в то время на организационную деятельность. В какой-то мере ему помогал только заведующий петрографическим кабинетом профессор Дмитрий Васильевич Никитин. В конце концов работа кафедры налаживается. Учебный процесс несколько изменяется, но методика преподавания остается прежней.

О том, как читал Александр Николаевич лекции, вспоминает и Г. А. Смирнов: «Александр Николаевич не обладал выдающимися ораторскими способностями, но излагал предмет с такой логикой, с таким блеском анализировал огромный фактический материал, что студенты редко пропускали его лекции. А лекции А. Н. Заварицкого по физико-химической петрографии были популярны не только у студентов, но и у опытных горных инженеров» [5].

Из воспоминаний Владимира Александровича Заварицкого, который в те годы учился в Горном институте: «Общий курс петрографии на третьем курсе нам читал отец, а практические занятия в нашей подгруппе проводил Иван Константинович Никитин. Лекции отца были весьма оригинальными и, благодаря этому, запомнились на всю жизнь. Главным в них было то, что сказанное иллюстрировалось микропроекцией шлифов на экране. Суть этого заключалась в следующем: шлиф закреплялся на предметном столике микроскопа, который ставился в горизонтальное положение, через него пропускался пучок очень сильного света, и на экране, отстоящем от микроскопа на 2–3

метра, появлялась та картина, которую видит петрограф. Все особенности строения горной породы, свойства слагающих ее минералов студент видел так, как будто он сам смотрел в микроскоп. Это позволяло отцу говорить о таких подробностях, которые невозможно представить себе со слов. Благодаря этому и тому, что на лекции отец говорил сжато, без каких-либо лишних слов и отступлений, лекции его были весьма содержательными. Студентам нравились лекции по петрографии и, конечно, их привлекала микропроекция. Красочная, многоцветная картинка возникала на экране. Ею любовались даже те, кто не вполне понимал содержание самой лекции. Напомню, что это происходило в начале 30-х годов, когда о цветном кино в России не имели никакого понятия» [1].

Как и прежде, Александр Николаевич очень серьезно относился к преподаванию. Владимир Александрович вспоминает: «К каждой лекции отец очень тщательно готовился, подбирал шлифы для демонстрации, читал различную, относящуюся к теме лекции литературу, включая иностранную, заранее заказывал книги в библиотеке, что-то набрасывал на бумаге, сидя в своем кресле в домашнем кабинете. Он, по-видимому, заранее составлял план всех лекций, т. к. иногда для демонстрации он заказывал отдельные шлифы. Не все эти шлифы он использовал, всегда отбирал самые лучшие. Мне удавалось просматривать эти шлифы как до, так и после лекции. Такой просмотр, несомненно, помогал мне глубоко понять содержание лекций».

Большое число студентов, обучавшихся в 1930-е гг., создавало особые трудности. Помещения для кафедры явно не хватало. «Кафедра «Петрографии» в конце 1932 г. помещалась в том же «профессорском» корпусе, в котором была и наша квартира, но только в другом конце здания. Окна выходили на 21 линию. В самой большой комнате читались лекции, в остальных проводились практические занятия (в начале 1933 г. кафедру перевели в новое здание, где она и была вплоть до войны). Отапливались помещения кафедры хорошо. Отопление, как и у нас в квартире, было печное. Было тепло и уютно, но, конечно, тесновато. Лекции проходили обычно утром, в первые часы занятий. Студенты приходили на кафедру в верхней одежде. Сбрасывали пальто прямо на пол в прихожей. Образовывалась целая куча одежды. Я прибежал на лекцию последний без пальто (вообще пальто носил только тогда, когда ездил по городу) и изредка заставлял весьма курьезную картину. Кто-нибудь из моих молодых товарищей, протанцевав большую

часть ночи в клубе Ижорского завода или проработав где-либо, не мог пересилить себя и спокойно засыпал на этой куче верхней одежды. Я безуспешно пытался разбудить его. Это удавалось только кому-нибудь из «старших» товарищей. Кажется, один раз отец застал кого-то спящим, но и без моих объяснений все понял. На лекции тоже многие дремали, чему помогал монотонный характер изложения текста Александром Николаевичем. Как-то после демонстрации отец незаметно попросил меня включить свет, т. к. я сидел на краю первого ряда. Забыв, что на моем плече дремал уставший товарищ, я вскочил, и тот, естественно, упал со стула. Отвернувшись, отец едва сдерживался от смеха» [1].

Известны многие крупные ученые, читавшие лекции невыразительно и тоскливо. А. Н. Заварицкий читал чрезвычайно монотонно, чем часто отпугивал аудиторию. Когда ретивые представители общественных студенческих организаций Ленинградского Горного института, прорабатывающие его за это, спросили, почему на его лекциях засыпают, он ответил, что широко пользуется диапозитивами, для чего выключает свет в аудитории, а темнота располагает ко сну.

Тридцатые годы для Александра Николаевича, как педагога и ученого, были особенно трудными из-за необоснованных нападков по идеологическим вопросам. Вот что об этом рассказывает Владимир Александрович: «Хорошо запомнил я экзамен по курсу «Диалектика естествознания» (так называлась одна из частей курса «Диалектического материализма»). На этом экзамене я получил оценку «удовлетворительно». Факт на первый взгляд непримечательный, но все обстояло иначе. Дело в том, что группа наших преподавателей общественных наук (Альтшулер, Выдрин и др.) решила «внедрить диалектику в геологию». К ним присоединились и некоторые геологи (М. М. Тетяев, Н. А. Елисеев и др.). Для «внедрения» нужно было показать, что другие геологи не знают диалектики. Без всяких аргументов многих ученых обвинили в метафизическом образе мышления, в механистичности и т.д. и т.п. Досталось и отцу. Его тоже обвинили во всех этих «грехах» и, особенно за то, что в курсе «физико-химические основы петрографии», он опирался на второй закон термодинамики, на энтропию, якобы предсказывал тепловую смерть Земли.

Курс «Диалектики естествознания» у нас читал как раз Выдрин. Чуть ли не целую лекцию он посвятил «ошибочным, метафизическим взглядам профессора А. Н. Заварицкого». Я очень внимательно слушал эту лекцию, предчувствуя свой

провал на экзамене. К экзамену готовился очень тщательно. Как и ожидалось, вопрос о «метафизичности взглядов» был задан мне. Уверенно и аргументировано ответил, как бы встав на точку зрения экзаменатора. Позднее товарищи говорили, что отвечал я лучше многих. Придраться было не к чему. Выдрин молча выслушал и, не дожидаясь ответа на второй вопрос, написал по всей странице зачетной книжки «удовлетворительно». Я был рад, что так легко отделался, но мои товарищи были возмущены этим, некоторые даже открыто порицали преподавателя, что в то время было не безопасно» [1].

В середине тридцатых годов в Горном институте появилась аспирантура. На кафедре петрографии было три аспиранта. Александр Николаевич руководил Барковским и Намоюшко, а аспирантурой Владимира Александровича Заварицкого руководил Д. В. Никитин. Когда Владимир Александрович был студентом, он видел работу отца только дома: «Я редко видел отца не за работой. В его кабинете было два больших письменных стола. За одним он работал с микроскопом, за другим – писал. И, наконец, у него было очень удобное кресло, в котором он проводил большую часть времени. Сначала мне показалось, что там он отдыхает, но это было не так. Отец часами читал, сидя в кресле. Даже когда он был без книги, было заметно, что он что-то обдумывает. Через определенные промежутки времени он вставал, подходил к книжным шкафам, занимавшим всю стену кабинета, отыскивал нужную книгу, тут же ее перелистывал, ставил на место и возвращался в кресло. Так он работал независимо от того, писал ли он в это время научную статью или готовился к лекции» [1].

Когда же Владимир Заварицкий стал аспирантом, он увидел работу отца совсем в другой обстановке: «Именно в этот период, когда я целыми днями был в помещении кафедры, мне удалось наблюдать, как отец работал с людьми, как он руководил кафедрой. До этого я видел его за работой только дома. Здесь же он был совсем другим. Он был весьма деятелен, постоянно разговаривал с кем-нибудь, советовал, интересовался работой каждого. Иногда стихийно возникали коллективные беседы на специальные темы, дискуссии, переходящие в продолжительные оживленные споры. Нельзя забыть его спор с В. С. Соболевым по вопросу о дисперсии оптических свойств минералов. Чистый лист настольной бумаги неизбежно покрывался математическими формулами и графика-

ми. Я жадно прислушивался к таким спорам, что, безусловно, помогало лучше усваивать изучаемые предметы.

Отец очень хотел, чтобы на кафедре была общая, коллективная работа. Он предлагал создать учебник по петрографии, в котором отдельные главы должны быть написаны разными людьми, более глубоко знающими ту или иную группу горных пород. В качестве примера он обещал, что сам напишет главу о лейцитовых породах, которыми он в то время занимался. Главу о нефелиновых сиенитах могли бы написать Е. Н. Егорова-Фурсенко или Н. А. Елисеев. К сожалению, поддержки он не получил. Преподаватели, занятые своей работой, уклонились от коллективной. Понять их можно – они были более загружены учебной работой, а время на составление учебника не предусматривалось.

Устраивать плановые заседания кафедры, на которых обсуждались преимущественно организационные вопросы, отец не любил. Проводить такие заседания обычно поручал Д. В. Никитину, иногда даже на них не присутствовал. Обсуждали программы и учебные планы они обычно вдвоем с Дмитрием Васильевичем. Остальные преподаватели почти не принимали в этом участие. Д. В. Никитин, прежде чем организовать какую-либо новую работу на кафедре, всегда советовался с отцом. В целом, работа на кафедре шла нормально. Все были заняты своим делом. Условия для преподавания и научно-исследовательской работы были достаточно хорошие. Лаборанты, кроме выдачи микроскопов студентам, занимались составлением учебных и демонстрационных коллекций шлифов и образцов горных пород, изготавливали наглядные пособия к лекциям – таблицы и рисунки на крупных листах бумаги» [1].

О работе Александра Николаевича с аспирантами мало что известно. Владимир Александрович вспоминает: «О том, как отец руководил своими аспирантами – не знаю. Как уже было сказано, Барковский и Намоюшко редко появлялись на кафедре и ничего мне не рассказывали. Отец тоже ничего не говорил о своих беседах с ними. А то, что такие беседы были, хорошо помню. Они происходили «за закрытыми дверями». Другие преподаватели при этом не присутствовали. Нельзя было заметить, что после таких бесед отец выходил удрученным, а иногда раздраженным. Работа Барковского и Намоюшко его, по-видимому, не удовлетворяла. Позднее, в конце моего пребывания в аспирантуре, кажется весной 1938 года, на одном из заседаний кафедры неожиданно был поставлен вопрос о рабо-

те аспирантов. К моему удивлению, отец сам вел это заседание. Мне отчитаться было легко – моя диссертация была уже написана, оставалось только ее оформить. Выступивший за мной П. Я. Барковский начал подробно рассказывать о трудностях и своих неудачах. Но вскоре был остановлен словами: «Это мы знаем». Отчет Намоюшко был совсем иной, он уверенно говорил о своих достижениях, о том, что материал почти обработан, что осталось только написать диссертацию. Выходило так, что он, чтобы закончить, должен был писать по 15–20 страниц в день. На это отец, слегка улыбаясь, сказал: «А не слишком ли Вы переоцениваете свои возможности? Я бываю очень доволен, когда мне удается написать в день 2–3 страницы». Это всех развеселило. Обсуждения докладов не было. Вскоре я узнал, что Намоюшко отчислен из аспирантуры. С П. Я. Барковским встретился только после войны. Срок защиты диссертации ему продлили. Защищал он, кажется, перед самой войной.

Неоднократно мне приходилось обсуждать с отцом, что такое настоящая диссертация. Наши представления совпадали в одном: диссертацией могла быть только опубликованная работа, получившая признание среди лиц, компетентных в вопросах, затронутых в ней.

Мне казалось, что диссертант должен иметь несколько равноценных крупных научных работ и мог бы защищать любую из них по усмотрению опять-таки компетентных лиц. Отец скептически относился к реальности защиты диссертации по таким жестким требованиям. Право выбора работы для защиты он оставлял за диссертантом. Существовавшие тогда требования к диссертации его тоже не удовлетворяли» [1].

Весной 1938 г. Александр Николаевич вместе с академическим институтом переезжает в Москву. Последние годы преподавания в Горном институте прошли для него тоже с большими трудностями. В Ленинград он мог приезжать на одну-две недели, а иногда всего на несколько дней. Жил он вместе с сыном в одной из двух комнат в той же квартире, которую занимал прежде. У Владимира Александровича не было еще своей семьи. Поэтому Александр Николаевич, как и его сын, обедали на «фабрике-кухне». Бытовые условия для работы были явно неблагоприятными. Тем не менее, преподавание увлекало Александра Николаевича, как и прежде.

Александр Николаевич посещал лекции и практические занятия других преподавателей. Знал обо всех проблемах на кафедре. А таких проблем становилось все больше и больше. Отношения с администрацией осложнялись. Оборудование,

приобретенное еще в двадцатые годы, постепенно выходило из строя. Владимир Александрович вспоминает: «Никогда не забуду тот случай, когда отец неожиданно захотел заменить меня на занятиях с федоровским столиком. Эти дополнительные приборы к микроскопам были в особенно плачевном состоянии. Я стал его отговаривать, но он настоял и велел мне идти домой отдыхать. Через два часа он вернулся совершенно измученный и просто взбешенный. Мне только сказал: «Ну, как ты мог заниматься с ними?». Вначале я испугался, мне показалось, что речь идет о студентах. Скоро выяснилось, что это относилось не к студентам, а к злополучным федоровским столикам. Пришлось ему подробно рассказывать обо всех тех «маленьких хитростях», к которым прибегали преподаватели на таких занятиях. Каждый микроскоп мы оба знали, и я подробно стал пояснять, где нужно подложить спичку, где обернуть винт фольгой и т.д. и т.п. Отец слушал меня с изумлением и некоторым недоверием. После этого он уже не стремился сам проводить практические занятия» [1].

Сроки пребывания Александра Николаевича в Горном институте постепенно сокращались. Приезжать из Москвы он стал все реже и реже, и с начала 1940 г., когда ему пришлось возглавить Геологический институт АН СССР, полностью отказался от педагогической работы в Горном – работы, которая продолжалась у него тридцать лет.

Вопрос, что было основной работой у Александра Николаевича, – преподавание или экспедиции, а что «совместительством», – излишен. Он всегда говорил, что все преподаватели-геологи Горного института летом ездили в экспедиции от Геолкома. Это было, так сказать, традицией, и что без полевых работ геолог уже не мог быть геологом. Летом 1910 г. профессор К. И. Богданович организовал экскурсию на Урал, собрав всех молодых геологов Геолкома и Горного института. Александр Николаевич был в числе участников этой экскурсии. Участие в ней Александр Николаевич высоко ценил всю жизнь и, по возможности, сам организовывал групповые посещения определенных районов, привлекая к ним как сторонников, так и противников его взглядов. Возникающие при этом дискуссии, по его убеждению, были необходимы для выяснения истины. В последующие годы А. Н. Заварицкий сам брал студентов для экспедиционных и экскурсионных работ.

Большое значение имеет деятельность Александра Николаевича Заварицкого как *методиста*. Среди его опубликованных работ есть целый ряд методических статей – по мето-

дике петрографического исследования, оптического изучения породообразующих минералов в поляризованном свете, по методике зарисовки шлифов, описания отдельных минералов, по кристаллооптике, кристаллографии, исследования минералов на федоровском столике. Их он разработал не только для студентов, но и для геологов.

Как известно, в преподавании и в научных работах Александр Николаевич широко пользовался наглядностью, используя чертежи, графики, диаграммы, фото и, конечно, рисунки. Их делали разные люди. Только рисунки с натуры (иллюстрации в книге «Перидотитовый массив Рай-Из на Полярном Урале») сделаны художником М. Г. Платуновым, который был членом нескольких экспедиций А. Н. Заварицкого.

Немало потрудился А. Н. Заварицкий и в области разработки методики изучения породообразующих минералов. В числе других учеников Е. С. Федорова он принимал деятельное участие в усовершенствовании федоровского универсально-оптического метода исследования минералов. Ему принадлежит честь доведения разработки этого метода до логического конца. Это достижение имеет огромное значение для петрографических исследований, так как методика изучения минералов значительно упростилась. Таким образом, развитие федоровского метода заняло целый период, закончившийся спустя 50 лет с момента зарождения этой замечательной идеи и конструирования первой модели столика.

Несколько штрихов к вопросу «А. Н. Заварицкий и музей Горного института». В музее, еще студентом, проводил Александр Николаевич много часов, изучая коллекции по минералогии и петрографии. Его первая научная статья была выполнена на исследовании коллекционного материала музея. Он продолжал традицию геологов и пополнял музей различными образцами. В личном деле А. Н. Заварицкого в Горном институте хранится документ: «Его Высокородию А. Н. Заварицкому. 10 января 1917 г. № 60.

Милостивый Государь Александр Николаевич. Совет вверенного мне Института, в заседании 5 декабря 1916 г., постановил выразить Вам благодарность за принесенные в дар Музею Института образцы шеелита и вольфрамита из Боевской копи близ Каменского завода и за минералы из медных рудников Урала.

Сообщая об изложенном, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности. Е. Федоров» [6].

Особенно большой объем работ был выполнен коллективом Музея и многими ведущими учеными Института в 1936 – 1937 годах в связи с подготовкой к 17 сессии Международного геологического конгресса. О Музее Горного института того времени дает представление и составленный к 17 сессии МГК путеводитель по Горному музею, изданный на русском и французском языках:

«Отдел минералогии... В подотделе дается общая картина периодической системы элементов Д. И. Менделеева в природе. Ряд общих таблиц и диаграмм вводит в круг основных вопросов геохимии... (геохимические таблицы Вернадского, Ферсмана, Заварицкого, Гольдшмидта, Вашингтона).

За период 1918–1936 г. систематическая коллекция Минералогического отдела обогатилась большим количеством новых экспонатов преимущественно из различных месторождений Советского Союза в связи с бурным ростом геологического изучения и разведкой отдельных районов Союза. За это же время в дар Минералогическому собранию поступил ряд отдельных экспонатов от профессоров, преподавателей и студентов института: проф. А. Н. Заварицкого, А. К. Болдырева, Е. Н. Барбот-де-Марни и других.

Отдел петрографии: модель распространенности разных типов горных пород, по данным Дели, изображенная в трехмерной диаграмме по способу А. Н. Заварицкого (объем шариков пропорционален распространенности данного типа пород; положение точки характеризует их вещественный состав).

Трехмерная диаграмма средних химических составов разных типов горных пород (средние составы приведены по Дели, построение диаграммы – по способу А. Н. Заварицкого). Витрины 31–33. Породы Среднего Урала. (Платиноносные районы были предметом изучения ряда исследователей: Высоцкого, Дюпарка, Заварицкого, Левинсон-Лессинга и МолдавANCEVA... Витрины 34-38. Комплекс кристаллических пород и минералов Ильменских гор (Ильменский заповедник)... На стене висят геологическая карта и список минералов Ильменских гор, составленные проф. А. Н. Заварицким [7].

Интересный эпизод из жизни Александра Николаевича как педагога рассказала его дочь, Татьяна Александровна: «На первом курсе химвфака Ленинградского государственного университета я стала членом студенческого Менделеевского общества. Мы обязаны были время от времени делать доклады. Когда подошла моя очередь, я выбрала тему «Распространение химических элементов в земной коре». С некоторой гордостью я

сообщила об этом папе. Он выслушал меня и с улыбкой вздохнул: «Ух, ты! Смелая ты. О чем собираешься докладывать?». Я собрала в кучу все, что у меня было в голове и начала говорить. По журналам и книжкам я уже кое о чем знала. Больше всего мне показались интересными представления академика Вернадского.

Папа, выслушав меня, вдруг оживленно сказал, что закажет в мастерской Горного института наглядное пособие. Попросил меня зайти денька через три. Я зашла. Каково было мое удивление, когда я увидела доску, на поверхности которой была таблица Менделеева, а в каждой клеточке таблицы укреплен стальной стержень определенной высоты! Длина стержня соответствовала условному значению величины распространения химического элемента в земной коре (по Вернадскому). На кончиках стержней были маленькие деревянные шарики. Папа коснулся шарика самого длинного стерженька и самого короткого. Мы услышали звуки различной высоты. Для наглядной демонстрации распространенности элементов в земной коре пособие было очень интересным. Папа был доволен, а я тем более. Мой доклад на собрании Менделеевского общества прошел успешно. Ребята подходили и играли на моем наглядном пособии. Но затем Сергей Александрович Щукарев позвал меня к себе, похвалил и попросил взять себе мою досочку со звуковым сопровождением. Когда он узнал, что ее сделали в мастерских Горного института, то сказал: «Александр Николаевич всегда что-нибудь интересное придумает». А мне посоветовал тему следующего доклада» [8].

В послевоенный период Александр Николаевич много занимался переработкой своей книги «Физико-химические основы петрографии изверженных горных пород». Это вызвано тем, что книга напечатана в 1926 г. За этот период физическая химия и особенно ее экспериментальная часть ушли далеко вперед. Следовало учесть новейшие достижения физической химии. К сожалению, эту переработку Александр Николаевич не успел закончить, но она была закончена его учеником В. С. Соболевым. Новейшие достижения физической химии позволили Александру Николаевичу определить свое отношение к пегматитам и их образованию.

Приведем несколько высказываний о работах А. Н. Заварицкого: «Среди многообразия учебников особо выделяется монография «Изверженные горные породы», увидевшая свет уже после кончины А. Н. Заварицкого (1955 г.), ставшая поисти-

не настольной книгой советских геологов. Все петрографы Советского Союза знакомы с этим прекрасным обобщением, ставшим научным завещанием Александра Николаевича» [9]. «Эту книгу нельзя назвать учебником в обычном смысле этого слова, - здесь подводятся итоги наших знаний за последние десятилетия, и она будет иметь значение и сыграет свою роль не только в отечественной петрографии» [10].

Своей почти полувековой неутомимой исследовательской и преподавательской деятельностью А. Н. Заварицкий воспитал несколько поколений геологов, работающих по всей нашей стране во многих областях обширной науки о Земле.

Строки из документа: «ХАРАКТЕРИСТИКА доктора геолого-минералогических наук Заварицкого Александра Николаевича, профессора и заведующего кафедрой Петрографии Ленинградского Горного Института.

В течение более 25-ти летней педагогической деятельности А. Н. Заварицкого, сначала как ассистента в Горном Институте по кафедрам рудных месторождений и петрографии, а с 1920 г. как профессора по этим кафедрам, вышли из Горного Института многие сотни его непосредственных учеников, которые успешно работают в геологии, разведочном деле и горной промышленности. Отличительной особенностью школы, основанной в Горном Институте Е. С. Федоровым в области петрографии и К. И. Богдановичем в учении о рудных месторождениях, является тесная связь основательного знания принципов геологической науки с тем тщательным подбором фактов для выводов, который требуется от инженера, строящего свои заключения на основе точного расчета. А. Н. ЗАВАРИЦКИЙ, продолжая развивать это направление, в особенности в области петрологии, создал в Горном Институте единственный в Союзе курс Физико-химической петрологии, где он более глубоко, чем в каком-либо из имеющихся в мировой литературе курсов, рассматривает самые основные вопросы физико-химии петрогенетического процесса. Литографированный курс лекций А. Н. ЗАВАРИЦКОГО по описательной петрографии по выражению одного из его учеников, который в настоящее время является уже сам автором рекомендованного Гуузом курса петрологии, «является не превзойденным у нас до настоящего времени по четкости определений, что особенно важно для учащихся».

В отношении методики петрографических исследований А. Н. ЗАВАРИЦКИЙ, развивая отдельные части универсального метода, продолжал дело внедрения его в широкую практику, начатое Федоровым Е. С. и Никитиным В. В. в стенах Горного

Института. Можно с полным основанием сказать, что в настоящее время А. Н. ЗАВАРИЦКИМ создана своя Петрологическая школа в Горном Институте, как дальнейший этап развития преподавания в направлении, намеченном Е. С. Федоровым. Из числа ближайших учеников А. Н. ЗАВАРИЦКОГО вышли многие выдающиеся специалисты по полезным ископаемым и петрологии, как, например, занимающие ответственные руководящие посты в Центральном Научном Геологическом Разведочном Институте Союза (ЦНИГРИ)

Д. С. Коржинский, заведующий Кабинетом петрологии; П. М. Татарин, заведующий Отделом Неметаллических ископаемых; В. С. Соболев, завед. Петрографической лабораторией; ряд выдающихся научных работников того же учреждения: М. П. Русаков, Г. А. Билибин, В. Г. Грушевский, Г. С. Лабазин, Л. Н. Балавинский, И. В. Пуаре, И. К. Никитин и др.; в Горном Институте целый ряд преподавателей: В. В. Черных, А. Г. Бетехтин, С. И. Талдыкин, В. М. Сергиевский, Ю. П. Деньгин, В. А. Глазковский и А. А. Глазковский и целый ряд других исследователей, получивших известность своими точными выдающимися работами.

Треугольник кафедры Петрографии Ленинградского Горного Ин-та: Зам. Завед. кафедрой Петрографии (Д. Никитин), парторг: (Морозенко), профорг: (И. К. Никитин). 27 марта 35 г.» [11].

Источники и литература

1. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Буториной Л. А.
2. Ленинградский Горный институт за годы советской власти. Очерки. Л.: из-во Лен. ун-та, 1978. (184 с.) С. 19–20, 22, 54, 175.
3. Ленинградский Горный институт и Академия наук СССР. Л., 1978. 121 с.
4. Коржинский Д. С. Воспоминания о Ленинградском горном институте // Геологи Ленинградского горного института: очерки по истории геологических знаний. М., 1974 (200 с.). С. 189–194.
5. Смирнов Г. А. Неутомимый исследователь недр // Наука в СССР, 1984. № 3 С. 123.
6. Фонды отдела истории музея Горного института С. Петербурга.
7. Международный 17 геологический конгресс. Путеводитель по Горному музею в Ленинграде: ОНТИ НКТП СССР, 1957. (110 с.) С. 11–12, 18–19, 98–100.
8. Из письма Т. А. Заварицкой Буториной Л. А.

9. Соболев Н. Д. «О книге акад. А. Н. Заварицкого «Изверженные горные породы»» // Известия АН СССР. Сер. геол. 1956. № 5. С. 104.
10. Богатиков О. А. Творческое наследие академика А. Н. Заварицкого // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии – М.: Наука, 1986. С. 6.
11. Личный архив М. А. Заварицкой.

«УСЕРДИЕ К УСЛУГЕ ОТЕЧЕСТВА И К ПОЛЬЗЕ ОНАГО ЛЮБОВЬ»

Нет сомнения, что жизненный путь Александра Николаевича заслуживает внимания и уважения. Ознакомление с ним помогает воссоздать и понять общую картину научной жизни в России того времени. Жизнь А. Н. Заварицкого – это нелегкий, непрерывный, ежедневный, утомительный труд; путь скромного, честного, трудолюбивого человека. Поэтому и взяты в заголовок данного очерка слова из первого устава Горного института Санкт-Петербурга, включенные в следующие строки: «Показать в науках успехи, и употребляя их к общей пользе, доказать усердие к услуге отечества и к пользе онаго любовь».

Богата содержанием общественная жизнь А. Н. Заварицкого. Непрерывная связь с производственными организациями, ведущими работу по изучению полезных ископаемых на местах, участие в работе научных обществ, членом которых он состоял, участие в научных съездах и в международных геологических конгрессах – все это стоит в тесной связи с его научными интересами и свидетельствует о том авторитете, которым пользовался А. Н. Заварицкий при жизни.

Являясь преподавателем геологического института, Александр Николаевич охотно руководил кружком студентов, принимал участие в организации студенческой петрографо-минералогической коллекции.

Он был активным членом многих научных советов, членом Комитета по Государственным (Сталинским) премиям, заместителем председателя Комитета по метеоритам, членом ряда ученых советов, членом Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Помимо огромной научно-педагогической и административной деятельности (административная деятельность была ему не по душе), А. Н. Заварицкий выполнял большую научно-общественную работу. При всей своей занятости, а он в последние годы был академиком-секретарем, директором двух научных учреждений, Александр Николаевич находил время либо выступить с докладом на заседании научного общества, либо провести такое заседание, либо поделиться своими мыслями с широкой аудиторией со страниц газет или журналов.

Много энергии Александр Николаевич отдал на редактирование переводов иностранной геологической литературы. Он написал много «предисловий», «от редакции» и т. п. Александр

Николаевич Заварицкий известен в геологических кругах как корректный редактор и доброжелательный, высокого класса, консультант. Он редактировал для Государственного издательства иностранной литературы при Совете Министров СССР в 1947 г. книгу Дели «Прочность и структура Земли», «50-летний сборник Американского Геологического Общества», сборник, посвященный Дели, «Проблемы геологии и геофизики», работу Скрейнемакерс «Инвариантные моно- и дивариантные равновесия», в 1951 г. сборник «Островные дуги», работу Камерон «Внутреннее строение пегматитов» и другие

Писал Александр Николаевич и популярные статьи. В 1951 г., по случаю 15-летия первой в стране вулканологической станции Академии наук СССР, работа которой на Камчатке, в чрезвычайно благоприятном месте для вулканологических наблюдений, дала возможность советским ученым решить ряд проблем в этой области науки, редакция журнала «Советский Союз» обратилась к Александру Николаевичу с просьбой рассказать о работах советских ученых на Камчатке. Статья называется «Исследователи вулканов», она иллюстрирована 9 фотографиями С. Кропивницкого, на которых запечатлен начальник Камчатской станции Б. И. Пийп, сотрудники станции по дороге к кратеру, на лаве, в лаборатории, в домашней обстановке.

В этом же году Александр Николаевич написал статью для ежегодника советского альпинизма «Побежденные вершины», который вышел в 1952 г. Статья называется «Изучение советских вулканов». Это прекрасный образец научно-популярной работы; 23 страницы читаются как одно мгновение, получаешь знания и по истории, и по разным направлениям наук о Земле, научные данные иллюстрируются отрывками из ярких описаний исследователей.

Многие годы Александр Николаевич был членом Международного общества геологов, Всесоюзного минералогического общества (председатель и Почетный член), Гавайской ассоциации исследователей вулканов; действительным членом Общества по распространению политических и научных знаний, Федоровского института, Всесоюзного географического общества, членом Общества естествоиспытателей при Ленинградском университете, Уральского геологического общества и ряда других. Причем в работе этих обществ он принимал деятельное участие, так как понимал, что они оказывают значительное влияние на становление исследователя в поиске своих путей в науке.

В 1946 г. он был избран председателем организованной тогда секции Минералогии Московского общества испытателей природы. В этой секции им был сделан ряд докладов, в том числе доклад о методике сравнительного исследования в петрохимии, доклад о высокотемпературных плагиоклазах, доклад по вопросу о петрографии каменных метеоритов. Все эти доклады нашли отклик в советской научной печати.

Приведем несколько сообщений только за 1948 год.

«Президиум АН СССР утвердил устав Всесоюзного минералогического общества. Впредь до избрания (на предстоящем съезде) Совета общества его обязанности возложены на Совет Минералогического общества под председательством академика А. Н. Заварицкого и заместителя председателя, члена-корр. АН СССР В. А. Николаева. При Отделении геолого-географических наук организована Комиссия по истории геолого-географических наук в составе 21 человека. Председателем Комиссии назначен академик А. Н. Заварицкий, заместителями председателя – академик А. А. Григорьев и член-корр. АН СССР Н. С. Шатский».

«Совещание по вопросам тектоники: (геологи из Москвы, Ленинграда, Баку, Львова и ряда других городов). На некоторых заседаниях присутствовало свыше 500 человек... Совещание открылось кратким вступительным словом академика А. Н. Заварицкого, отметившего значение тектоники для геологических исследований и необходимость разработки вопроса о методах доказательств в тектонике.

На совещании было заслушано и обсуждено 24 доклада» [1].

Минералогическое общество, организованное в 1817 году в Петербурге, – одно из старейших Минералогических обществ мира: оно старше английского, французского, американского и многих других. Минералогическое общество объединило многих исследователей разнообразных минералов, горных пород и полезных ископаемых.

Группа ученых Геологического комитета – ВСЕГЕИ – одновременно была и активными деятелями Минералогического общества. Четверо из них – А. Н. Заварицкий, В. А. Николаев, С. С. Смирнов, П. М. Татаринов – в разное время занимали пост президента Общества.

С. П. Соловьев много лет работал Ученым секретарем Всесоюзного минералогического общества. К 150-летию Общества он написал книгу о его истории и значении в развитии геологических наук. С. П. Соловьев после выхода кни-

ги в свет подарил ее с автографом сыну академика Владимиру Александровичу и его жене Тамаре Васильевне.

С. П. Соловьев отдает дань заслугам Александра Николаевича и на семи страницах своей книги рассказывает о значении работ академика в разных направлениях геологии и метеоритики.

«В 1946 г. за выдающиеся работы, обогатившие отечественную науку, в почетные члены Общества были избраны академики Д. С. Белянкин, А. Н. Заварицкий, И. И. Степанов. От их имени в адрес Совета Общества поступили письма с благодарностью за оказанную им честь. Вот одно из них, написанное академиком А. Н. Заварицким:

«Прошу передать мою глубокую благодарность членам Минералогического общества, оказавшего мне высокую честь избранием в почетные члены Общества. Это избрание является для меня особо волнующим и радостным потому, что Минералогическое общество было всегда для меня очень дорого, как та школа, которой наравне с Горным институтом, я обязан и навыками в научной работе и своим научным воспитанием. Принося мою благодарность Обществу, я хотел бы выразить свое горячее желание быть прежде всего полезным, активным его членом. Искренне Ваш А. Заварицкий» [2].

Но не только активным членом Общества был Александр Николаевич. Ему доверили и руководить этим весьма уважаемым среди геологов Обществом. 21 мая 1946 г. был избран новый Совет Общества. Заместителем председателя Совета выбрали А. Н. Заварицкого, а в конце 1947 г. – председателем, обязанности которого он выполнял в течение пяти лет до своей смерти. Это был период большой организационной работы. В связи с расширением деятельности Общества и рядом других причин возникла необходимость его реорганизации. 11 октября 1947 г. Совет Министров СССР постановил реорганизовать Всероссийское минералогическое общество во Всесоюзное и передать его в ведение Академии наук СССР. Были организованы и филиалы Общества [2].

После войны Минералогическое общество возобновило выдачу почетных отзывов за выдающиеся научные работы. В 1952 г. был вручен почетный отзыв коллективу авторов за работу «Колчеданные месторождения Урала»: А. Н. Заварицкому, В. А. Заварицкому, Т. Н. Шадлун, В. П. Логинову, А. В. Пэку, С. Н. Иванову, Л. Г. Кваша. Второй почетный отзыв в 1954 году был присужден А. Н. Заварицкому посмертно за опубликованный капитальный труд «Основные проблемы в уче-

нии о магматогенных рудных месторождениях» в составе коллектива авторов: А. Г. Бетехина, Ф. И. Вольфсона, Д. С. Коржинского, О. Д. Левицкого, В. А. Николаева.

Разные люди и, прежде всего, ученые, проявляют свои общественные симпатии, а они есть у каждого, по-разному. У академика В. И. Вернадского они были достаточно определенными. Свидетельство тому – его дневник, его переписка, в них с предельной полнотой выражены прогрессивные убеждения ученого. Еще более отчетливы общественные симпатии натуралиста К. А. Тимирязева. Они отразились во многих его работах, особенно в книге «Наука и демократия». Не скрывали отрицательного отношения к существующим общественным порядкам царской России великий кристаллограф Е. С. Федоров и гениальный химик Д. И. Менделеев. Гражданская позиция А. П. Карпинского не укладывается в привычные представления. Да и судить о ней придется не столько по его высказываниям, сколько по поступкам.

Александр Николаевич Заварицкий не вел дневника, не давал каких-то категоричных суждений ни о людях, ни о событиях. Не случайно, что в воспоминаниях его современников не встречаются высказывания о политических взглядах А. Н. Заварицкого. Не давал выражать личное мнение и тоталитарный режим Советского государства.

Но Александр Николаевич имел свое мнение, не боялся вступать в оппозицию начальникам, о чем говорит следующий факт: «Две группы образовались в Геолкоме после 1925 г., когда директора перестали избирать члены Присутствия. Директором было назначено лицо, не пользовавшееся общим уважением. К группе, находившейся в оппозиции к назначенному директору, Д. И. Мушкетову, принадлежали, кроме Н. Ф. Погребова (Николай Федорович входил в старом Геологическом комитете в либерально настроенную «лутугинскую» группу, которая была в комитете в меньшинстве), П. И. Преображенский, Я. С. Эдельштейн, В. Н. Вебер, Н. Н. Яковлев, А. Н. Рябинин, А. Н. Заварицкий, Б. К. Лихарев и некоторые другие геологи» [3].

Владимир Александрович Заварицкий вспоминает: «Уезжая из Нижнего Тагила, я рассчитывал, что попаду в уже знакомую мне семью, которая так понравилась мне летом 1928 года. Однако все оказалось несколько сложнее. И отец, и Екатерина Петровна сильно изменились за эти два года, а в некоторых отношениях, возможно, и я ошибался. В первый же год увидел отца явно встревоженным, удрученным, чем-то по-

давленным, иногда раздраженным, хотя это и не бросалось в глаза. Внешне он всегда был спокоен, иногда даже весел, увлечен работой. Не сразу я понял и даже узнал все истинные причины таких перемен. О некоторых я догадывался, и мои догадки вскоре подтвердились, о других мне стало известно спустя десятки лет.

Несомненно, что его выбил из колеи тот нелепый обыск (в 1926 г., после возвращения из Испании с Международного геологического конгресса). Предпринимал ли он какие-либо шаги к спасению полевых дневников – не знаю. Возможности были, как по официальным, так и по неофициальным каналам. Как стало известно позднее, среди его помощников были люди, непосредственно связанные с «органами», научная карьера которых в какой-то мере зависела от отца. Они могли и, несомненно, хотели бы включиться в поиски пропавшего материала. Несомненно, что, став академиком (1939 г.), отец имел возможность добиться возвращения полевых дневников, если бы они где-нибудь сохранились. А сохранились они едва ли. Более вероятно, что в результате невежества и бюрократического отношения к делу, они просто были уничтожены.

Образцы горных пород постепенно были потеряны, часть их попала в музеи, часть в учебные коллекции. Хранить их дома было невозможно. Бесполезные уже шлифы отец хранил до конца жизни. Зачем – не совсем понятно. Возможно, до конца жизни надеялся, что полевые дневники найдутся, а, может быть, повторный просмотр шлифов доставлял ему просто какое-то моральное удовлетворение. После смерти отца мне удалось просмотреть и даже сохранить некоторые шлифы. В результате стало понятно, какой неисправимой потерей для науки была утрата этого материала. Ильменский заповедник – одно из уникальных мест на земном шаре и до сих пор недостаточно изучен с точки зрения петрологии. Если бы исследования отца продолжались, наши знания об этом интересном комплексе горных пород были, вероятно, совсем другими.

Я умышленно отвлекся от своего повествования, т. к. без этого невозможно понять душевное состояние отца в то время.

Другим обстоятельством, определяющим его угнетенное состояние, была тяжелая обстановка в связи с объединением геологоразведочного факультета Горного института с соответствующими факультетами других высших учебных заведений Ленинграда. Вопреки всем традициям, была попытка создать особый геологоразведочный институт. Естественно, объединялись и преподаватели, ученые разных научных школ. Что при-

водило к трениям в их общении, к мелким, но постоянным конфликтам. Руководить кафедрой становилось все труднее и труднее. В то время мне это не было известно, и только после смерти отца, просматривая его архив, частично разобрался в этом.

По отношению ко мне отец оставался таким же, каким он был во время нашей первой встречи. Внимательно выслушивал меня, когда я делился с ним своими успехами в учебе. Выслушивал молча, не делал замечаний. Вначале это показалось мне проявлением равнодушия, но это было совсем не то. Он вспоминал свои студенческие годы, мысленно сопоставлял, сравнивал. Например, как-то я рассказывал ему о лекции по начертательной геометрии, а в ответ услышал, что в той аудитории, где они проходили, в его студенческие годы была церковь Горного института. Постепенно мне стало ясно, что отцу не нравилось, как нас обучали.

В предвоенные годы исследования спилитов на Бляве были, по существу, закончены. Мне хотелось только обобщить все данные о спилитах из других мест земного шара и написать монографию по этим породам. Отец это одобрил, но в вопросе о будущей работе наши мнения вначале разошлись. Мне хотелось заняться углублением «спилитовой проблемы», изучить спилиты из других районов страны. По существу, было стремление заняться палеовулканизмом. Отец же хотел, чтобы я продолжал изучать все горные породы, вмещающие колчеданные месторождения Урала. Он лучше понимал, что только для тех исследований, которые непосредственно связаны с месторождениями полезных ископаемых, можно получить средства.

Против моего желания поехать в Крым на гору Карадаг он категорически возражал. Сначала мне был непонятен его аргумент: «петриновцы вой поднимут», но, в конце концов, понял, что это означало. Ученики академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга могли неправильно истолковать мою поездку на Карадаг, как ревизию результатов его исследований. Книга Ф. Ю. Левинсон-Лессинга и Е. Н. Дьяконовой-Савельевой вышла в 1933 г., незадолго до нашего разговора. Мне уже тогда казалось, и в этом я убежден и теперь, что болезненное отношение к ревизии и к критике удел невежественных людей» [4].

О *тактичном отношении* Александра Николаевича к своим оппонентам можно судить на примере из «Хроники» Известий АН СССР, 1949 г.: на научном заседании Отделения гео-

лого-географических наук АН СССР 27 апреля 1949 г. акад. А. Н. Заварицкий выступил с докладом на тему об изображении атомных структур минералов. Открывая прения по докладу А. Н. Заварицкого, акад. Д. С. Белянкин отметил положительное значение метода и посчитал естественным, что его предполагают ввести в преподавание, и что студенты без труда его усваивают. Правда, изображения получаются несколько непривычными, но с ними нетрудно освоиться.

Иное мнение по поводу доклада изложил член-корр. А. В. Шубников. Он не согласился с предлагаемой А. Н. Заварицким системой, метод условен и не нагляден, считает он. Отвечая на замечания А. В. Шубникова, Александр Николаевич *корректно* отметил, что возражения против метода, им предложенного, очевидно, вызваны принципиальным различием точек зрения его и Шубникова, и еще раз очень подробно изложил его суть, отвечая на замечания оппонента.

Александр Николаевич умел признать и свою недооценку некоторых фактов. Так, например, во время своей последней поездки на Урал в 1952 г., встретившись с уральским геологом Алексеем Николаевичем Ивановым и ознакомившись с его исследованиями ордовикских отложений Среднего Урала и их фауной, не без удивления заметил: «Алексей Николаевич, так у вас, оказывается, огромный материал собран и много достоверной фауны, а ведь я полагал, что этого всего не так много» [5].

Мог Александр Николаевич и вовремя похвалить, и поддержать молодых коллег. Интересный эпизод приводит уральский геолог Г. А. Смирнов, о котором ему написал Д. В. Наливкин. Дмитрий Васильевич в 1911 г. начал изучение девонской фауны нашей страны и обратился за помощью к Чернышеву Феодосию Николаевичу, чей авторитет в данном вопросе был непоколебим, а Наливкин был студентом Горного института, «мелкой сошкой». Ф. Н. Чернышев похвалил Наливкина за желание изучать этот вопрос и отметил, что девон Средней Азии и Урала очень похож. Но началась война, потом революционные события, и к изучению девона Д. В. Наливкин приступил только в конце 1917 г. Подробно изучая фауну Урала, он заметил, что она не совпадает с мнением Чернышева, но выступить против учителя не посмел. Посоветовался с преподавателем В. Н. Вебером, который подтвердил правильное определение фауны Д. В. Наливкиным: «Тогда я решился и в 1920 г. выступил с докладом на заседании Минералогического общества, еще в его старом, таком своеобразном приятном помеще-

нии. Доклад назывался «О присутствии силурийского яруса на Урале». Как я и ожидал, он встретил недоверие, даже враждебное отношение. Какой-то мальчишка исправляет Чернышева, но после доклада сам председатель А. П. Карпинский подходит ко мне, дружески здоровается и говорит: «Молодой человек, это очень интересно, работайте дальше». Александр Николаевич Заварицкий, с которым я всегда был в хороших отношениях, улыбаясь, сказал: «Дмитрий Васильевич, Вы выдали большой вексель, теперь Вам придется расплачиваться». Частично расплатился я сам, но в основном это сделали уральские геологи» [5].

Смирнов Георгий Алексеевич вспоминает: «Сезон, проведенный в Магнитогорском районе, дал очень многое для моей профессиональной практики. Работали мы не только с энтузиазмом, но и с большим вниманием, осторожностью и высоким чувством ответственности. Ведь мы шли по стопам А. Н. Заварицкого, авторитет которого был очень высок, а уважение к своим предшественникам в наши годы было несравненно большим, чем теперь. Мы были рады, когда удавалось внести в познание геологического строения района новые данные. Тогда же Е. И. Каминская и О. В. Лахтионов ясно поняли, что атачит не представляет собой разновидности особой горной породы, как предполагал А. Н. Заварицкий, а является просто вулканическим конгломератом. Вероятно, Александр Николаевич потом и сам это понял, о чем можно догадываться хотя бы потому, что участникам Магнитогорской экскурсии 17 сессии Международного геологического конгресса, проходившего в СССР в 1937 г., он, как ее руководитель, этого обнажения не демонстрировал» [5].

Георгий Алексеевич Смирнов отмечает, что при наличии точных фактов Александр Николаевич изменял свое научное мнение: «Всякий знакомый с историей изучения геологии Урала знает, что долгое время исследователи думали, что история формирования нашего региона ограничилась герцинским циклом. Проявление более древних движений на Урале не признавали даже авторитетные знатоки, каким, скажем, был А. Н. Заварицкий, изменивший свое мнение по этому вопросу лишь в 1952 г.» [5].

Писем А. Н. Заварицкого, их черновики тем более, не сохранилось. Поэтому так важны те единичные экземпляры, которые нам удалось разыскать. Вот, например, письмо сотруднику Комитета по заповедникам РСФСР Г. П. Корнилову:

«12 августа. Многоуважаемый Григорий Петрович.

Я мог бы принять участие в сборнике «Ильменский заповедник», но только после того, как выйдет из печати моя работа по Заповеднику, находящаяся сейчас в подготовке изданий Академии Наук. Ее обещали выпустить только в 1-м квартале 1939 г. Вас, вероятно, интересует и геологическая карта Заповедника. Она сдана в печать в ЦНИГРИ весной 1934 г. и была начата производством. Судьба ее мне сейчас неизвестна. Вы могли бы оказать содействие ее проведению через Комитет по Заповедникам, воздействуя на Главное Геологическое Управ. (персонально акад. Ив. Мих. Губкина). Я полагаю, что маркировать карту Заповедника, учрежденного по декрету, подписанному Лениным в самые тяжелые годы гражданской войны, что тем самым подчеркивает всю важность научного значения этого места, совершенно недопустимо. На что следовало бы указать Главному Геол. Управлению.

Я бы был очень Вам благодарен, если бы Вы такое воздействие на ГГУ оказали. С совершенным уважением А. Заварицкий» [6].

Письмо А. Н. Заварицкого в Ильмены геологу А. И. Симону: «Москва, 23 января 1941 г. Многоуважаемый Александр Иванович.

Будущим летом я предполагаю работать в Южном Урале, и некоторое количество времени мне хотелось бы уделить и на Заповедник. В связи с этим я вспомнил любезное приглашение И. М. Ляпина поселиться с семьей на озере Кисягач, кажется в бывшем доме отдыха. Это мне было бы очень удобно, и поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить, насколько это реально. Что из себя это помещение представляет? В каком месте на Кисягаче оно точно находится и как там можно устроиться с удовольствием?

По слухам в районе Миасса распространилось заболевание коров бруцеллезом, и что есть заболевания среди людей. Правда ли это? Буду очень Вам благодарен за ответ. Искренне Ваш А. Заварицкий.

Одновременно я пишу об этом Ивану Михайловичу. Мой адрес: Москва, Б. Калужская ул., д. 51-63, кв. 43.» [6].

В Архиве Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар, хранится письмо профессору А. А. Чернову на бланке АН СССР, Отделения геолого-географических наук от 8 июля 1946 г.: «Глубокоуважаемый Александр Александрович! Комиссия по увековечению памяти академика А. П. Карпинского выражает Вам свою признательность за Вашу готовность написать очерк жизни и деятельности А. П. Карпинского.

Комиссия представляет Вам полную свободу в определении размеров этого очерка, но убедительно просит представить рукопись в законченном виде к 1 ноября с. г., чтобы иметь возможность немедленно сдать ее в печать.

Ввиду того, что научные интересы А. П. Карпинского были весьма многосторонни, Комиссия просит Вас не отказать в любезности сообщить, по возможности незамедлительно, общий план намеченного Вами очерка, отметив в этом плане, какие именно крупные вопросы в работах А. П. Карпинского Вы намерены осветить.

Такой план, заблаговременно присланный Вами, очень облегчит задачу Комиссии по составлению других материалов о научной деятельности А. П. Карпинского, так как даст возможность ограничить работу других лиц, желающих писать об А. П. Карпинском, изложением лишь тех сторон его научной деятельности, которые не будут затронуты в Вашем очерке, например, вопросы петрографии, минералогии и др. Заместитель председателя комиссии, академик А. Н. Заварицкий» [7].

Одной из характерных особенностей натуры А. Н. Заварицкого как естествоиспытателя была исключительная *требовательность к точности фиксируемых фактов*, объективности их изложения и понимания. Строго соблюдая эти правила в личных исследованиях, он непреклонно добивался того же от коллег и сотрудников. Из многих качеств, свойственных исследователю, Александр Николаевич больше других ценил способность в гуще разнообразных фактов разглядеть «жемчужное зерно». «Убедившись под влиянием неопровержимых фактов в справедливости чьих-то выводов, которые он ранее отрицал, А. Н. Заварицкий не боялся изменить своего мнения, не стремился, во что бы то ни стало, «спасти прежние представления» [8].

«Меня спрашивали, читали ли известные геологи художественную литературу. По-разному. Некоторые из числа крупных геологов моего времени были равнодушны к художественной литературе. ...

А. Н. Заварицкий, перелетая из Москвы на Камчатку, застрял где-то по дороге, кажется в Якутске, и попросил что-нибудь почитать, чтобы скоротать время. Ему дали какое-то конъюнктурное произведение о местном историческом герое. Он, к величайшему смущению разного рода официальных лиц, сказал, что это не герой, а жулик. Когда он летел обратно, в местной прессе уже бушевала кампания, совпадающая по оценке

литературного персонажа с мнением Заварицкого. Об этом мне рассказывал С. С. Смирнов» [9].

Александр Николаевич Заварицкий производил впечатление сурового человека: он мало говорил, всегда был сосредоточен, углублен в себя. Однако к любому обращению и к любому вопросу А. Н. Заварицкий относился с большим вниманием. Не было случая, чтобы он отказал в своей помощи или поддержке и в научных, и в жизненных делах. Обладая огромной трудоспособностью, эрудицией, требовательностью к себе, он был очень требователен и к другим, строго оценивая любую научную работу [10].

Александр Николаевич не отказывался от поручений, как бы он ни был загружен, особенно, если это было связано с геологией. В. В. Филатов в своей книге рассказывает об одном случае, в связи с рукописями Евгения Никитича Короткова, первооткрывателя уральских минералов, составителя «Указателя ископаемых и их месторождений на Урале» в трех томах, не напечатанных ни при жизни автора, ни после, они хранятся в Государственном архиве Свердловской области.

«Итак, наступило 15 июня (1920 г.). Члены комиссии, избранной на организационном заседании Горной секции Коллегии Уральского Отделения Научно-Технического Отдела для оценки рукописных трудов по минералогии Урала покойного Е. Н. Короткова, переданных вдовой для их напечатания: тт. Б. В. Дидковский, проф. У.Г.И., Н. Н. Тихонович, проф. У.Г.И. А. Н. Заварицкий, собравшись в помещении, занимаемым УОНТО (угол Клубной и Офицерской № 1 (ныне угол Первомайской и Пролетарской. – В. Ф.), ... в присутствии его вдовы..., сына его... и племянника его... произвели вскрытие ящика с рукописями... при помощи слесаря. Предварительно вскрытия ящика осмотрены были замки, шнур и печати... Затем т. Дидковским печать и шнур были сняты, верхние пробои накладок при висячих замках были отняты слесарем от крыши ящика, средний внутренний замок отворен подобранным ключом и ящик вскрыт.

Так буднично закончилась эта история, доведившая до нервной истерики некоторых ее участников. Из ящика извлекли около 300 тетрадей. По блеску глаз, торопливости, с которой просматривали, перелистывая тетради, Тихонович и особенно Заварицкий, стоящие рядом «товарищи» догадывались, какую огромную ценность представляют рукописи Короткова. Будь ящик наполнен доверху драгоценностями, оба профессора вряд ли проявили бы к нему такой же интерес...

Все рукописи Короткова были «обследованы членами комиссии, подобраны по предметам их содержания и распределены на две группы: 1) имеющие прямое отношение и значение для Горного дела и 2) не имеющие такого отношения... Рукописям первой группы был составлен список... Внесенные в список рукописи были помещены в четыре переносимые полки и сложены обратно в ящик. Вместе с ними туда же были сложены и рукописи в холщовых переплетах (мемуары и оглавления к ним), в клеенке (дневники и оглавления к ним) и в папке (история Екатеринбурга)... После этого ящик был закрыт, но не заперт...». Рукописи стали выдавать «Для прочтения только специально командированным лицам для надобности производственных работ» [11].

Корректность, с которой происходило вскрытие ящика, тщательность и внимательность, проявленные при инвентаризации и описании его содержания, забота о сохранении рукописей – все это характеризует участников данного инцидента только с положительной стороны.

Закончить этот очерк мне хочется словами академика О. А. Богатикова:

«А. Н. Заварицкий прожил 68 лет. Но жизненный путь большого ученого измеряется не годами, а делами. Нельзя не удивляться целеустремленности, с которой Александр Николаевич, будучи еще студентом, выбрал свой путь и прошел его, не сворачивая, на одном дыхании» [12].

Источники и литература

1. Вестник АН СССР. 1948 № 5. С. 77–92.
2. Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук Л., 1967. С. 131–132, 138, 156–163.
3. Геккер Р. Ф. Повесть о Николае Федоровиче Погребове // Ученые Геологического Комитета: очерки по истории геологических знаний. Вып. 13. М., 1971. С. 84.
4. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Буториной Л. А.
5. Смирнов Г. А. Развитие научных взглядов на динамику уральской горной системы Екатеринбург: Наука, 1992. С. 179, 183, 261.
6. Архив ИГЗ, фонд Березина Б. А
7. Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. 7, оп. 1, д. 347, л. 1.
8. Смирнов Г. А. Неутомимый исследователь недр // Наука в СССР: АН СССР. № 3. 1984. С. 118–123.
9. Смирнов В. И. «Тропой геолога» М.: Изд-во Московского университета, 1992. С. 120.

10. Набоко С. И. Александр Николаевич Заварицкий // Люди русской науки. М., 1962. С. 234–242.
11. Филатов В. В. Тайны «горного ведомства» Екатеринбург, 2000. С. 122, 131–132.
12. Богатиков О. А. Академик А. Н. Заварицкий. // Вестник АН СССР, 1984. № 3. С. 135.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕОЛОГОВ ОБ А. Н. ЗАВАРИЦКОМ

Александр Николаевич Заварицкий был очень требовательным человеком, но эта требовательность, которая вытекала из его безграничной любви к геологии, распространялась не только на окружающих его учеников или коллег по профессии, но, прежде всего, на самого себя. Хотя у некоторых людей складывалось свое мнение о нем, о чем говорят строки из книги Владимира Викторовича Филатова о создании в 1937 г. геологической выставки в Свердловске: «Следующая тема – Ильменский комплекс. Будет заключен договор с Заварицким... Заварицкий должен представить проект и только тогда мы узнаем, насколько нам это подходит. Но если *мы дадим* ему план, по которому он должен будет работать, то он просто откажется (сноска: Справедливость этого замечания бесспорна. А. Н. Заварицкий был болезненно нетерпим ко всему, что хоть в малой степени ограничивало свободу его действий. Геолог П. М. Замятин, работавший с ним в 1921 г. на Бакальском руднике, так отзывался об Александре Николаевиче: «Имеет замкнутый и тяжелый характер. Временами на него находят припадки меланхолии и тогда он очень тяжел для окружающих. С малых лет он усиленно занимался наукой. Обладает поразительной памятью. Отличается удивительной научной эрудицией... Продвижение по лестнице ученых степеней составляет для него нечто вроде спорта»). Характер у А. Н. Заварицкого стал еще тяжелее после того, как большевики провели в 1926 г. обыск у него на квартире и устроили за ним слежку во время работы на Южном Урале» [1].

Целеустремленность Александра Николаевича сказывалась в его внешней сосредоточенности, нередко, при первом впечатлении, принимавшейся за замкнутость или даже суровость. Однако такое впечатление сразу же отпадало при общении с ним [2].

Прочитаем одно из воспоминаний о встрече с А. Н. Заварицким: «Январь–февраль 1952 г. Я учился тогда на пятом курсе геологического факультета Воронежского университета. Как-то профессор Владимир Сергеевич Дмитриевский, тогдашний декан факультета, сказал мне, что академик Заварицкий хотел бы принять в аспирантуру выпускника нашего университета, который интересуется вулканологией и разбирается в петрографии. Я считался неплохим студентом, и выбор пал на меня. Мне дали рекомендацию, и я отправился в Москву, в ГИН (Геологический институт Академии наук, где А. Н. Заварицкий заведовал созданной им же вулканологической лабораторией).

Всю дорогу от Воронежа до Москвы очень боялся: вдруг Александр Николаевич спросит меня что-нибудь из геологии, а я не сумею ответить. Потом только сообразил, что, навряд ли академик будет задавать специальные вопросы студенту и немного успокоился. Но все-таки предстоящий разговор пугал меня, и я теперь даже не могу вспомнить в подробности кабинет Заварицкого (объясняю это только моим состоянием). Помню, что комната была не слишком большая, наверное, были и книги, и образцы (ну, это как у всех), но я не запомнил. Вот сейчас вспомнил: на стене были пейзажи, один, по-моему, с извержением Ключевской сопки.

Что хорошего осталось в памяти – сам разговор. Негромкий голос, очень вежливые интонации, вопросы самые обычные, житейские. Выглядел Александр Николаевич очень молодо. Он рассказал, что моя работа будет связана с выездом на Камчатку, в поселок Ключи. Год-два надо будет поработать в Ключах, собрать материал для будущей диссертации. Видимо, он что-то заметил по моему лицу, спросил: «Какие-то проблемы?» – «Проблема одна – я женился». – «Это же хорошо. А кто Ваша жена по специальности?» – «Химик» – «Поезжайте вместе, конечно. И для нее работа найдется». Разговор ободрил меня, появились определенности в жизненных планах.

Вернувшись в Воронеж, я целенаправленно стал готовиться к будущей работе. В Москву должен был приехать после защиты диплома. Но второй встрече не суждено было состояться. Мой приезд в Москву совпал с днем похорон Александра Николаевича. На Камчатку я так и не поехал, а выбрал Уфу, там как раз был организован Институт геологии Башкирского филиала Академии наук. Почему именно Уфа? Просто не хотелось уезжать из Европы» (Виктор Алексеевич Маслов, доктор геолого-минералогических наук, Институт геологии БНЦ УрО РАН. 10 апреля 1992 года. Записала Маслова А. П.) [3].

В свое время я прочитала статью Софьи Ивановны Набоко об Александре Николаевиче в книге «Люди советской науки», статья написана с большим уважением к А. Н. Заварицкому. Тем более непонятно мне было слышать от минералога, ныне доктора г.-м. наук, Владимира Анатольевича Попова в январе 1990 года следующий рассказ: «В 1979 году наша группа из Ильменского заповедника была на Камчатке (вулкан Толбачик, кальдера Узона). В Петропавловске-Камчатском пригласили к нам на юбилей – 60 лет заповеднику – доктора геолого-минералогических наук Софью Ивановну Набоко, которая в беседе обмолвилась, что во время войны работала в Заповеднике коллектором у А. Н. Заварицкого. Нам захотелось услышать ее воспоминания о совместной работе. Она пообещала, что по возможности приедет на столетний юбилей А. Н. Заварицкого и поделится своими воспоминаниями. Тут же сказала, что работать с Александром Нико-

лаевичем было сложно: «Он – барин. Бывало приду утром из-за озера полуголодная. Зайду к Заварицкому. Он сидит, пьет молоко. Не пригласит ни сесть, ни молоком не угостит. Потом идем на Блюмовскую копь. Он садится, описывает камни. Просит подать образцы из копи. Копь глубокая. Я опускаюсь вниз, а вылезти из копи сил нет. Даже руки не подаст, не поможет. Вот так мы с ним и работали». С. И. Набоко не приехала на юбилей заповедника. Хотела написать о встречах с А. Н. Заварицким, они еще встречались позднее на Камчатке. Да не собралась.

Этот эпизод можно объяснить и по-другому. По рассказу Святослава Нестеровича Иванова, который не один раз был в поле с А. Н. Заварицким, Александр Николаевич не признавал «галантных» отношений к женщинам-геологам в работе. Работа для всех одинакова. Четкий распорядок, все делать в срок, переходы и отдыхи для всех одинаковы, закаленными должны быть и мужчины и женщины. А вот когда работа выполнена, можно дружно посидеть всем за вечерним столом, поговорить, почитать стихи, песни спеть, выпить даже и что-нибудь покрепче. Александр Николаевич изредка пил только хорошее сухое вино. А о питании в годы войны - это вопрос особый, и, наверное, не надо приклеивать к Александру Николаевичу Заварицкому эпитеты «жадный, невнимательный».

В моей краткой беседе в 1984 г. в Москве вулканолог Владимир Иванович Влодавец сказал: «Заварицкого многие считали суровым, но скорее он был сумрачным, неразговорчивым. А те, кто работал с ним в поле, считали его компанейским. Он очень хорошо относился к людям. В жизни А. Н. Заварицкий был мало разговорчивым. Можно посмотреть и его разные фото: на портретах – один, в экспедициях – другой».

Геолог Лидия Ивановна Лобова вспоминала: «Летом 1940 г., проездом в Мугоджары, в Ильменский заповедник прибыли две автомашины. Одна машина – Геологического института АН СССР с учеными из Москвы и Свердловска (А. Н. Заварицкий, С. Н. Иванов, Н. А. Штрейс, О. А. Нестоянова, В. М. Сергиевский, Л. Г. Кваша, В. И. Гоньшакова) во главе с А. Н. Заварицким. Вторая машина была Уралгеолуправления с представителями геологических служб Свердловска (М. И. Меркулов, А. Д. Соболев, Н. А. Спасский, А. Е. Малахов, А. А. Иванов). Ее возглавил начальник Уралгеолуправления О. В. Лахтионов. Из производственников, в интервале следования машин от города Миасса до деревни Поляковки, в этом путешествии принимали участие Е. А. Муравьева и я.

Академическую машину, в которой среди сидящих в ней ученых царил дух сдержанности, в шутку прозвали «квакер-фургоном». Уральскую машину, за непринужденность поведения геологов и неко-

торое пристрастие к веселым застольям на привалах, назвали «фараоновой колесницей». А. Н. Заварицкий знал о выпивках геологов «колесницы» и сердился, но вида не подавал.

Постепенно настроение у Александра Николаевича улучшалось, и он написал два шуточных стиха. Одно из них было посвящено его секретарю В. И. Гоньшаковой, и звучало так:

«Вы быть могли бы светской львицей
Среди каких-то светских львов,
Но где найти их в «колеснице»
Среди подвыпивших спецов?!»

Второй стих был адресован С. Н. Иванову в честь его охотничьих успехов:

«Вот он, последний могиқан сурового фургона.
Не победил его стакан веселый фараона.
Всегда держался твердо он в крутом сухом законе,
И квакеров сознания полн ел супчик свой в фургоне.

Однако, пылкою душой намот он прирожденный
В болоте бегал нагишом, ружьем вооруженный.
Дианы перст вознаградил любителя охоты,
Он трех чирков тогда убил, не испытав заботы.

Когда вчера я стал их есть, обгладывая кости,
Хотел воздать герою честь заздравным громким тостом.
Но с нами был НКВД, а знаете вы сами,
Чтоб не было беды, язык спрячь за зубами.

Недавно том был запрещен с ракушкой из карбона,
Как может быть герой почтен, когда он без диплома?
Вот почему я промолчал и не почтил героя,
Хотя вчера он настрелял чирков почти что втрое.»

В 1941 г. в Ильменский заповедник прибыли эвакуированные из Москвы ученые Геологического института АН СССР: А. Н. Заварицкий, А. Г. Бетехтин, А. А. Сауков, В. И. Крыжановский и другие. Они пробыли в Миассе до 1944 г. Наездами в заповедник приезжали Д. С. Белянкин и А. Е. Ферсман. Последний, на заседаниях Ученого совета Института не раз освещал вопрос о результатах своих работ в Комитете Оборона СССР, в том числе направленных на создание более бронестойких сортов стали для танков и солдатских касок. Общение с корифеями науки многое дало мне как геологу в моем формировании как специалиста.

Я неоднократно присутствовала на Ученых советах Геологического института. На одном из заседаний Ученого совета было заслушано и мое сообщение о ходе работ и геологических условиях нахождения молибденового оруденения на разведваемом участке копи 15 с демонстрацией найденных нами кристаллов молибденита. Уникальный бипирамидальный кристалл молибденита мной был передан, по просьбе В. И. Крыжановского, в музей Академии наук. Несколько имевшихся у меня кристаллов молибденита позднее я передала в Геологический музей г. Екатеринбург.

Однажды участок копи 15 посетил А. Е. Ферсман. Смеясь, что он из-за своих габаритов не пролезет в ствол шахты, Александр Евгеньевич уселся на отвал пород и, по подносимым нами образцам, составил схему последовательности минералообразования в разведываемых рудоносных пегматитах. Она вошла в наш отчет.

А. Н. Заварицкий живо интересовался результатами работ копи 15. Он считал, что вскрытие шахтой и скважинами пласта карбонатных пород многое объясняет в геологических особенностях этого участка, в частности, высокое содержание кальция во многих минералах жил, наличие гипогенного повеллита и гнезд кальцита. По его совету пробы карбонатных пород я отправила на химический анализ известному химику Академии наук И. Д. Борнеман-Старынкевич в Уфу, которая и определила их как доломиты. Александр Николаевич непосредственно на участке копи 15 принимал участие в совместном с руководством Уралгеолуправления обсуждении вопроса об ожидаемой промышленной ценности молибденового оруденения.

А. Н. Заварицкий изучал природу образования амазонита. Очень был доволен, что мы открыли пласт доломитов, т. к. до этого он никак не мог понять, откуда и как появились на горе Фирсовой карбонатные образования. Он всегда считал, что в основе геологических исследований должны лежать факты, а потом уже гипотезы. А. Е. Ферсман – наоборот, и в этом они с А. Н. Заварицким были непримиримыми врагами. В ответ на критику Заварицким одной из его геохимических диаграмм Ферсман ответил: «Разве Вы можете понимать язык камней? Занимайтесь лучше микологией» [4].

Академик Владимир Иванович Смирнов в своей книге пытается дать объективную характеристику Александру Николаевичу, переплетая свои впечатления и рассказы других геологов:

«Александр Николаевич Заварицкий был одним из выдающихся людей нашего времени. Я, как и многие, сначала узнал его по трудам, главным образом петрографическим, еще в мои студенческие годы, а потом уже значительно позднее и лично. Кажется, впервые официально я встретился с ним году в сорок седьмом, когда, будучи заместителем министра геологии, занимался организацией издания

серии руководств по основным разделам геологии, имея в виду поручить их составление ведущим ученым страны. Предварительно созволившись, я приехал к Александру Николаевичу домой, на Калужскую, с намерением просить его подготовить учебник петрографии. Он воспринял это предложение с нескрываемым скепсисом, полагая, что писать серьезные книги по заказу – это халтура, и довольно холодно простился со мной. Позднее я многократно встречался с ним, но уже опасался делать опрометчивые предложения...

Был он высок, костист, с крупной головой мыслителя, венчавшей его большое тело. Зачес назад сильно поредевших седых волос обнажал крутые надбровные дуги высокого лба. Прямой массивный нос, крепко сжатые губы и широкий квадратный волевой подбородок. Очки, обычно приносящие значительность лица, у Александра Николаевича подчеркивали пронизательность взгляда серых глаз...

Был он человеком противоречивым: в общении надменным, по пустякам капризным и нетерпеливым, в науке же величественным. Был интеллигентом, начитан и обладал необычайной глубиной мышления. Находившиеся в его обществе всегда ощущали его превосходство, вызывавшее удручающее чувство неполноценности у незаметных людей, затерявшихся рядом с гигантом. Этому человеку были под силу крутые повороты в науке, такие, как обоснование глубокофокусных землетрясений, новая гипотеза происхождения пегматитов, генезиса колчеданных руд и другие. В отстаивании своих позиций он блестяще владел аргументами и был предельно упрям...

Однажды ему сказали, что на площади детально откартированного им массива магматических пород обнаружены незамеченные им жилы урановой руды. Он сказал: «Не может быть», – и повернулся к собеседнику спиной. Тогда его посадили в самолет, привезли на этот массив и показали рудные жилы. Он снова сказал: «Не может быть», – и покинул этот злосчастный массив» [5].

Другие исследователи тоже отмечают, что одной из характерных особенностей натуры А. Н. Заварицкого как естествоиспытателя была исключительная требовательность к точности фиксируемых фактов, объективности их изложения и понимания. Строго соблюдая эти правила в личных исследованиях, он непреклонно добивался того же от коллег и сотрудников. Из многих качеств, свойственных ученому, Александр Николаевич больше других ценил способность в гряде разнообразных фактов разглядеть «жемчужное зерно». И все-таки, «убедившись под влиянием неопровержимых фактов в справедливости чьих-то выводов, которые он ранее отрицал, А. Н. Заварицкий не боялся изменить своего мнения, не стремился во что бы то ни стало «спасти прежние представления» [6].

Об этом же говорит и факт, который я узнала из моей беседы с Людмилой Николаевной Тюлиной, геоботаником, одной из первых сотрудниц Ильменского заповедника, встретившись с ней в Ленинграде в 1989 г: «С А. Е. Ферсманом мне встречаться не приходилось, а с Александром Николаевичем Заварицким был период, когда мы летом работали в заповеднике. Жили мы в разных домиках, питались общим котлом и, по обычаю, вечерами рассказывали о научных впечатлениях прошедшего полевого дня. Я, вернувшись из района работ у Косой горы, рассказывала о растительности и сделала предположение о подстилающей почву горной породе. Александр Николаевич резко отверг мое предположение. Я, девушка эмоциональная, обиделась и предложила ему съездить в этот район. На следующий день, утром, мы на лошадках вдвоем выехали в сторону горы Косой. Просмотрели район, о котором шла речь. Заварицкий взял несколько образцов. Работали мы молча, вернулись на базу тоже молча. Вечером он пришел к нам в домик, и, тоже молча, вручил мне свою книгу. Названия я сейчас не помню, книга из-за войны и блокады Ленинграда не сохранилась. В книге была надпись: «Людмиле Николаевне, в знак большого уважения, от автора».

Источники и литература

1. Филатов В. В. История создания Уральского геологического музея. Екатеринбург, 1998. С. 21.
2. Набоко С. И. Александр Николаевич Заварицкий // Люди русской науки. М., 1962. С. 234–242.
3. Фонды школьного музея гимназии Аксакова, г. Уфа, папка № 2 «А. Н. Заварицкий»
4. Личный архив Буториной Л. А.
5. Смирнов В. И. «Тропой геолога» М.: Из-во Московского университета, 1992 С. 115, 119, 120, 128.
6. Смирнов Г. А. Неутомимый исследователь недр // Наука в СССР: АН СССР, 1984. № 3. С. 118–123.

В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ

Александр Николаевич Заварицкий был женат дважды. От брака с первой женой – Ольгой Ивановной Симоновой (1888–1939) – родились сын Владимир и старшая дочь Татьяна. Младшая дочь – Марианна родилась от второго брака Александра Николаевича – с Екатериной Петровной Боголюбовой (1901–1960).

Ольга Ивановна Симонова. Родители из мещан, Ольга Ивановна родилась где-то под Стерлитамаком. Училась в гимназии в Уфе вместе с сестрами Заварицкими, жила на квартире. В Петрограде училась с сестрой Александра Николаевича, Ольгой, на Бестужевских курсах (на 10 линии Васильевского острова), через которую и состоялось знакомство с Александром Николаевичем на одном из вечеров в Горном институте. Поженились, когда она еще училась на фельдшера.

Мать Ольги Ивановны болела, умерла в Петербурге. Отец болел туберкулезом, уехал в Крым (жил в Петрограде, был при рождении Владимира). Ольга Ивановна позднее тоже болела и умерла от туберкулеза.

Сын *Владимир* родился по новому стилю 7 июля 1914 года, когда Александр Николаевич был в экспедиции на Южном Урале. В Магнитогорск была послана сестрой Ольги Ивановны Верой телеграмма, эта телеграмма до сих пор хранится у Владимира Александровича. Отец Ольги Ивановны был крестным Владимира, что записано в выписи из метрической книги приютской церкви цар. Александры, родившихся за 1914 год: «Владимир родился 24 июня, был крещен 5 июля. Родители: горный инженер из дворян Александр Николаевич Заварицкий и законная жена его Ольга Ивановна, оба православные и первобрачные. Крестные: мещанин г. Бугуруслана Самарской губернии Иван Григорьевич Симонов и Ирина Ильинична Заварицкая – дворянка. Совершали таинство Прот. Матфий Дремлукий и диакон Иоанн Авроров».

Большинство родителей мечтают о том, что их дети, унаследовав род крови, продолжают и род духа (идеологии, профессии и т. д.). Александру Николаевичу повезло, его сын продолжил дело отца.

Владимир Александрович жил с матерью в г. Нижнем Тагиле Свердловской области на Урале, где получил среднее образование. В 1930 г. приехал к отцу и поступил в Ленинградский Горный Институт. В 1935 г. окончил институт и был оставлен

аспирантом на кафедре петрографии, которую возглавлял в то время Александр Николаевич Заварицкий. По окончании аспирантуры в 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук, диплом выдан Решением Совета Ленинградского горного института от 2 ноября 1938 г. Аттестат старшего научного сотрудника по специальности «петрография» выдан Решением Президиума АН СССР от 16 января 1945 г.

Владимир Александрович Заварицкий преподавал на той же кафедре Горного института, что и его отец. Преподавал в течение 33 лет, ушел на пенсию, когда ему исполнилось 72 года. Он написал конспект лекций по общему курсу петрографии из трех частей: Ч. 1 «Изверженные горные породы», 118 с.; Ч. 2 «Осадочные и метаморфические горные породы», 159 с.; Ч. 3 «Микроскопический метод в петрографии», 147 стр. Они были размножены в 1969 году на ротапринте в издательстве Горного института тиражом три тысячи экземпляров и с успехом изучались студентами. Их покупали и студенты других горных институтов, привозили в свои города, так один из экземпляров оказался в научной библиотеке Ильменского заповедника и теперь, вместе с экземпляром, подаренным мне лично Владимиром Александровичем, используется преподавателями геологического факультета Южно-Уральского государственного университета для чтения лекций студентам.

В 1950 г. вынужден был оставить работу в системе АН СССР и в дальнейшем, уже по линии научных исследований Горного института, изучал горные породы Кавказа, Казахстана, Норильского края. Большую часть результатов этих исследований опубликовать не удалось. В настоящее время – пенсионер, ветеран труда.

Был женат на Кировой Тамаре Васильевне (5 октября 1919 г.–декабрь 2002 г.). Тамара Васильевна Кирова в 1943 г. окончила полный курс Свердловского горного института им. Вахрушева по специальности «геология и разведка месторождений полезных ископаемых». Квалификация – горный инженер-геолог.

Диплом кандидата геолого-минералогических наук от 06.10.1960 г. выдан решением Совета геологического факультета Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. Жданова. Утверждена Решением ВАКа от 30.10.1968 г. в ученом звании доцента по кафедре «петрография».

Детей у них не было. Скончался Владимир Александрович 8 ноября 2005 г., похоронен в С.-Петербурге.

Владимир Александрович рассказывал: «В детстве отца я не знал. Конечно, знал о его существовании, неоднократно рассматривал любительскую фотографию, где он был изображен вместе с отчимом и другими его помощниками. Регулярно писал ему письма в Ленинград, хотя, по-видимому, не особенно часто и, обычно, по настоянию мамы, которая, несмотря на разрыв, сохранила к нему глубокое уважение. От отца письма приходили тоже редко и мало что давали, чтобы представить себе этого неизвестного тогда для меня человека. В своих письмах я касался только успехов в учебе и здоровья, моего и сестры. Позднее, когда я начал увлекаться фотографией, посылал ему свои первые снимки. Много лет спустя, уже после его смерти, я нашел их в его материалах. После экспедиции на Полярный Урал в 1925 г. отец прислал мне незабываемый подарок – детскую малицу из оленьего меха. Это было что-то вроде рубашки и надевалось через голову. Бегать зимой по улице и кататься на лыжах было в ней очень удобно. Я гордился этим подарком перед своими сверстниками, которые с любопытством рассматривали невиданную для них одежду.

Впервые я познакомился с отцом в 1928 г., когда мне исполнилось уже 14 лет. А произошло это так: после окончания седьмого класса в школе была организована экскурсия на платиновые рудники. Впервые на неделю, или две, я покинул дом. Все увиденное во время этой экскурсии вызвало у меня страстное желание путешествовать, и я с радостью согласился с предложением отца провести оставшееся время каникул вместе с ним в районе Карабаша на Южном Урале, где он тогда проводил полевые работы. Не помню, как была организована моя первая встреча с отцом. Возможно, он сам заехал за мной. Забылись и впечатления от моей первой дальней поездки по железной дороге. Как-то сразу я очутился в совершенно другой обстановке» [1].

Дочь *Татьяна* родилась в 1916 г. 9 декабря. В документах архивного фонда Петроградской духовной консистории в метрической книге Александринской церкви при доме императрицы Александры Федоровны для призрения бедных г. Петрограда за 1916 г. в актовой записи № 27 значится: Татьяна родилась 26 ноября 1916 г., крещена 4 декабря 1916 г. Отец Александр Николаевич Заварицкий, потомственный дворянин, мать Ольга Ивановна.

Из письма Татьяны Александровны: «Первые годы после революции мы жили в Петербурге, Томске, Миассе. В Миассе мама работала в столовой для голодающих. Она была

фельдшером. Окончила Бестужевские курсы. Папа со своими помощниками студентами-геологами работал в Ильменском заповеднике. В это время в стране был голод. Мы с братом Володи тяжело болели корью. В это трудное время папу вызвали в Петербург... Мама осталась с двумя больными детьми одна. Выжить после болезни в условиях голода нам помог один из оставшихся геологов Владислав Ипполитович Станкевич. Папа долго не возвращался из Петербурга. Поэтому мама решила объединиться с Владиславом Ипполитовичем и уехать с ним в Нижний Тагил. В Тагиле она второй раз вышла замуж, за Владислава Ипполитовича, и разошлась с папой.

В Тагиле нам дали дом. Владислав Ипполитович работал геологом в Геологоразведке. Жили мы очень дружно. Отчим был добрым, хорошим человеком. Мама болела бронхиальной астмой и не могла больше работать. В семье появились еще два брата, Костик и Владик» [2].

Нельзя с ходу найти причину семейной трагедии. Владимир Александрович Заварицкий объясняет это следующим образом. Конец 1918-го и 1919 г. прошли у Заварицких в скитаниях. Вместе со многими специалистами Александр Николаевич с семьей двинулся на восток и оказался в Томске. Только спустя 13 лет Владимир узнает про это из рассказов профессора Горного института Д. В. Никитина, семья которого в Томске жила вместе с семьей Александра Николаевича. Почему Заварицкие не стали продвигаться дальше на восток – неизвестно. Александр Николаевич с семьей возвращается на Южный Урал в Миасс. Вместе со студентами Горного института (М. П. Русаков, В. И. Станкевич и др.) он продолжал исследования района. В это время в Горном институте его избирают профессором сразу по двум кафедрам, а в Геолкоме выходит из печати его монография по горе Магнитной. Присутствие Александра Николаевича в Петрограде становится необходимым. На немедленном возвращении в Горный настаивали и родители Александра Николаевича, но Ольга Ивановна была категорически против. Она боялась остаться одна с двумя малолетними детьми. Она настаивала на возвращении в Петроград всем вместе. Александр Николаевич, зная все трудности предстоящего путешествия, не согласился и уехал один. Ольга Ивановна была в полной уверенности, что она брошена ради научной карьеры мужа. Помощники Александра Николаевича, как могли, помогали Ольге Николаевне. Особенно много сделал Владислав Ипполитович Станкевич. Между молодыми людьми возникло отношение большее, чем дружба. Вернувшись в Миасс и

узнав об этом, Александр Николаевич без каких-либо объяснений вновь уезжает.

Это была роковая ошибка личной жизни. Он, видимо, пытался что-то исправить, приезжал позднее и в Нижний Тагил, и Ольга Ивановна приезжала в Уфу в 1922 г. к свекрови, просила ее о помощи, но та только отдала ей икону со словами: «Спаси и сохрани детей». Икона была передана Татьяне Александровне. Не суждено было уже что-либо изменить [2].

Но связь с Александром Николаевичем постоянно поддерживалась и материально и морально. Сохранилось письмо Тани отцу: «Милый папа. Я поступила в школу в первую группу. Мне учиться легко, потому что я все проходила в прошлом году. А по годам меня не приняли чуть-чуть и в первую группу, мне ведь все не исполнилось восьми лет. Мы кроме ученья исполняем разные работы, клеим домики, делаем из глины работы, разные вещи и очень много рисуем. Если есть альбомы для детского рисования в Ленинграде, пришли мне. Я жду от тебя сушеных ташкентских фруктов. Таня. P.S.: деньги 60 р. получила 12 ноября. О. С.» [2].

В Тагиле Таня в 1935 г. окончила среднюю школу десятилетку. «В 1936 г. поступила в Ленинградский Государственный университет на химический факультет. В 1937 г. незаконно был арестован наш отчим. Это окончательно погубило маму. В 1939 г. она умерла от туберкулеза. Университет я окончила в 1941 г., когда началась война. В августе 1941 г. была эвакуирована, сначала в Тагил, а затем в Москву. В Москве работала в химической лаборатории авиационного завода. После окончания войны вернулась в Петербург, где стала работать в Институте ВАМИ (Всесоюзный алюминиево-магниевый институт). Занималась исследовательской работой в области производства окиси и гидроокиси алюминия, четыреххлористого титана (сырья для производства титана).

В 1954 г. защитила диссертацию: «Исследования физико-химических свойств порошков, используемых в качестве пигментов» – название завуалировано» [2]. Результаты научных исследований Татьяны Александровны опубликованы в 57 работах. В 1972 г. она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Татьяна Александровна была замужем за Пятуниним Дмитрием Андреевичем, у нее сыновья Пятунин Михаил Дмитриевич (20 июня 1944 г. рождения) и Александр Дмитриевич (10 мая 1949 г. рождения). Александр Дмитриевич взял фамилию деда – Заварицкий. Второй брак у Татьяны Александровны с

другом детства, одноклассником Смольниковым Львом Петровичем, детей нет.

Михаил Дмитриевич Пятунин родился в Москве. После переезда семьи в Ленинград окончил среднюю школу в 1961 г., затем Ленинградский университет, химический факультет, который окончил после службы в рядах Советской армии в 1969 г. Учился в аспирантуре. В 1973 г. защитил диссертацию по теме: «Термодинамическое исследование фазовых равновесий в солевых системах с расслаивающимся расплавом». Работал в университете и научно-исследовательском институте. Имеет 15 печатных работ. Во время службы в армии за разминирование бывших оккупационных территорий награжден в 1965 г. медалью «20 лет Победы над Германией». Женат на Галине Юрьевне Ивановой. У них был сын Юрий, 1972 г. рождения, погиб, сбило машиной.

Александр Дмитриевич Заварицкий (Пятунин) родился в Ленинграде. После окончания средней школы в 1966 г. поступил в 1 Медицинский институт, окончил его в 1972 г. По специальности – врач анестезиолог-реаниматолог высшей категории. 25 лет врачебной деятельности посвятил выведению больных и пострадавших из критических состояний. Кандидат медицинских наук, защитил в 1988 г. диссертацию по теме: «Интенсивная терапия циркулярных нарушений у больных с множественными переломами длинных трубчатых костей». Автор 24 научных статей. У него дети: Алена (1968 г.), Денис (1973 г.), Анна (1980 г.), Леонид (1998 г.).

С *Екатериной Петровной Боголюбовой* (02.12.1901–25.03.1960) Александр Николаевич познакомился на Бакале (Южный Урал), где жила вся ее семья.

Отец, Петр Иванович, военный, полковник, умер в 1915 г. 53 лет от разрыва сердца. Был в Маньчжурии в русско-японскую войну, служил в пехоте. Мать Екатерины Петровны – Ольга Федоровна (1867–1957). Имели усадьбу небольшую «Ростовка» в Чембарском уезде (скотопрогонный городок, ныне г. Белинский). С этой усадьбы одевали детей, в семье было 6 человек: Екатерина была младшей в семье. В имение ездили на лето, как на дачу. Петр Иванович посадил яблоневый сад (есть фото), он очень любил садовничать [3].

Ее брат, Борис Петрович Боголюбов (10.05.1890, Пенза – 28.03.1964, Москва, Новодевичье кладбище), советский ученый в области горной науки, доктор технических наук (1950), Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1961). После окончания Петербургского университета (1913) и Горного института в

Петрограде (1918) работал на горных предприятиях Урала, в частности в Златоустовском горном округе и восстанавливал Бакальский рудник. Александр Николаевич Заварицкий в двадцатые годы приезжал в Бакал со студентами для работ по плану Геолкома и хорошо знал Бориса Петровича. Б. П. Боголюбовым выполнен проект и осуществлено строительство Магнитогорского рудника, руды для которого много лет изучал Александр Николаевич Заварицкий (Б. П. Боголюбов до 1934 г – начальник открытых рудников на Магнитке). В 1938–1964 гг. Боголюбов Б. П. – профессор Московского института цветных металлов и золота. Основал научную школу открытой разработки руд цветных металлов в СССР [4].

Екатерина Петровна Боголюбова училась в гимназии, аттестат получала уже в советской школе. В Бакале была организация АРА – американская ассоциация помощи России. Екатерина Петровна работала в столовой при этой организации. Уехала в Петроград, но там никуда не принимали. Хотела поступить в архитектурный, хорошо рисовала, но взяли учиться только на зуботехника (на даче у Марианны Александровны сохранился ее учебник). В Бакал Екатерина Петровна не хотела больше возвращаться и осталась в Петрограде учиться на курсах. Летом 1924 г. ехала к родным в Бакал. В вагоне с ней разговорился очень умный профессор, ехал со студентами. Она его стеснялась. Так она познакомилась с Александром Николаевичем.

Брак Александра Николаевича с Екатериной Петровной был заключен в ЗАГСе Василеостровского районного совета г. Ленинграда 3 апреля 1925 г. за № 896. При записи Александр Николаевич указал, что он проживает на Васильевском Острове, 21 линия, д. 2 кв. 11. Профессор, разведен, вступает во 2 брак. Екатерина Петровна жила на Почтамском дом 2, кв. 2, зуботехник, девица. В документе подписи жениха и невесты с собственноручным заявлением о добровольном вступлении в брак. Свадебным путешествием молодоженов стала научная экспедиция А. Н. Заварицкого на Полярный Урал. Трудности полевых работ, питание одними консервами до конца жизни вспоминались Екатерине Петровне, но зато она хорошо теперь знала, в каких условиях работает Александр Николаевич в экспедициях. В память об этой экспедиции сохранился альбом фотографий «Полярный Урал. Рай-Из. 1925 год».

Александр Николаевич познакомил Екатерину Петровну с Верой Владимировной Фусе, ей было около 50 лет. Вера Владимировна хорошо знала английский язык, она занималась с Екатериной Петровной. Екатерина Петровна все годы была личным секретарем Александра Николаевича. Вышло несколько изданий и книг Екатерины Петровны Заварицкой «Вулканы», под редакцией акад. А. Н. Заварицкого: 4 – в Москве, (Гостехиздат, 1950 г.) и в 1952 г. в Сталинабаде (Таджикистан). Статья Екатерины Петровны «Как действуют вулканы» была напечатана в «Детской энциклопедии» в 1959 г. (Т. 2. С. 25–33).

Дочь *Марианна* родилась в 1926 г. 17 декабря в Ленинграде. Марианна Александровна Заварицкая все время жила вместе с отцом и матерью, семья была очень крепкая, Екатерина Петровна была опорой Александру Николаевичу в работе и быту, это отмечают все его дети.

Марианна Александровна окончила Московский институт иностранных языков. Начала работать в секторе сети специальных библиотек геологической библиотеки АН СССР. Первый перевод отдельных глав книги Шрока «Последовательность в свитах слоистых горных пород» сделала, когда еще училась на 4 курсе, Александр Николаевич проверял перевод и советовал как можно меньше отступать от текста: «Переводи как можно ближе к тексту. Это не художественная литература, не вноси своих фантазий, что иногда делают переводчики в своих работах» [3].

Марианна Александровна перевела с английского языка несколько книг по геологическим наукам, в том числе «Островные дуги», «Внутреннее строение гранитных пегматитов». Вела переписку с зарубежными странами, в основном с Великобританией. С 1957 г. до выхода на пенсию в 1983 г. работала в Комиссии АН СССР по тектонике.

Марианна Александровна была замужем за Александром Федоровичем Виноградовым (12.04.1917–08.10.1997). Он окончил 1-й Медицинский институт в 1940 г. и был мобилизован. Потом война, и Александр Федорович стал военным врачом. Начал солдатом, вышел в отставку врачом-полковником в 1975 г., продолжал работать в Военно-воздушной академии им. Жуковского до 1990 года. Последние годы жизни тяжело болел.

У них дочь Екатерина родилась в 1962 г. 29 июня, имеет двух сыновей от брака с Аркадием Николаевичем Аникеевым: Николая, который родился 24. 04. 1985 г. и Александра, родившегося 09.07.1988 г. Екатерина Александровна в 1984 г. окончила Московский Институт легкой промышленности,

факультет прикладного искусства по трикотажу, по специальности «дизайн». Живет семьей с Марианной Александровной в Москве.

Жизнь интересовала Александра Николаевича во всей ее многообразии, а не только в части узко геологических наук. Из письма Марианны Александровны: «Хобби папы: звездное небо – отсюда и метеориты. Папа хорошо знал цветы, у него был определитель растений, с которым он любил гулять (от авт.: Святослав Николаевич Иванов, по устным его воспоминаниям, тоже отмечал хобби А. Н. Заварицкого – дикорастущие цветы, которые он хорошо знал, и при проведении геологических маршрутов многие чувствовали стыд за свое невежество в этом направлении).

Папа был очень образованным человеком, прекрасно знал и любил музыку (сам не играл). Читал он много в молодые годы, иногда брал что-нибудь современное, но его это не интересовало. Природу Александр Николаевич не рисовал, он иногда делал рисунки–карикатуры, а на полевых работах не рисовал. Брал с собой в несколько экспедиций художника Платунова» [3].

Отношение в семье Заварицких к религии было спокойное, иконы висели, а обряды не соблюдались. В церковь не ходили, да и с 20-х лет прошлого века этого нельзя было делать. В кабинете у Александра Николаевича висела икона, видимо дар матери. Ирина Ильинична хотела, чтобы Александр Николаевич стал архиереем. Мальчиком в Уфе он вместе с братом Дмитрием прислуживал в церкви, хорошо знал все службы и видел всю закулисную сторону в храме и, видимо, это оттолкнуло его от служения в церкви. Сам Александр Николаевич внешне не молился и на эту тему не говорил, однако выражал желание Екатерине Петровне, чтобы после его смерти провели отпевание. Марианну Александровну крестили в 1926 г. дома. Екатерина Петровна очень редко ходила в церковь, ее мать – Ольга Федоровна ходила регулярно, соблюдала посты [3].

Каким Александр Николаевич был в жизни, в общении с разными людьми? Конечно, постоянные нагрузки, положение руководителя (научного и административного) сказывалось на поведении, его внешнем облике. У тех, кто наблюдал его со стороны, нередко складывалось впечатление, что Александр Николаевич был человеком суровым, мало улыбчивым. Он мог показаться мало знающим его людям замкнутым, даже сумрачным или сухим, и, во всяком случае, человеком, которому ни до чего, кроме науки, нет дела. Александр Николаевич был очень

сдержанным человеком, своих чувств и переживаний никак не высказывал. Некоторые из этих черт отмечали и люди, близко знавшие его.

Воспоминания Татьяны Александровны Заварицкой:
В Нижнем Тагиле.

Первый раз я поехала в Ленинград, когда болела золотухой. Ноги мама успела мне подлечить, а вот с глазами было плохо. Фельдшер, который нас всех лечил, посоветовал маме показать меня главному врачу. Такого врача в Тагиле не было. Поэтому мама написала папе письмо с просьбой взять меня в Ленинград и там полечить мои глаза у хорошего специалиста. Папа обещал меня взять, как только он придет на Урал в командировку. Я очень хотела увидеть папу, ждала его и часто спрашивала маму, когда он придет. Наконец-то папа приехал, остановился в гостинице и пригласил нас с Володей, моим братом, к себе. А потом предложил мне прогуляться с ним на гору Высокую. Это так называли нашу гору Магнит. Когда мы шли на гору, я спросила папу, почему у горы два названия – гора Высокая и гора Магнит. Папа рассмеялся и сказал, что когда будем отдыхать, он мне все объяснит.

Поднимались мы недолго. Все дорожки я знала, как свои пять пальцев. А когда на верху горы у ourselves, папа поискал вокруг камень, достал из кармана скрепки и стал показывать фокусы. Дотронется камнем до скрепок, а они прилипнут к нему, или висят цепочкой. Камень обладал таким же свойством, как магнит. Папа спросил: «Поняла, почему гору Высокую называют Магнитом?». Я, конечно, поняла и пожалела, что раньше не знала, что камнем с горы Высокой можно пользоваться как магнитом.

Командировка у папы была короткой и мама начала собирать меня в Ленинград. Когда нужно было уезжать, я испугалась. Мне казалось, что я никогда не увижу маму, Владика, маленьких братьев, Володю. Но папа меня успокоил, сказал, что в поезде ехать очень интересно, и вернусь домой я скоро. Из Тагила мы ехали на поезде до Свердловска, а затем пересаживались в поезд, который направлялся в Ленинград. В вагоне я спала на нижней полке, а папа забрался на верхнюю. На каждой станции он выбегал и что-нибудь покупал. На станции в Вятке он мне купил очень красивую деревянную шкатулку и сказал, что Вятка славится мастерами деревянных игрушек и шкатулок. А в Галиче на станции продавали разную копченую рыбу. Папа купил целую связку копченых сигов, и мы с удовольствием всю дорогу их уплетали. Мне даже казалось,

что глаза мои перестали болеть. Я сказала об этом папе, и он подтвердил, что это вполне возможно.

В Ленинграде врач выписал кучу рецептов и велел мне дня три посидеть дома. Папа был рад, что меня подлечат, и в Тагил я поеду с лекарствами. Три дня я сидела в папином кабинете у окна. Во дворе Горного института росли большие деревья. На дорожках было много листьев. Во двор выбежали девочки, очень красиво одетые и начали швырять друг в друга листья. Почему-то я рассердилась и крикнула: «Дурочки!». Папа спросил меня, кто это дурочки. Я сказала, что надо листья сгребать в кучки, а не разбрасывать. Папа обнял меня и сказал: «Когда поправишься, мы вместе с тобой пойдем и наведем порядок в нашем садике». Но этого мы сделать не успели, так как нужно было папе снова ехать в Тагил. Конечно, со мной.

И вот мы опять поехали на поезде в Тагил. Наконец-то я дома, на своей Большерудянской улице, у моих любимых толстых тополей. Мама обрадовалась, когда я ей передала кучу лекарств и рецептов. Мы начали лечиться. Глаза мои мама вылечила, и я могла снова читать и поступила учиться в школу. Папа к нам больше не приезжал. Мы писали друг другу письма. Он присылал нам с братом книги и посылки, а маме деньги.

Снова в Ленинграде.

Когда я училась на первом курсе в Университете, папа с семьей жил в той же квартире Горного института, что и раньше. А я жила с тетей Иришей, сестрой папы, на 10 линии Васильевского острова. Дом, где мы жили с тетей Иришей, был очень близко от химфака ЛГУ. Для меня это было очень удобно. Пять минут ходьбы от дома до химфака.

Папа велел мне приходиться обедать к ним каждый день, но я ленилась, и старалась пообедать в столовой химфака.

Полюбила математику.

В десятом классе математику нам преподавала молодая учительница Сутырина. Сразу было видно, что она свой предмет очень любит. Мы все с большим увлечением решали задачи по стереометрии с применением тригонометрии. Я не всегда успевала выполнять домашние задания, но в школе, у доски, поднатужившись, я решала задачи довольно сложные. Поэтому считалось, что успеваю по математике хорошо.

В университете с первого занятия я математику невзлюбила. Преподаватель на практических занятиях задавал бесчисленное количество примеров в качестве домашнего зада-

ния. А на занятиях решались лишь неинтересные задачи. Конечно, это сказалось на моих знаниях, и за первое полугодие я получила на экзамене по математике тройку. И, как нарочно, папу заинтересовали мои университетские успехи, в том числе и по математике. Пришлось сообщить о моей честно заработанной тройке. Тут разразилась буря. Папа в течение почти часа читал мне лекцию о значении математики для развития умственных способностей человека. В заключение сказал, что если я хочу быть нормальным человеком, то должна заниматься математикой углубленно. Иначе не смогу нормально мыслить, не смогу разобраться ни в одном предмете, и вообще тогда мне нечего делать в университете. Это меня напугало, но, к сожалению, не заставило старательно заняться математикой. Но как-то так получилось, что плохие отметки я получать перестала.

Во втором полугодии получила отличную отметку. Не дожидаясь вопроса папы, решила прихвастнуть и сообщила ему об этом. Он не проявил восторга, ограничившись замечанием: «Что ж, это нормально».

В Москве.

Осенью 1943 г. в Москву из эвакуации вернулся папа с семьей. Папа, узнав, что я жду ребенка, очень заволновался и сказал, чтобы я легла во Вторую Градскую больницу, так как она недалеко от дома. А перед больницей пожила у них. Я пожила три дня. В больницу меня проводила Ольга Федоровна, добрая старушка, мама Екатерины Петровны. Двадцатого июня у меня появился Миша. В больницу за нами тоже пришла Ольга Федоровна, передохнув у папы два дня, мы с Мишей вернулись в нашу заводскую квартиру.

Меня встретили торжественно. Таня вышла с подносом, покрытым расписным рушником. На подносе лежал кусок хлеба и стакан соевого молока. Мне было предложено выпить горячего чая с соевым молоком и съесть кусок хлеба. Это я с большим удовольствием сделала».

В 1952 г. гостил у папы мой старший сынишка Миша. Он жил на даче. Папа показал Мише скамеечку под елью на большой поляне и сказал: «Миша, если тебе будет грустно, ты сядь на эту скамеечку и поплачь, но так, чтобы тебя никто не видел». Миша плакал на этой скамеечке, когда узнал, что папа умер».

Из воспоминаний Марианны Александровны: В *Ленинграде* посещали Дом ученых. Это был дворец. Там были курсы английского языка, преподавали лучшие учителя, им было ин-

интересно работать со взрослыми. В Доме ученых был зимний сад, зрительный зал, в котором проходили отчетные концерты хореографической группы детей, а занятия проходили на дому, там, где был рояль. У Заварицких дома был инструмент, на нем играла Екатерина Петровна, и занятия у них тоже проходили.

Александр Николаевич с Екатериной Петровной ходили в филармонию на концерты. У Александра Николаевича был абсолютный слух. Он любил музыку Вагнера. Екатерина Петровна на бокале, подаренном Александру Николаевичу, выгравировала такт из мелодии Вагнера.

Квартира в Горном институте была сырая, по углам от сырости даже появлялась плесень. На балкон нужно было выходить через окно. Под окнами был огородик, десять квадратных метров, мать Александра Николаевича, Ирина Ильинична, разводила цветы и овощи, что-то даже росло.

В Москве квартира у Заварицких была просторная: кабинет Александра Николаевича, спальня, столовая, комната Марианны, комната бабушки (жила с ними мама Екатерины Петровны – Ольга Федоровна), кухня.

Дача под Звенигородом, в Можжинке, рядом дачи геологов А. А. Скочинского, А. П. Терпигорева, президента АН СССР С. И. Вавилова, генетика Шмальгаузена, историка КПСС Минца, историка Б. Д. Грекова, географа О. Ю. Шмидта. Можжинка – берег Москвы-реки под Звенигородом – напоминала берег реки Белой в Охлебинино. Марианна Александровна не видела, чтобы Александр Николаевич сам сажал цветы и кустарник, на даче был сторож-садовник.

Смеха и веселья в доме было мало. Александра Николаевича удручала московская работа, он часто говорил, что *«работа была в Ленинграде, а в Москве – одна канцелярщина»* [3].

В Москве собирались 2 раза в год – встречали Новый год и отмечали день ангела Екатерины Петровны. Александр Николаевич часто говорил: «Новый год и пасхальную заутреню не переносят».

Приходили Крыжановские: Владимир Ильич, Велли Рудольфовна, их дочь с мужем Барсановым Георгием Павловичем, брат Екатерины Петровны – Борис Петрович Боголюбов с женой Татьяной Николаевной, Горские – Сергей Сергеевич с Натальей Константиновной, Надежда Семеновна (жена брата Александра Николаевича – Николая, умершего в 1917 г.) с мужем Кантеревым Павлом Николаевичем. Заварицкий Владимир Николаевич, брат А. Н. (почвовед) с женой Оль-

гой Александровной (она была старше Екатерины Петровны на 10 лет, но называла ее, как и их дети – тетей Катей). Иногда Коржинские – Дмитрий Сергеевич и Зоя Николаевна.

День рождения Александра Николаевича отмечали каждый год, но в узком семейном кругу. Александр Николаевич не пил водку, только сухое вино, разбавленное водой. Не курил. Екатерина Петровна курила, иногда пила водку. Когда ездили на помпезное открытие Казахской Академии (организовал Сатпаев), делегацию везли в отдельном вагоне, было столько впечатлений, что Екатерина Петровна отвлеклась и смогла бросить курить. После смерти Александра Николаевича она снова стала курить [3].

Были ли еще друзья у Александра Николаевича? Конечно. Но прежде всего это был круг соратников, помощников и учеников по работе.

Из письма Марианны Александровны: «Что касается папиных общений, то, слава Богу, папа был человеком крайне необщительным, что и спасло его от «посадки», (сажали за каждое неосторожное слово). Общались только с абсолютно надежными людьми (Коржинский, Бетехтин) и по делу. Работой папа был занят все время».

Из письма В. А. Заварицкого: «О помощниках отца следовало бы разузнать подробнее. Бессменной помощницей была Л. Г. Кваша. Из своих учеников отец больше всего ценил Б. И. Пийпа. Как-то он мне говорил, что считает Бориса Ивановича самым талантливым учеником, а ведь его учениками были и Д. С. Коржинский, и А. Г. Бетехтин, и В. С. Соболев, и многие другие. Некоторые сами себя причисляли к ученикам отца, это больше из конъюнктурных соображений. ...Рассказы Святловского, может быть, лучше помнит Марианна, помнится, что-то он много говорил о Кулакове, якобы соруднике НКВД, Кулаков был у отца помощником и в Ильменах и еще о ком-то. Как они стремились стать вулканологами, как оберегали отца от разных нападков и т. д.».

Из письма М. А. Заварицкой: «Святловский Александр Евгеньевич – сейсмолог, с папой он работал недолго. Сейчас он уже умер (ему было бы за 90 лет). Где-то в 70–80-е годы мы с ним встречались иногда. Он любил поговорить. Был человеком остроумным, безудловно, интересным собеседником.

Теперь о Михаиле Егоровиче Платунове. Он ездил с папой довольно много. Сам он ленинградец, пережил там с женой блокаду. Он ученик Серова и его портреты в нашей квартире, мамин и мой, в духе серовской школы. Учил он и знаменитого

художника Илью Глазунова, но недолго. Последние годы Михаил Егорович ослеп, причем пережил свою жену».

В. А. Заварицкий: «Другим помощником у отца был Захар Семенович Закин. Откровенно говоря, он мне не нравился из-за неодинакового отношения к людям. Тем, от кого он в какой то мере зависел, в том числе и отцу, он готов был в любое время помочь или услужить, и делал это искренне. Однако со своими подчиненными, например, с шофером Лакшиным, уже пожилым человеком, он вел себя не так, а даже в какой-то степени пренебрежительно, стараясь показать свое более высокое положение. Он понимал, что мне это заметно, и поэтому наши отношения были корректными, но холодными. Отец работал с Закиным много лет и после войны. Организатором Захар Семенович был прекрасным. Он мог достать и организовать, казалось бы, самое невозможное. Геологического образования у него не было, в остальном, он был исполнительным и, действительно, незаменимым работником».

В заключение этого очерка нужно отметить, что Александр Николаевич Заварицкий написал несколько работ об ученых, чей жизненный путь был ему дорог [5, 6, 7, 8]. Подготовил он материал и к статье о К. И. Богдановиче [9].

Источники и литература

1. Воспоминания В. А. Заврицкого, переданные Л. А. Буториной.
2. Письма и воспоминания Т. А. Заварицкой, переданные Л. А. Буториной.
3. Воспоминания и письма М. А. Заварицкой, переданные Л. А. Буториной.
4. Горная энциклопедия. М., 1984. Т. 1. С. 251.
5. В. Н. Лодочников // Зап. Всерос. мин. об-ва, 1944. Серия 2. Ч. 73. Вып. 2–3. С. 89–93. (совместно с Д. С. Коржинским и Д. П. Григорьевым)
6. Анатолий Капитонович Болдырев // Изв. АН СССР. Серия геол. 1947. № 2. С. 117–122.
7. Сергей Сергеевич Смирнов // Зап. Всес. мин. об-ва, 1947. Вып. 4. С. 225–227. (совместно с Д. П. Григорьевым и др.).
8. Алевтина Александровна Былинкина (некролог). // Изв. АН СССР. Серия геол. 1951. № 5. С. 164.
9. О научно-организационной деятельности К. И. Богдановича // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (совместно с С. Н. Мироновым, В. А. Обручевым и Н. Н. Яковлевым).

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

«...так неожиданно прервалось его славное многолетнее служение геологическим знаниям и изучение горных пород нашего Отечества» – из записки соборезнования академика В. Обручева.

23 июля 1952 года ушел из жизни Александр Николаевич Заварицкий. Эта неожиданная смерть потрясла геологическую общественность страны. За пять недель до этого он здоровым работал в экспедиции на Урале, намечал планы совместных исследований с уральскими геологами. Точной причины смерти мы, видимо, так и не узнаем: ушли из жизни очевидцы тех событий, официальный диагноз смерти «острый флегмонозно-гангренозный холецистит» – был неожиданен для родных. Но обе дочери академика говорят о беспокойной, неясной для них обстановке тех дней. Из письма Марианны Александровны:

«Теперь о папиной поездке на Урал в 1952 году. Ни о какой тяжелой болезни перед отъездом и речи не было. У него был хронический колит, но это ему не мешало ездить. На печень он никогда не жаловался, и гнойный холецистит, который возник по возвращении домой, был как гром среди ясного неба. Правда, уезжал папа на Урал в очень плохом настроении: надо было просить разрешение на командировку. Раньше (до очередной травли геологов) не надо было спрашивать такого разрешения. С воцарением А. В. Топчиева на пост главного академика-секретаря, все академики должны были получать его разрешение на поездки. Для папы это было очень противно. Но ... пришлось просить, объяснять зачем, почему, отчего и т. д. Разрешение было получено. Папа уехал. Пробыл он на Урале около месяца. Приехал почти сразу на дачу. Здесь он стал жаловаться на боли в области печени. Боли усиливались. Через две недели решили, что надо ехать в больницу. В это время все академики были «прикреплены» к «Кремлевке». Папа дошел до машины своими ногами, и они с мамой уехали. Условия в больнице (на улице Грановского) были, казалось бы, прекрасными. Но ... папа лежал в палате один. Очень странно, что ему давали компот из груш, тогда как крупинки груши очень раздражают печень. Надо было его срочно оперировать, однако в ВЦСПС (уж неизвестно, какие там специалисты) говорили, что оперировать нельзя из-за «жировика»,

т. е. живота, хотя он был не такой уж большой. Короче говоря, довели до перфорации желчного пузыря и, когда начался перитонит, стали оперировать. Оперировали Бакулев и Розанов. Сердце не выдержало. А сердце у папы было хорошее. Вообще, очень странная история.

Мама все время жила в Москве. 23 июля за мной на дачу приехал шофер. Я поняла, что плохо. В Москве на кухонном столе мамина записка: «Операция кончена, приезжай в больницу». Шофер привез меня, в операционной сидит мама, а на столе папа, закрытый простыней с ног до головы. Вот и все.

Затем похороны. Отпевали «заочно». Сначала не разрешали хоронить на Новодевичьем кладбище. Уж очень «наверху» не любили Заварицкого. Наконец разрешили – не может, ведь, мертвый вредить. Было очень много народа, живых цветов, венков. И хвалебные речи даже от врагов: Заварицкий стал не опасен.

Почему не оперировали, тянули – непонятно. Иногда я думаю, что это был способ избавиться от него, а может быть, наоборот, боялись ответственности. Неудобный он был для Советской власти».

В 1948–1949 гг. в стране прокатилась вторая волна репрессий против геологов-производственников, интеллигенции, а в Академии проходили выборы президента АН СССР. По материалам Ж. А. Медведева избрание С. И. Вавилова президентом АН СССР совсем не было указанием на легализацию генетики и конец репрессий. Все понимали, что конечный выбор из списка 22 кандидатов на этот пост принадлежал Сталину. Характеристику на каждого составляли сотрудники НКГБ, копии были посланы Молотову и Маленкову. Многим крупным ученым не повезло в оценке их личных качеств Наркоматом госбезопасности: так, например, Вице-президент АН СССР Иван Бардин «в быту с учеными не общается, вследствие чрезмерной жадности его жены, ...академик Александр Заварицкий по характеру сварлив, ведет замкнутый образ жизни, ... академик-математик Иван Виноградов нелюдим, не эрудирован в других областях наук... холостяк, употребляет в значительных дозах алкоголь» и т. д.).

Из письма старшей дочери, Татьяны Александровны: «Папа умер в 1952 году. Его болезнь и обстоятельства смерти не ясны. Последнее лето его жизни мы провели вместе. Я жила с Мишей на даче в Звенигороде. У папы была легкая печеночная колика. Вызвали скорую помощь и направили его в Кремлевскую больницу. Из больницы он написал, что чувствует себя

хорошо, но удивляется, зачем ему делают совершенно ненужные, но болезненные клизмы. Через несколько дней он умер. В день похорон его помощники и друзья разыскивали тело в течение целого дня. Тела не оказалось в Кремлевской больнице. А после долгих поисков тело нашли в одном из моргов на окраине Москвы. Уже под вечер состоялась гражданская панихида. Панихида в церкви была проведена без покойного папы.

Всю эту печальную историю тщательно скрывали от Екатерины Петровны. Она была тяжелым гипертоником. Все обстоятельства этих событий знали несколько человек: папин личный врач, шофер, помощник, двоюродный мой брат и я. Кто и за что так поступил с папой, совершенно не понятно. Похоронен папа на Новодевичьем кладбище. Памятник установили армянские геологи, с которыми папа работал последнее перед кончиной время».

Некролог о кончине А. Н. Заварицкого поместила центральная газета «Известия».

Дома постоянно звонел телефон: знакомые, геологи-коллеги и ученики выражали родным свое соболезнование. Принесли телеграммы, письма, записки. Марианна Александровна 50 лет бережно хранила их – 28 соболезнований от учреждений и организаций и 140 персональных. Из многих уголков страны откликнулись на это горе. Телеграммы пришли не только из Москвы (60) и Ленинграда (18), но и из многих уголков России: Апатиты, Кандалакша, Псков, Ульяновск, Сочи, Гагра, Кисловодск, Сыктывкар, Новосибирск, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Дальний Восток и Сахалин – 37 телеграмм, а с Урала пришло 32 соболезнования. Откликнулись геологи из Украины, Латвии, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Армении и Азербайджана – 25 телеграмм.

Правительственная телеграмма за подписью Президента АН СССР А. Н. Несмеянова и ученого секретаря Топчиева, Бюро Отделения физико-математических наук Лаврентьева, Института геологических наук АН СССР, Геофизического института и Совета по сейсмологии, ВСЕГЕИ. Прочитаем эти пожелтевшие листки, они отражают то далекое время, есть среди них и сухие, сугубо официальные строки, но большинство телеграмм раскрывает значение личности Александра Николаевича.

Из Риги: «Глубоко потрясены известием о безвременной кончине Александра Николаевича Заварицкого. Вместе с Вами скорбим о тяжелой утрате для геологической науки нашей Социалистической Родины. Институт геологии и полезных ископаемых». «Коллектив Института геологии и минералогии Ака-

демии наук Грузинской ССР выражает искреннее соболезнование по поводу кончины Александра Николаевича Заварицкого, выдающегося ученого и патриота нашей страны». Из Баку: «...велики заслуги Александра Николаевича в деле создания школы советских ученых геологов, петрографов. Светлый образ выдающегося советского ученого надолго останется в памяти ученых Азербайджана». Ереван, коллектив Института геологических наук: «...никогда не забудем чуткости, отзывчивости Александра Николаевича и ту громадную помощь, которую он постоянно оказывал геологам Армении. Пусть все, чему учил нас Александр Николаевич, будет завещанием, выполнять которое поможет неумирающая память о нашем дорогом руководителе». «Московское общество испытателей природы вместе с Вами глубоко скорбит о безвременной кончине Александра Николаевича Заварицкого, выдающегося советского ученого, деятельного члена Общества и председателя минералогической секции. Его смерть тяжелая утрата для всего нашего общества». «Издательство иностранной литературы скорбит по поводу кончины Вашего супруга, принимавшего деятельное участие в работе геологической редакции издательства. Примите наше глубокое соболезнование в постигшем Вас горе».

«Месяц тому назад, когда я так приятно проводил время у Вас, все, казалось, было безоблачно. Что случилось с Александром Николаевичем?...» «поражены неожиданной кончиной...», «...потеряли любимого товарища, крупнейшего советского академика, гордость советской науки...», «...так неожиданно прервалось его славное многолетнее служение геологическим знаниям и изучение горных пород нашего Отечества...», «потрясающая весть о неожиданной кончине Александра Николаевича дошла до нас 24 июля...», «...мучительной болью воспринимаю уход навеки от нас великого ученого, дорогого любимого учителя, замечательного человека...», «...мы все - почитатели и заочные ученики этого выдающегося ученого, создавшего новые направления в науке и зорко следившего за успехами исследований в окраинных республиках, присоединяем свою скорбь к вашим горестным чувствам...». Академики Обручев, Белянкин, Миронов, Твалчрелидзе, Сатпаев, Вялов, Наливкины, Коржинские, Соболев, О. Шмидт, Сукачевы, Болдырева, Смирнова, Билибина – всех не перечислить...

Из письма И. М. Майского: «Мы так часто видели его гуляющим по Мозжинке, так привыкли связывать его образ с нашим поселком, что весть об его кончине сначала показалась нам просто невозможной. Ушел крупный ученый, большой и хо-

роший человек. В такой момент, как сейчас, трудно утешать Вас в столь невозвратимой потере. Но, если глубокое уважение к памяти Александра Николаевича и искреннее сочувствие к Вам и Вашей семье могут хоть в малой степени смягчить Вашу боль, то их имеется среди окружающих Вас в изобилии...» – как это все не вяжется с характеристикой Александра Николаевича органами НКГБ!.. Было лето. В разгаре полевые экспедиционные работы, многие на отдыхе... Но смерть этого «сварливого» человека потрясла сотни людей.

На Камчатке, в пос. Ключи, коллектив вулканологической станции провел траурный митинг. Собрались геологи и в Свердловске: «Уральские геологи выражают свою глубокую скорбь по поводу безвременной кончины дважды лауреата Сталинской премии академика Александра Николаевича Заварицкого. Александр Николаевич был выдающийся ученый. Его имя стоит в ряду имен славных корифеев геологической науки, выдвинувших отечественную геологию на первое место в мире и принесших ей мировое признание. Работа Александра Николаевича длительное время была тесно связана с решением коренных проблем геологии Урала и была направлена расширению перспектив развития народного хозяйства нашей любимой Родины. Уральские геологи навсегда сохранят светлую память об Александре Николаевиче и приложат все усилия, знания и опыт дальнейшего познания геологии и раскрытия неисчерпаемых недр Урала. Принято на траурном митинге геологов Уральского геологического управления, ГГИ УФАН, Свердловского горного института, Уральского государственного университета, трестов Уралцветметразведка и Уралчерметразведка, Уралзолото и Уральского геофизического треста. Меркулов».

Еще с Урала: «Коллектив Красноуральской геологоразведочной партии треста Уралцветметразведка сожалеет о преждевременной кончине крупнейшего ученого, академика Заварицкого А. Н., творца современной теории образования колчеданных месторождений Урала, способствовавшего развитию медносырьевой базы Урала и выражает соболезнование семье покойного. Пивоваров, Петров». «Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свое глубочайшее соболезнование и скорбь. Имя Александра Николаевича будет вечно жить в сердцах всех советских геологов. Ваш С. Иванов».

Пришли телеграммы и из Челябинской области: «Коллектив рабочих, ИТР, служащих горного управления Магнитогорского металлургического комбината глубоко скорбит по случаю кончины действительного члена Академии наук СССР академи-

ка Заварицкого Александра Николаевича и выражает Вам свое сердечное соболезнование. Горная администрация – Котов, партком – Палкин, рудком – Ненцинский», «Коллектив Магнитогорского Горно-металлургического института, услышав печальную весть о смерти крупнейшего ученого геолога академика А. Н. Заварицкого, первого исследователя горы Магнитной, выражает свое соболезнование родным и близким покойного. Директор института Безденежных». «Геологи Магнитогорского железного рудника глубоко скорбят безвременной утрате академика Заварицкого, положившего много сил изучению богатств горы Магнитной и в начале строительства Магнитогорского металлургического комбината и выражают глубокую скорбь семье покойного. Геологи Палкин, Каминская, Климов, Никольский, Агеева, Могилевский, Иванов, Логинова, Беленькая, Мерекина, Поветкина, Смольников». «Коллектив Ильменского государственного заповедника имени Ленина просит передать семье покойного, выдающегося геолога академика Заварицкого Александра Николаевича глубокое соболезнование по поводу тяжелой утраты. Зорин».

Сын А. Н. Заварицкого, Владимир Александрович, геолог, был на полевых работах. Он вспоминает: «Не помню, как добрался из Владикавказа до Москвы, как встретился с Екатериной Петровной. Она уже немного успокоилась, но выглядела, конечно, очень плохо. Казалось, что она постарела на несколько лет. Она посочувствовала, что мне уже второй раз из-за работы не пришлось хоронить близких людей (от автора: имеется в виду смерть родной матери Владимира Александровича – Ольги Ивановны (Симоновой) Заварицкой в 1939 г.). Общее горе сблизило нас. Мы много говорили о прошлом, о трудностях, которые нам пришлось пережить. Потом пришла ближайшая помощница отца, Лидия Григорьевна Кваша, и разговор принял деловой характер. Нужно было решить, что делать с неоконченными работами отца».

В августе Екатерина Петровна Заварицкая получила выписку: «Из протокола № 10 заседания Бюро Отделения Геолого-географических наук Академии наук СССР от 5 августа 1952 г. 5. О комиссии по научному наследству академика А. Н. Заварицкого. Докладчик – член-корр. АН СССР Д. И. Щербаков. Для рассмотрения научных материалов, оставшихся от академика А. Н. Заварицкого, создать комиссию в следующем составе: член-корр. АН СССР А. Г. Бетехтин (председатель), Е. П. Заварицкая, Г. П. Барсанов, Л. Г. Кваша, Н. В. Павлов. Предложить комиссии с 11 августа приступить к рабо-

те. Печать, подписи: и. о. Академика-Секретаря ОГГН член-корр. АН СССР – Д. И. Щербаков, Ученый Секретарь – Г. Д. Афанасьев».

В течение 1952 и 1953 гг. проходили заседания различных обществ, посвященные памяти Александра Николаевича Заварицкого, печатались сообщения о них в журналах. Так, например, 30 октября 1952 г. прошло заседание Минералогической секции Московского общества испытателей природы, посвященное памяти председателя ее, А. Н. Заварицкого. Председательствующий Ефрем Александрович Кузнецов сказал вводное слово, охарактеризовав жизнь и деятельность А. Н. Заварицкого, разнообразные научные его интересы, научную и общественную деятельность. Собрание почтило память Александра Николаевича. Г. А. Соколов сделал доклад о роли А. Н. Заварицкого в исследовании рудных месторождений. В. И. Влодавец прочитал доклад о научных работах А. Н. Заварицкого в области вулканологии, охарактеризовав его организационную роль в работах Камчатской вулканологической станции, а также в проведении других вулканологических наблюдений и исследований на территории Советского Союза.

Источники

1. Письма М. А. Заварицкой Л. А. Буториной.
2. Письма Т. А. Заварицкой Л. А. Буториной.
3. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Л. А. Буториной.
4. Телеграммы соболезнования, переданные М. А. Заварицкой Буториной Л.А. для передачи в Архив УрО РАН.

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА А. Н. ЗАВАРИЦКОГО

Имя выдающегося ученого сохраняется в памяти людей, прежде всего, в его научных трудах – монографиях, журнальных статьях и учебных пособиях. Это в полной мере относится к Александру Николаевичу. Более 290 его работ хранится в научных геологических библиотеках. Ими постоянно пользуется уже не одно поколение отечественных и зарубежных геологов. Кроме того, еще при жизни Александра Николаевича, с тех пор как он стал академиком, его ученики специально посвящали свои статьи исключительно его научной деятельности в целом или значению его работ. Большею частью это было связано с шестидесятилетием Александра Николаевича, награждением его орденами Ленина и Сталинскими премиями. Его имя появилось в энциклопедиях, справочниках и специальных словарях.

На безвременную кончину Александра Николаевича отреагировали многие геологи, как в Советском Союзе, так и за рубежом. Почти во всех научных журналах по геологии и минералогии напечатали некрологи или статьи о его деятельности в разных отраслях геологических знаний. Много было сделано о нем научных докладов, организовано выставок его научных работ с соответствующими комментариями. С тех пор и до настоящего времени во многих работах, посвященных истории различных геологических учреждений и обществ (Горного института, Геолкома, Минералогического общества, Института геологии Академии наук), авторы отмечают роль Александра Николаевича, значение его деятельности или его отдельных работ. Семидесятилетие со дня рождения Александра Николаевича отмечено в сравнительно немногих статьях, но столетний юбилей отмечала вся геологическая общественность Советского Союза. В статьях прежних и новых авторов обсуждались самые разнообразные стороны его деятельности. До настоящего времени по тому или иному поводу продолжают появляться работы об этом выдающемся ученом, известно 27 газетных публикаций и 150 статей в различных изданиях.

Имя академика Александра Николаевича Заварицкого увековечено не только в научной литературе. В разных городах России существуют памятные места и памятные знаки, так или иначе связанные с его именем.

В Санкт-Петербурге в Горном институте конференц-зал старого здания украшает мраморная доска, на которой золотыми буквами высечены имена лучших воспитанников, блестяще

закончивших это учебное заведение. Среди них на ней и имя Александра Заварицкого. В Горном институте есть «портретная галерея». На протяжении нескольких коридоров на стене висят написанные маслом большие портреты выдающихся ученых-профессоров института за многие годы его существования. Среди них и портрет Александра Николаевича.

Другой портрет Александра Николаевича висит в Отделе петрографии в музее Горного института. В коридоре геологоразведочного факультета большой стенд «Геологи – питомцы Горного института»: список членов Академии и первооткрывателей месторождений. На нем – фамилия Александра Николаевича. На отдельном стенде текст: «Заварицкий Александр Николаевич (1884–1952). Академик (1939), профессор и заведующий кафедрой Горного института (1926–1938), Президент Минералогического общества (1947–1952). Организатор и первый директор Лаборатории вулканологии АН СССР (1944-1952). Выдающийся геолог, специалист в области петрологии и геологии рудных месторождений». На кафедре петрографии еще один стенд: «А. Н. Заварицкий. Крупнейший петролог, выдающийся знаток геологии рудных месторождений, вулканологии, минералогии, кристаллографии и других дисциплин геологического цикла». Вот таким ученым узнают Александра Николаевича все новые и новые студенты Горного института.

В комнатах Минералогического общества, которые расположены в Горном институте, тоже не один раз мы встречаемся с А. Н. Заварицким. В специализированной для заседаний аудитории геологоразведочного факультета, где проходят и заседания Минералогического общества, – портреты всех его Президентов, в том числе и А. Н. Заварицкого. В коридоре, на планшете ВМО «Президенты общества (1917-2000 гг.) – данные и фото Александра Николаевича, а на другом стенде среди 45 фамилий питомцев Горного института – Почетных членов Минералогического общества – и его фамилия.

На самом здании Горного института много мемориальных досок, посвященных памяти видных ученых, когда-либо работавших в институте. К сожалению, доски, посвященной Александру Николаевичу, среди них нет, хотя решение об ее установке Президиум АН СССР вынес еще в 1984 г.

ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского. – **С.-Петербург**, Васильевский остров.

В холле, на втором этаже балюстрады, справа и слева от бюста А. П. Карпинского восемь мраморных досок: «В Геологи-

ческом комитете ВСЕГЕИ работали выдающиеся ученые». Среди 102 геологов – фамилия А. Н. Заварицкого.

В библиотеке ВСЕГЕИ 107 экземпляров работ Александра Николаевича и 22 работы о нем.

В Центральном научно-исследовательском геологоразведочном музее (**ЦНИГРМ**) им. Ф. Н. Чернышева, который расположен в здании ВСЕГЕИ, в одном из залов портрет А. Н. Заварицкого.

В фондах музея хранится 10 коллекций А. Н. Заварицкого, в них более 9000 образцов, переданных им с 1912 по 1930 гг. В витринах 4-х экспозиций демонстрируются образцы из этих коллекций.

В **Москве** в Минералогическом музее РАН им. В. И. Вернадского есть экспозиция и материалы об Александре Николаевиче в Отделе истории геологических наук. В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, в Музее земледования, тоже висит портрет А. Н. Заварицкого и есть несколько стендов о значении его работ. В здании Института геологических наук есть портрет А. Н. Заварицкого, как сотрудника и директора института.

На Новодевичьем кладбище, где похоронен Александр Николаевич, на его могиле скромный памятник-надгробье из серого армянского туфа. Так геологи Армении отметили заслуги Александра Николаевича в изучении древнего вулканизма этой страны.

В **Екатеринбурге** имя Александра Николаевича носит научно-исследовательский институт. В центре города около здания Главпочтамта в глубине сквера (Почтовый переулок, 7) находится скромное двухэтажное здание. Это Институт геологии и геохимии имени А. Н. Заварицкого Уральского научного центра Академии наук СССР. Институт основан в 1939 г. на базе геологического отдела при Президиуме Уральского филиала АН СССР, организованного А. Е. Ферсманом. Имя Александра Николаевича институту было присвоено в 1970 г. по инициативе Святослава Несторовича Иванова и при поддержке сотрудников института, независимо от каких-либо юбилейных дат, исключительно за заслуги Александра Николаевича в изучении геологии Урала. В настоящее время институт является центром научной деятельности по геологии, петрологии, геохимии и учению о полезных ископаемых на Урале.

В **Уфе**, столице Башкортостана, на здании, переданном теперь медицинскому институту, висит одна из немногих мемориальных досок, посвященных Александру Николаевичу, на ко-

торой на русском и башкирском языках написано: «В этом здании с 1894 по 1902 год учился выдающийся ученый-геолог академик Александр Николаевич Заварицкий».

Губернская мужская гимназия в настоящее время средняя школа № 11 и переведена в другое помещение (Менделеева, 7/2). При школе есть музей, в котором на отдельных стендах выставлены материалы о многих именитых выпускниках, в том числе и стенд об Александре Николаевиче.

В **Миассе**, в музее Ильменского заповедника об имени Александра Николаевича напоминает исключительно оригинальный экспонат. Это мозаичная геологическая карта, выполненная из кусков поделочного камня, подобранных по цвету и отполированных. В основу этого художественного произведения положена геологическая карта Ильменского заповедника, составленная в 20-е годы прошлого века Александром Николаевичем. Есть в музее и особый «уголок», где выставлены материалы об Александре Николаевиче, его труды, книги и даже некоторые личные вещи. Среди них – микроскоп Лейтца, который приобретен А. Н. Заварицким в начале 20-х лет прошлого столетия и пишущая машинка «Эврика» оригинальной конструкции. Эти вещи были в заповеднике в военные годы с Александром Николаевичем, когда он там жил и работал. В 1991 году музею Ильменского заповедника эти предметы подарил сын академика Владимир Александрович Заварицкий. На одном из зданий в поселке заповедника – мемориальная доска, напоминающая о том, что в нем в военное время жил и работал Александр Николаевич Заварицкий.

17 июня 2002 г. Постановлением главы города Миасса № 491-1 присвоено новой улице название «**улица Академика Заварицкого**» в Северной части города **Миасса**.

В **Петропавловске-Камчатском** в научно-исследовательских институтах вулканологии и вулканической геологии и геохимии ДВО РАН, в музее вулканологии есть бюст, барельеф и портрет Александра Николаевича, сотрудники музея бережно хранят все документы, относящиеся к истокам изучения вулканов Камчатки. В частности, сохранились все приказы по Вулканической лаборатории за подписью Александра Николаевича от 23 ноября 1938 г. по 22 декабря 1947 г.

Замечательными памятниками Александру Николаевичу Заварицкому являются те **географические и геологические объекты**, которым присвоено имя этого ученого.

В 1945 г., еще при жизни Александра Николаевича Заварицкого, вулканолог Борис Иванович Пийп, один из ближайших

учеников Александра Николаевича, открыл неизвестный до того времени вулкан, западнее основной цепи вулканов на Камчатке. Он назвал его **вулканом Заварицкого**. Этот потухший вулкан находится примерно в 75 км к ССЗ от Петропавловска-на-Камчатке (53 гр. 30 мин. с. ш. и 158 гр. в. д.). Вулкан относится к группе действующего вулкана Жупановская сопка. Представляет собой коническую гору высотой 1600 метров с весьма ровными, неразмытыми склонами, мягкой куполообразной вершиной. На восточном склоне ряд побочных шлаковых конусов и узкий лавовый поток. Вначале этот вулкан изучался только с воздуха. В 1946 г., во время своей аэровулканической экспедиции Александр Николаевич видел этот вулкан и упоминает о нем в своей монографии «Вулканы Камчатки». В этой книге вулкан показан на заднем плане одной из фотографий. Позднее вулкан облетел на самолете вулканолог А. Е. Святловский, но непосредственно на вулкане пока еще никто из вулканологов не был. Неизвестно, из каких горных пород он сложен, когда в последний раз извергался.

Имя Александра Николаевича на Камчатке также получили вулканические новообразования на вулкане Ключевская сопка. Это – побочный **кратер**, образовавшийся вокруг него **вулканический конус** и вылившийся из него **лавовый поток**. Следует отметить, что подобных новообразований на Ключевском вулкане несколько десятков. Побочный кратер, конус и поток Заварицкого образовались при извержении Ключевской сопки в 1945–1946 гг. Тогда образовалось сразу несколько побочных кратеров на протяжении 2 км по линии от центрального кратера на юго-восток. Поскольку извержение Ключевского вулкана по времени совпало с 220-летием Академии наук, вся совокупность этих новообразований была названа Б. И. Пийпом «Юбилейным прорывом», а отдельные кратеры получили имена академиков Обручева, Левинсон-Лессинга, Комарова, Крашенинникова. Ниже всех располагается кратер Заварицкого, который во время извержения был самым активным. Детальное описание образования кратера, конуса и лавового потока Заварицкого имеется в замечательной научно-популярной книге вулканолога Е. К. Мархинина «Цепь плутона». Для общего представления приведем только данные о размерах потока. Длина его около 5 км, ширина доходит до нескольких сот метров при толщине в 10–15 метров. При извержении изливалось до 2 миллионов кубометров лавы ежедневно, а всего ее излилось около 80 миллионов куб. метров. На всем протяжении поток имеет неоднородное строение. Внутренняя часть его сложена монолитным базаль-

том, верхняя и нижняя – нагромождение базальтовых вулканических глыб. Во время извержения поток двигался со скоростью 13 метров в час. Температура лавы у истоков потока доходила до 1000 градусов Цельсия.

Второй **вулкан**, получивший имя Александра Николаевича Заварицкого, находится на Курильских островах. В 1946 г. Г. С. Горшков с борта корабля обратил внимание на одну из возвышенностей на острове Симушир, в средней части цепи Курильских островов. Она не имела особого названия, и он назвал ее **горой Заварицкого**. Высота ее всего около 600 метров от уровня моря. Значительно позднее оказалось, что эта возвышенность является всего лишь частью неизвестного до тех пор вулкана-кальдеры. Вулкан-кальдера Заварицкого на Курилах заметно отличается от обычного представления о вулканах, т. к. там нет привычного вулканического конуса. Вулкан представляет собой двойную кальдеру, т.е. две вулканических впадины, как бы вложенные одна в другую. Во внутренней кальдере кратер заполнен не только продуктами предыдущих извержений вулкана, в нем находится и кратерное озеро, получившее название «Бирюзовое» за исключительно красивый цвет воды благодаря содержанию в ней мельчайших частиц серы.

Вулкан-кальдеру Заварицкого можно отнести к действующим вулканам, т. к. его последнее извержение происходило в 1957 г. Это извержение наблюдали всего несколько человек, среди которых был и вулканолог Е. К. Мархинин. В его вышеназванной книге «Цепь Плутона» есть описание этого извержения. Последнее было сравнительно небольшим, т.к. происходил выброс только паров и раскаленного обломочного вулканического материала. Излияния лавы не было.

О предыдущих извержениях вулкана Заварицкого на Курилах пока ничего не известно. До 1957 г. отмечалась только его интенсивная фумарольно-сульфатарная деятельность, т. е. выделение пара и горячей воды.

Горный хребет Заварицкого в Антарктиде открыт в шестидесятых годах XX столетия. Тогда в Антарктиде работало много геологов – выпускников Ленинградского горного института и, естественно, что все свои открытия они посвящали памяти русских ученых. Хребет Заварицкого находится в центральной части архипелага «Земля Королевы Мод» (берег Принцессы Астрид в море Лазарева; географические координаты: 71 гр. 25 мин. ю. ш.; 12 гр. 43 мин. в. д.), примерно 80 км к ю-в от станции «Новолазаревская». Хребет протягива-

ется в меридиональном направлении на 15-20 км. Параллельно ему проходят еще два аналогичных хребта – Красовского и Бардина. Наибольшая высота хребта Заварицкого 2354 м над уровнем моря. Относительное превышение над ледяным покровом около 500 метров. Западнее, в 60 км от хребта Заварицкого, находится ледник Горного института.

Из небольших географических и геологических объектов, получивших имя Александра Николаевича, можно отметить следующие.

Ледник Заварицкого, открыт в 1963 г. Л. С. Троицким на хребте Рай-Из (Полярный Урал). Он небольшой, длина его всего 750 метров. Занимает каровую нишу на склоне хребта, выработанную более древним ледником.

Скалы Заварицкого, расположены на юго-западном берегу острова Галля (Южная группа островов архипелага Земля Франца Иосифа) в северной части Баренцева моря. Это скалистые выступы горных пород («нунаков»), возвышающихся над ледяным покровом, который на 90 % покрывает острова этого полярного архипелага. Географические координаты скал Заварицкого: 80 гр. с. ш. и 58 гр. в. д.

Вулканическая «трубка» Заварицкого на Подкаменной Тунгуске. Сведений о ней пока еще очень мало. Неясно, относится ли она к алмазоносным «трубкам» Сибири, или же это особое геологическое образование.

Имя академика А. Н. Заварицкого увековечено и в названии минерала. **Заварицкит** – из группы висмутовых оксифторидов – обнаружен Е. Н. Долгановой в окисленной зоне висмутового месторождения на Шерловой горе (Восточное Забайкалье). Там он находится вместе с топазом, флюоритом, висмутином и бисмутитом. Обнаружен этот минерал и среди других висмутовых минералов музейной коллекции Н. А. Ненадкевича, которая хранится в Геологическом музее им. В. И. Вернадского РАН в Москве. Химический анализ минерала выполнила В. М. Сендорова, а рентгенометрические исследования – М. Г. Янченко. До 1962 года, когда был открыт минерал заварицкит, в природе его не находили, хотя в лаборатории подобное химическое соединение получили еще в 1881 и 1948 гг. Сообщение об этом минерале поступило в «Доклады АН СССР» в 1962 г., в год десятилетия кончины Александра Николаевича.

В 1990-х гг. в геологической литературе появился научный термин «**зона Заварицкого-Беньоффа**». Этим термином названа глубинная тектоническая зона на границе Евразии-

ского материка и Тихого океана, в которой происходит субдукция земной коры. Еще в 1946 г. Александр Николаевич в очень осторожной форме высказал предположение о существовании такой зоны. Такое же гипотетическое предположение сделал четыре года спустя и американский вулканолог Беньофф. Гипотетическое представление о существовании геотектонической зоны Заварицкого-Беньоффа полностью согласуется с другими гипотезами о внутреннем строении нашей планеты. Однако от этого оно не перестает быть только гипотезой и переоценивать или недооценивать его научное значение бессмысленно. Это противоречило бы духу и сути всей научной деятельности Александра Николаевича.

В связи с тем, что 100-летие со дня рождения Александра Николаевича отмечала вся геологическая общественность Советского Союза, появились *памятные знаки*, которые к геологическим наукам не имеют непосредственного отношения. Прежде всего, это имя на борту корабля. Один из вновь построенных дизель-электроходов рефрижераторов получил название **«Академик Заварицкий»**. Он был построен в Дании и приписан к Рижскому морскому порту. Экипаж судна познакомился тогда же с родственниками Александра Николаевича. В 1986 г. корабль посетили младшая дочь академика Марианна Александровна и его сын Владимир Александрович со своей женой Тamarой Васильевной Кировой. Их радушно приняли, познакомили с устройством современного рефрижератора. В книге почетных гостей на корабле появилась такая запись: «Посещение теплохода «Академик Заварицкий» произвело неизгладимое впечатление. Еще подходя к судну, мы были восхищены его прекрасными очертаниями. Но когда мы осмотрели теплоход, нас поразила блестящая современная техника. Красивый корабль! Мы, дети академика Александра Николаевича Заварицкого, очень рады, что имя отца увековечено таким образом. Это достойная память ученому. Команда теплохода очень радушна. Желаем всей команде счастливого плавания и много славных трудовых побед». Во время вторичного посещения Ленинградского порта кораблем «Академик Заварицкий» на нем побывали Владимир Александрович с супругой, внук академика Александр Дмитриевич и правнук Денис Александрович. На корабле была организована постоянная выставка об Александре Николаевиче Заварицком. Экипажу были подарены фотопортреты академика, относящиеся к разным периодам его жизни. Моряки с корабля побывали в Горном институте, на кафедре петрографии и в Горном музее. Капитан и его помощник были в гостях у

сына академика в Ленинграде и у его дочерей в Минске и в Москве. После распада Советского Союза «Академик Заварицкий» стал иностранным латвийским кораблем. Связь с родственниками Александра Николаевича и команды корабля прекратилась.

Столетие со дня рождения Александра Николаевича советская общественность отметила и тем, что Министерство связи СССР выпустило к юбилею особый **почтовый конверт** с портретом Александра Николаевича и соответствующей надписью.

И, наконец, память об Александре Николаевиче сохраняется благодаря научным конференциям, совещаниям, симпозиумам. Следует отметить, что сам Александр Николаевич весьма скептически относился к подобного рода конференциям и их результативности в обсуждении теоретических вопросов. На научных собраниях Александр Николаевич обычно выступал по совершенно конкретным вопросам. Он, несомненно, предпочитал научные дискуссии в узком кругу людей и только специалистов по обсуждаемым вопросам.

Эту традицию сбора специалистов продолжают геологи и в настоящее время. Начали ее вулканологи. В 1960 г. 23–26 марта прошел в Москве симпозиум «Гидротермальные процессы и минералообразование в области активного вулканизма», посвященный памяти А. Н. Заварицкого.

Симпозиум под названием «Петрохимические особенности молодого вулканизма» прошел в Москве, 22–24 марта 1962 г. и был посвящен памяти (10 лет со дня смерти) академика А. Н. Заварицкого. Был издан сборник материалов этого симпозиума, объемом 265 страниц.

Летом **1970** г. Институту геологии и геохимии УНЦ АН СССР в г. Свердловске (Екатеринбурге) Постановлением Совмина РСФСР было присвоено имя академика Александра Николаевича Заварицкого, внесшего большой вклад в изучение основных проблем геологии, петрологии и металлогении Урала. В связи с этим было решено ежегодно, 14 марта, в день рождения Заварицкого проводить научные чтения, посвященные его памяти.

Первые чтения состоялись 16–18 марта **1971** г. в Свердловске и привлекли внимание не только геологов Урала, но и ученых Москвы, Ленинграда и других городов страны. С. Н. Иванов в докладе «Развитие идей А. Н. Заварицкого об условиях формирования колчеданных месторождений» показал, что после работ Заварицкого были установлены новые данные,

подтверждающие его основную мысль о связи этого типа месторождений с ранним вулканизмом. Серия докладов была посвящена проблемам петрологии Урала, семнадцать докладов другим вопросам геологии. На чтениях выступили ведущие ученые Урала: Д. С. Штейнберг, В. Я. Левин, Г. Б. Ферштатер, А. Малахов, Г. Н. Вертушков, Е. А. Кузнецов, А. Н. Пронин. На чтениях были оглашены многочисленные приветственные письма и телеграммы. Участники собрания горячо приветствовали дочь А. Н. Заварицкого – Марианну Александровну и подарили ей другу горного хрусталя [1].

14-15 марта **1972** г. Институтом геологии и геохимии им. А. Н. Заварицкого УНЦ АН СССР и Уральской секцией Совета по рудообразованию были проведены **Вторые чтения** памяти Александра Николаевича. Они были посвящены проблеме генезиса колчеданных месторождений. Кроме уральских геологов в чтениях приняли участие представители научных и геологических организаций Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Алматы, Петрозаводска, Новочеркасска, Ташкента. В. А. Прокин от имени башкирских ученых-геологов выразил пожелание, чтобы следующие чтения были проведены на Родине академика А. Н. Заварицкого в Башкирии [2].

В этом же году в Башкирии (Уфа) был издан сборник «Материалы по геологии и полезным ископаемым Южного Урала», который был посвящен памяти академика А. Н. Заварицкого. «Лучшему знатоку магматизма и металлогении Урала, большую часть своей жизни проработавшему в области развития магматических пород и связанных с ними эндогенных полезных ископаемых» - так сказано во «Введении» к сборнику.

В марте **1973** г. Институтом геологии Башкирского филиала АН СССР совместно с Институтом геологии и геохимии УНЦ АН СССР и Уральской секцией Совета по рудообразованию были проведены Всесоюзные **Третьи чтения** имени А. Н. Заварицкого, которые состоялись в г. Уфе, на родине ученого, и были посвящены проблеме «Силурийско-девонский вулканизм Южного Урала и колчеданное оруденение». В чтениях приняло участие около ста человек из производственных и научно-исследовательских организаций городов Уфы, Свердловска, Москвы, Ленинграда, Челябинска, Оренбурга, Миасса, Саратова [3]. По материалам Третьих чтений в 1975 году был издан сборник, в который вошли 27 статей 49 геологов.

В марте **1984** г. исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Николаевича Заварицкого. К этому знаменательному событию Петрографический комитет ОГГГ АН СССР приуро-

чил проведение специальной научной сессии. В представленных на сессию докладах нашли отражение основные идеи Александра Николаевича, не утратившие актуальности. Эти доклады были опубликованы в сборнике «Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии» в издательстве «Наука» в 1986 г. «Публикуемые в данном сборнике доклады членов Петрографического комитета отражают основные направления творчества А. Н. Заварицкого и являются скромной данью авторов памяти выдающегося ученого» [4].

20-21 марта **1984** г. в Ильменском государственном заповеднике им. В. И. Ленина (г. Миасс, Челябинская область) состоялись чтения памяти академика А. Н. Заварицкого, организованные Институтом геологии и геохимии, Ильменским заповедником УНЦ АН СССР, а также Институтом геологии Башкирского филиала АН СССР. Чтения были посвящены столетию со дня рождения выдающегося ученого. На чтениях с докладами выступили ведущие ученые Уральского научного центра АН СССР. Особый интерес у слушателей вызвали выступления члена-корреспондента АН СССР С. Н. Иванова, профессоров Д. С. Штейнберга и Г. А. Смирнова, лично знавших академика А. Н. Заварицкого.

Чтения еще раз показали и подчеркнули непреходящую ценность научных разработок академика А. Н. Заварицкого и плодотворность его идей в решении теоретических и практических задач уральской геологии. В юбилейных чтениях приняли также участие научные сотрудники Свердловского горного института, Челябинской геологоразведочной экспедиции, студенты и преподаватели Миасского геологоразведочного техникума [5].

В **1985** г. под рубрикой «Чтения имени академика А. Н. Заварицкого», 5, вышел сборник научных трудов Института геологии Башкирского филиала АН СССР. Он называется: «Палеовулканические условия образования и размещения колчеданных месторождений Урала», Уфа, 1985. 80 стр. В нем опубликовано 10 статей 13 геологов.

На следующий год вышли материалы и в Свердловске под названием «Тектонические и палеовулканические условия размещения колчеданных месторождений на Урале: V чтения памяти акад. А. Н. Заварицкого». В сборнике помещено 16 статей 37 геологов.

В последующие годы по ряду причин традиция проводить чтения памяти академика А. Н. Заварицкого в Институте геологии и геохимии была нарушена. Осенью 1997 г. по инициативе члена-корреспондента РАН С. Н. Иванова Ученый совет Инсти-

туда принял решение возродить Чтения, сделав их регулярным научным мероприятием, приуроченным к очередной годовщине со дня рождения Александра Николаевича.

Ведущие специалисты Института, избранные в Оргкомитет, пришли к выводу, что чтения следует посвящать тем научным проблемам, которые больше всего волновали А. Н. Заварицкого – исследователя необычайно разностороннего и вместе с тем целеустремленного. Поэтому тематика была сформулирована довольно широко: «Проблемы петрогенезиса и рудообразования». Оргкомитет решил не детализировать ее для Чтений **1998** г. К назначенному времени поступили заявки на 95 докладов, из которых 87 были приняты к опубликованию в сборнике тезисов, изданном к началу Чтений [6]. Наиболее полно были представлены научные учреждения и вузы Уральского региона (Екатеринбург, Миасс, Сыктывкар, Пермь, Уфа, Челябинск); часть заявок на доклады поступила из Москвы и Московского региона, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иркутска и Тюмени [7].

1-2 июня **1999** г. в Екатеринбурге при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований прошла конференция «Палеозоны субдукции: тектоника, магматизм, метаморфизм, седиментогенез», посвященная 115-летию со дня рождения академика А. Н. Заварицкого. В работе конференции приняли участие более 100 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Казани, Перми, Челябинска, Миасса, Сыктывкара, Уфы, Новосибирска, Иркутска, а также из Германии и Швеции. На двух пленарных заседаниях и стендовых сессиях было представлено 76 докладов. 30 человек приняли участие в геологических экскурсиях на уральские объекты силурийской основной дуги [8].

В Екатеринбурге 1–4 июня **2000** г. прошли Шестые чтения А. Н. Заварицкого как международная конференция по теме: «Коллизионная стадия развития подвижных поясов (тектоника, магматизм, седиментогенез, метаморфизм, металлогения). Был издан сборник тезисов докладов этой конференции. В сборник вошли 98 докладов 183 ученых из Германии, Франции, Финляндии, Ирландии, Англии, Белоруссии, Грузии, Украины, Казахстана, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Хабаровска, Биробиджана, Ярославля, Иркутска, Улан-Удэ, Сыктывкара, Ростова, Петрозаводска, Томска, Казани, Уфы, Екатеринбург, Челябинска.

Очередные Чтения А. Н. Заварицкого прошли 30–31 мая **2001** г. в Екатеринбурге как Международная научная конферен-

ция «Постколлизийная эволюция подвижных поясов». Ее организовали Институт геологии и геохимии имени академика А. Н. Заварицкого УрО РАН и Уральская секция Межведомственного Тектонического комитета при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

К началу конференции был издан сборник под этим же названием, в который вошло 74 тезиса докладов 142 авторов из академических, вузовских и отраслевых геологических учреждений Москвы и Московской области, Ярославля, Кольского п-ва, Башкирии, Екатеринбурга, Челябинска, Миасса, республики Коми, Бурятии, Иркутска, Читы, Новосибирска, Якутска, Благовещенска. Приняли участие в конференции и ученые Германии, Испании, Италии, Швеции, Китая. За два дня конференции были заслушаны пленарные и стендовые доклады. 1 и 2 июня для участников конференции были организованы две экскурсии на геологические объекты в окрестности Екатеринбурга.

Следующие чтения памяти А. Н. Заварицкого прошли в ИГиГ (Екатеринбург) под названием «Рифты литосферы» 30 мая – 2 июня 2002 г. К началу чтений был издан сборник «Рифты литосферы: эволюция, тектоника, магматические, метаморфические и осадочные комплексы, полезные ископаемые: материалы международной научной конференции». Материалы сборника были сгруппированы по темам. «Древние и современные рифтовые структуры: распространение, происхождение, строение, геодинамика, флюиды», которые включали 81 доклад. «Рифтовые магматиты и метаморфиты: петрология, петрохимия и минерагения» – 56 статей. По теме «Осадочные и вулканогенно-осадочные комплексы рифтовых структур: условия накопления, литогенез, деформация, минерагения и полезные ископаемые» было опубликовано 36 работ.

Конференция была проведена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. В Оргкомитет, под председательством академика Коротеева В. А., входили академики Лаверов Н. П. (Президиум РАН, Москва), Богатиков О.А. (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН), Леонов Ю. Г. (Геологический институт РАН, Москва), Милановский Е. Е. (МГУ) и др. В чтениях приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Башкортостана, Татарстана, Урала, Коми, Сибири, Якутии, Дальнего Востока, Белоруссии, Украины, Китая, США. 1-2 июня были проведены геологические экскурсии.

Девятые чтения памяти академика А. Н. Заварицкого прошли в Екатеринбурге в Институте геологии и геохимии им.

А. Н. Заварицкого УрО РАН как научная конференция «Эволюция внутриконтинентальных подвижных поясов: тектоника, магматизм, метаморфизм, седиментогенез, полезные ископаемые» **3–4 июня 2003 г.** Чтения проходили под эгидой Института геологии и геохимии им. А. Н. Заварицкого УрО РАН, Уральского отделения РАН, Уральского петрографического совета, Уральской секции межведомственного тектонического комитета. В первый день конференции было заслушано 16 докладов, во второй – 20. Стендовых докладов было представлено 63. 5 июня была проведена экскурсия «Опорный геологический разрез средней части Ильменогорско-Сысертской полиметаморфической зоны» (район г. Кыштым). 6 июня была проведена экскурсия «Позднепалеозойские магматические породы восточного склона Среднего Урала (район г. Каменск-Уральский)». Перед началом конференции были изданы ее материалы и путеводитель экскурсий.

С 21 по 23 сентября **2004 года** в Институте геологии и геохимии УрО РАН прошла научная конференция «**X чтения памяти А. Н. Заварицкого**». Конференция в этом году была юбилейной. Во-первых, потому, что отмечалось 120 лет со дня рождения А. Н. Заварицкого, а во-вторых, «Чтения» – десятые по счету. Мероприятие проходило при финансовой поддержке РФФИ. Тема конференции – «Геология и металлогения ультрамафит-мафитовых и гранитоидных ассоциаций складчатых областей» – была достаточно всеобъемлющей и напрямую связанной с деятельностью А. Н. Заварицкого, современников которого поражали широкий диапазон его научных интересов и глубина разработки проблем. Каждое сообщение на конференции так или иначе развивало идеи А. Н. Заварицкого.

С огромным интересом был заслушан доклад академика В. А. Коротеева о жизни, деятельности и идеях А. Н. Заварицкого. Всего для участия в конференции было заявлено 143 доклада, среди авторов – два академика РАН, три члена-корреспондента РАН, академики Узбекской и Казахской АН, член-корреспондент Таджикской АН, 50 докторов и 60 кандидатов наук, аспиранты и магистранты, представляющие 40 научных учреждений и ВУЗов, 13 производственных геологических организаций. Кроме российских ученых, результаты своих исследований представили специалисты из Германии, Испании, Италии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Украины. Реально в работе Чтений приняло участие 110 человек, из них из других городов – 35: из Сыктывкара, Апатитов, Улан-Удэ, Петрозаводска, Иркутска, Новосибирска, Ханты-Мансийска,

Санкт-Петербурга, Москвы, Черноголовки, Перми, Челябинска, Миасса, Асбеста.

Достойным финалом чтений стала экскурсия на Верх-Исетский массив, являющийся эталоном тоналит-гранодиоритовых серий в окраинно-континентальной зоне Урала. В поездке приняло участие 15 человек.

Перед чтениями была выпущена книга «Геология и металлогения ультрамафит-мафитовых и гранитоидных интрузивных ассоциаций складчатых областей. Материалы научной конференции (X Чтения А. Н. Заварицкого) – Екатеринбург: ИГиГ УрО РАН, 2004 – 498 с.

XI чтения памяти академика А. Н. Заварицкого.

С 31 мая по 2 июня **2005** года в г. Екатеринбурге при финансовой поддержке РФФИ проходила международная научная конференция, подготовленная Институтом геологии и геохимии им. акад. А. Н. Заварицкого, Уральской секцией Научного Совета по проблемам металлогении и рудообразования и Уральским петрографическим советом. Она была посвящена актуальной теме «Скарны, их генезис и рудоносность». Нарращивание минерально-сырьевых ресурсов страны является одной из главнейших экономических задач нашего времени, в решение которой весомый вклад вносят исследования в области рудной геологии.

В работе конференции приняли участие известные специалисты по скарновым месторождениям из России, Казахстана, Киргизии, Украины, Грузии, представлявшие собой 19 научных и 3 производственных организации.

Всего было заявлено 40 докладов (из них 30 устных), которые можно сгруппировать в три раздела: 1. Генетические типы скарновых месторождений, закономерности размещения и условия их образования; 2. Благородные, редкие, радиоактивные и другие элементы в скарновом процессе; 3. Геохимические ореолы и методы поисков скарновых руд.

Завершением конференции стала геологическая экскурсия на Тагило-Кушвинское рудное поле, где участники конференции (12 человек) посетили новый, разрабатываемый блок № 15 Высокогорского скарново-магнетитового месторождения и карьер скаполит-магнетитового Осокино-Александровского месторождения.

Издание книг

Академик Александр Николаевич Заварицкий оставил богатейшее научное наследие, которым может гордиться отечественная наука. «Свои знания А. Н. Заварицкий умел передавать

просто, без всяких прикрас и претензий. Многие и многие геологи, успешно работающие сейчас от Академии наук в Москве до самых отдаленных уголков Советского Союза, являются его учениками. Многие учились, и еще большее количество будет учиться на его замечательных трудах. Трудно осознать, что Александра Николаевича уже нет с нами. В полном расцвете творческих сил оборвалась эта удивительная кипучая жизнь, целиком отданная науке. Однако его светлый образ всегда будет жить в наших сердцах. *Замечательные труды выдающегося ученого, которым гордится советская наука, – лучшая память о нем*» [9].

Неоконченных работ у Александра Николаевича после его смерти оказалось очень немного. Как правило, он всегда доводил свой труд до конца – до опубликования. Тем не менее, оказалось, что нужно было: 1) подготовить к изданию законченную работу – книгу «Изверженные горные породы»; 2) закончить начатую им переработку книги «Физико-химические основы петрографии изверженных горных пород», изданную еще в 1926 г.; 3) закончить переработку монографии «Вулкан Авача на Камчатке» и некоторые другие статьи по вулканологии; 4) закончить начатую работу по Ишимскому комплексу щелочных пород; 5) закончить перевод книги Риттмана по вулканологии, над которым Александр Николаевич работал вместе со своей помощницей Л. Г. Кваша.

О том, как проходило завершение всех этих работ, известно немного. Вот что рассказал сын академика, Владимир Александрович, о работе над книгой «Изверженные горные породы»: «Нужно было решать, что делать с неоконченными работами отца. Подготовку к печати книги «Изверженные горные породы» решили сделать вдвоем с Екатериной Петровной. Закончить работу по Ишиму пришлось взять на себя. Эту работу могла сделать и О. А. Воробьева, но Екатерина Петровна по каким-то причинам не захотела этого. Закончить подготовку и переиздание книги «Физико-химические основы петрографии» решили просить В. С. Соболева. Неоконченные работы по вулканологии мог закончить Борис Иванович Пийп, которого отец всегда считал наиболее талантливым своим учеником. Привести в порядок архив Екатерина Петровна решила сама, взяв в помощницы Лидию Григорьевну Кваша.

Забрав рукопись книги, я на другой день был уже в Ленинграде. Просмотреть рукопись было не трудно, текст был в полном порядке. Пришлось лишь дописать главу о лампрофирах, но, не желая вносить в книгу что-либо своего, постарался пере-

изложить написанное отцом в отдельных научных статьях. Уже осенью 1952 г. отвез рукопись в Москву, чтобы Екатерина Петровна могла приступить к составлению списка литературы, предметного указателя и т. д.

Значительно сложнее обстояло дело с рисунками. Эта работа началась еще два или три года назад. Отец тогда попросил меня сделать в свободное время все рисунки. Он говорил, что рисунки должны быть сделаны одним лицом, в одном стиле, как это сделал А. Харкер в своей книге «Метаморфизм». От первоначального пожелания отца, чтобы все рисунки были оригинальными, т. е. ранее не опубликованными, пришлось отказаться. Ни я, ни он не могли найти шлифы некоторых редких пород. Их просто не было в нашей стране. Даже те, которые были в музеях или учебных коллекциях, получить было очень трудно. Требовалось очень много времени для их поисков. Поэтому еще тогда отец решил, что опубликованные рисунки могут иллюстрировать описание некоторых пород, но все они должны быть перерисованы, чтобы сохранить единый стиль.

Всю зиму 1952/53 г. пришлось заниматься рисунками к книге «Изверженные горные породы». Подбирал шлифы, делал микрофотографии и много репродукций из разных книг. Сам делал увеличенные отпечатки на матовой фотобумаге, обводил несмываемой тушью, вытравливал фотографическое изображение и окончательно отделявал рисунки.

К концу июня 1953 г. рисунки были закончены. Хорошо помню, как, не предупредив заранее, поехал с рисунками в Москву. Рисунки едва поместились в большом чемодане. Все они были наклеены на стандартные листы картона, и поэтому чемодан был очень тяжелый. Подъехав на такси к дому на Калужском проспекте, узнал, что все были на даче. На том же такси доехал до Мозжинки под Звенигородом, где была дача.

К этому времени закончила свою часть работы и Екатерина Петровна: список литературы, предметный указатель. Сдать книгу в издательство ей помогли А. Г. Бетехтин и Н. Н. Долгополов» [10].

Книга «Изверженные горные породы» вышла в свет только в 1955 г. До этого с 1952 г. опубликовано еще несколько статей Александра Николаевича, не требовавших какой-либо переработки. Предисловие к книге А. Н. Заварицкого «Вулканы Камчатки», изданной как Труды лаборатории вулканологии АН СССР (вып. 10. М., изд-во АН СССР, 1955), написал Г. С. Горшков.

Далее начали переиздавать ранние работы Александра Николаевича в виде известного четырехтомника «Избранные труды». В 1956 г. вышел первый том, в 1958, 1961 и 1963 гг., соответственно, остальные. Это уже, несомненно, было достойным памятником ученому. В 1960 году Госгеолиздат переиздает справочное пособие «Пересчет химических анализов изверженных горных пород».

В 1961 г. выходит в переработанном виде книга «Физико-химические основы петрографии изверженных горных пород». В. С. Соболев несколько расширил эту книгу, став таким образом соавтором. В предисловии он указал, как отличить написанное им от тех дополнений, которые сделал сам Александр Николаевич.

В 1973 г. в издательстве «Наука» вышла монография А. Н. Заварицкого и В. А. Заварицкого «Петрография Ишимского щелочного массива». В предисловии Владимир Александрович отметил, что им написана только вторая часть книги.

Этот массив был открыт в 1931 г. М. С. Волковой при общей геологической съемке Казахстана. Небольшая коллекция очень интересных пород была передана тогда А. Н. Заварицкому, и в результате его обработки им были опубликованы статьи (1934, 1936). О том, как происходила доработка книги, Владимир Александрович вспоминает:

«На даче в 1953 г. пробыл около месяца, так как сразу приступил к работе над материалом по Ишиму, а именно там находились образцы, шлифы и другой первичный материал. Отобрав все необходимое для дальнейшей работы, вернулся в Ленинград. Ящики с образцами мне позднее доставили на попутной академической машине.

Не имея возможности побывать на Ишиме, занимался этим интересным комплексом щелочных пород два с половиной года. Щелочные горные породы вообще мне были знакомы. С горными породами Хибин, Ловозера и Мариуполя меня познакомили товарищи по работе. Много читал, смотрел образцы и шлифы в музеях. Приступая к Ишиму, прежде всего, познакомился с ранее опубликованными работами отца. Детально по его книге и по сохранившимся шлифам изучил Бердяшский массив на Южном Урале. Сначала читал описание пород в книге, затем просматривал шлифы. При просмотре мне всегда казалось, что эти породы когда-то видел. Настолько точно и в то же время сжато они были описаны в книге. Может быть, только некоторые описания горных пород у Ф. Ю. Левинсон-Лессинга и Н. К. Высоцкого были такими же

точными. В большинстве же случаев, по литературе, нельзя было представить, с какими породами имел дело автор.

В моем распоряжении были и полевые дневники отца. Он очень подробно записывал все, что видел. По дневникам легко было представить все особенности выходов горных пород на поверхности.

Горные породы, вмещающие массив нефелиновых сиенитов, отец успел описать достаточно полно и детально. Дополнений пришлось сделать немного. Кроме того, их описания уже были опубликованы отцом в нескольких статьях. Однако остальные и, главным образом, сами нефелиновые сиениты были не изучены. Пришлось сосредоточить внимание на этих породах.

Время, отпущенное на работу, приближалось к концу. Иллюстрировать монографию хорошими рисунками уже не удавалось. Не догадывался я и о тех выводах, которые отец хотел сделать из изучения всего комплекса. В конце 1955 или в начале 1956 г. монография была сдана в издательство. Моя сестра Марианна обещала проследить за выходом ее из печати. До этого работу просмотрели В. С. Соболев и В. А. Николаев. Особенно меня интересовало мнение В. А. Николаева, так как он когда-то изучал похожие горные породы из Ирису в Средней Азии. По отзывам этих ученых стало ясно, что время, затраченное на эту работу, для меня не прошло даром. К сожалению, в издательстве монография пролежала пятнадцать лет и вышла из печати только в 1973 г. О причинах такой задержки можно только догадываться» [10].

В 1977 г. была издана книга Александра Николаевича «Вулкан Авача на Камчатке» объемом 300 страниц. Впервые эта работа была опубликована в 1935 г. под названием «Вулкан Авача на Камчатке и его состояние летом 1931 г.» объемом всего 36 страниц. После извержений, в 1946 г. и позднее, состояние вулкана, естественно, изменилось. Александр Николаевич начал переработку статьи в монографию. Неоконченная рукопись книги и другие материалы по вулканологии были переданы Б. И. Пийпу, который, не успев даже начать переработку, скоропостижно скончался. Рукопись и материалы получил Г. С. Горшков. Он составил план переработки, но и его преждевременная кончина оборвала работу над монографией. В Институте вулканологии вначале хотели переиздать работу в первоначальном виде, как образец того, как нужно собирать фактический материал при исследовании вулканов, но, в конце концов, сотрудники института выпустили книгу с дополнениями.

Еще в 1944 г. уральские геологи писали: «Для того, чтобы оценить влияние научных работ академика на мировую геологическую науку и оценить то понимание, с которым ученые всего мира следят за работами А. Н. Заварицкого, даже не нужно читать специальную иностранную литературу – достаточно побывать в большом рабочем кабинете в квартире Александра Николаевича в Москве и посмотреть длинные ряды книг с авторскими надписями иностранных ученых, присылающих ему свои работы, - свидетельство глубокого уважения» [11].

За рубежом после смерти А. Н. Заварицкого три главные работы Александра Николаевича были переведены с русского языка и опубликованы. Это книга «Изверженные горные породы», изданная в Бухаресте в 1958 г., книга «Введение в петрохимию изверженных пород», изданная в Германии в 1954 г. и в Чехословакии в 1963 г., и, наконец, книга «Физико-химические основы петрографии изверженных пород», изданная в Израиле в 1964 г.

Пророческим сказалось высказывание В. С. Соболева и Г. С. Горшкова: «Опубликованными в настоящее время работами отнюдь не исчерпывается научное наследство А. Н. Заварицкого. Еще ряд лет будут выходить из печати труды автора, которые дорабатываются и подготавливаются к изданию в настоящее время. Переиздание же важнейших работ А. Н. Заварицкого, часто представляющих собой библиографическую редкость, значительно облегчает их использование широкой научной общественностью и особенно полезно для нашей молодежи, которая учится на классическом наследстве отечественной науки. Будут продолжаться и издания переводов трудов А. Н. Заварицкого на иностранные языки, что вызвано исключительным интересом к ним ученых стран народной демократии и научной общественностью всего мира» [12].

И еще, в заключение, несколько строчек.

В 1985–1986 г. Ольга Алексеевна Гирина была руководителем Лекторской группы в Институте вулканологии в Петропавловске-Камчатском. Они тогда пытались привлечь ученых читать лекции в Музее и по линии общества «Знание». Был создан «Вопросник», который раздали всем уважаемым старшим коллегам. Не все написали ответы на вопросы, но кое-какие расширенные «Ответники» есть. Был вопрос: «Кого можете назвать выдающимся советским вулканологом?»

Доктор г.-м. наук, светило с мировым именем Олег Назарович Волюнец ответил так: «Выдающиеся – это те, кто стояли в начале и генерировали идеи. Это А. Н. Заварицкий, который

может быть первый у нас в стране поняв необходимость изучения современного вулканизма и сделал первые шаги в этом направлении. Это Б. И. Пийп с его классическими трудами по Ключевской группе вулканов и термальным ключам, и его энергией, организовавший Институт вулканологии. Это Г. С. Горшков, впервые определивший положение очага под Ключевским вулканом и высказавший идею о мантийном генезисе андезитов». Доктор г.-м.наук Александр Валерьянович Колосков также назвал выдающимися вулканологами А. Н. Заварицкого, Б. И. Пийпа, В. И. Влодавца [13].

Источники и литература

1. Иванов С. Н., Нечеухин В. М., Ярош П. Я. Геология рудных месторождений. Т. 13. № 4. М., 1971. С. 121–123.
2. Нечеухин В. М., Язева Р. Г. «Ежегодник ИГиГ 1972». Свердловск, 1973. С. 193–194.
3. Сопко П. Ф. «Ежегодник ИГиГ им. А. Н. Заварицкого 1973». Свердловск, 1974. С. 199.
4. Богатиков О. А. Творческое наследие академика А. Н. Заварицкого // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. М.: Наука, 1986. С. 6.
5. Коротеев В. А., Парначев В. П. «Ежегодник ИГиГ 1984». Свердловск, 1985. С. 140–141.
6. Проблемы петрогенезиса и рудобразования // Тез. докл. науч. конф. «Чтения А. Н. Заварицкого» (12–13 марта 1998 г., Екатеринбург), Екатеринбург, 1998. 186 с.
7. Коротеев В. А., Ефимов А. А. «Ежегодник ИГиГ, 1997» Екатеринбург, 1998. С. 222.
8. Палеозоны субдукции: тектоника, магматизм, метаморфизм, седиментогенез. Екатеринбург, 2000. 129 с.
9. Коржинский Д. С., Соболев В. С., Кваша Л. Г., Лазаренко Е. К. 1952, Мин. сб. № 6. С. 305–322.
10. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Л. А. Буториной.
11. Иванов А. А., Иванов С. Н. Академик А. Н. Заварицкий // Уральский рабочий. 1944. 7 апреля – № 85.
12. Соболев В. С., Горшков Г. С. 75 лет со дня рождения А. Н. Заварицкого // Минер. сб. Львовского геол. об-ва, 1959, № 13. С. 423–428.
13. Письма О. А. Гириной Л. А. Буториной.

РОЖДЕНИЕ КНИГИ

При сборе материала об Александре Николаевиче Заварицком, в беседах с людьми, многие меня спрашивали, почему именно о нем я хочу написать книгу. В данном очерке я постараюсь ответить на этот вопрос и рассказать о некоторых моментах сбора материала.

Имя А. Н. Заварицкого мне, учителю географии средней школы, было известно, т. к. в институте нас учили и азам геологии. Тем более, что работала я в г. Миассе Челябинской области, любила свой край, посещала по мере возможности краеведческие музеи, а в некоторых из них в разделах геологии упоминалось имя Александра Николаевича Заварицкого. Но вот в 1979 году судьба привела меня работать в Ильменский заповедник. Это был год перед 60-летием со дня его образования, готовились статьи, выступления. В одной из статей директор заповедника, к. г.-м. н. (ныне академик РАН) В. А. Коротеев работы Александра Николаевича Заварицкого неоднократно называл классическими, а его геологическую съемку Ильмен – «непревзойденной в XX веке». В знак благодарности за такую работу сотрудники Ильменского заповедника сделали из полированных камней геологическую карту Ильмен, выполненную А. Н. Заварицким. Эта карта в 1979 году демонстрировалась в Германии на Лейпцигской ярмарке, а затем была установлена в музее Ильменского заповедника. Все это вызывало у меня еще большее уважение к личности Александра Николаевича и увеличивало мое желание полнее узнать о нем, о его жизни и деятельности.

Не сразу я смогла удовлетворить свое любопытство. Поиски данных о жизни и научной деятельности организаторов Ильменского заповедника члена-корреспондента АН СССР Николая Михайловича Федоровского и академика Александра Евгеньевича Ферсмана, чьи юбилейные даты были «на носу», не оставляли времени для Александра Николаевича. Незаметно подошел 1984 год, год столетия со дня рождения А. Н. Заварицкого. Начала собирать литературу о нем, его научные труды. Со вторыми было не трудно: многотомное издание имелось в библиотеке заповедника. Были и отдельные монографические работы. Научные труды Александра Николаевича я видела во многих библиотеках Урала, а вот о нем ни одной биографической книги. Правда, сняла копии с десятка статей в различных геологических изданиях об А. Н. Заварицком по случаю его предыдущих юбилеев.

Много уважительного о нем, как разностороннем ученом, но очень мало как о человеке. И фото, почти везде один и тот же портрет: суровый замкнутый интеллигент в очках. Все это внутренне мне не нравилось: так много сделал для страны, даже были Государственные премии и награды, а книги о нем нет. Надо найти родных.

От геологов слышала, что в Москве живет его дочь. Адреса нет. Но, все же, подготавливаю совместно с ученым секретарем заповедника письмо для нее следующего содержания: «Уважаемая Марианна Александровна! Коллектив Ильменского государственного заповедника имени В. И. Ленина с чувством глубокого уважения чтит память об Александре Николаевиче Заварицком, который внес огромный вклад в изучение геологии Ильмен. Его работы являются настольными книгами наших ученых. Для музея заповедника наши сотрудники сделали геологическую карту из каменного материала на основе карты А. Н. Заварицкого. В марте этого года мы проводим расширенное заседание Ученого совета заповедника и Ильменогорской группы Всесоюзного минералогического общества, посвященное 100-летию со дня рождения Александра Николаевича, на котором будут заслушаны доклады о его научной деятельности. К сожалению, мы не располагаем материалами воспоминаний о нем, а хотелось бы представить молодому нашему поколению образ Александра Николаевича и как ученого, и как прекрасного человека. У нас сейчас новое здание музея, мы начали подготовку экспозиций для него, но кроме печатных трудов А. Н. Заварицкого больше никакого материала в заповеднике нет... Мы очень надеемся, что Вы поможете нам документами или их копиями для создания в музее экспозиции об Александре Николаевиче. Хотелось бы получить письмо от Вас к заседанию Ученого совета». Но письмо отправлено не было – адреса нешла...

Весной 1984 г. в честь 100-летия со дня рождения Александра Николаевича в Ильменском заповеднике состоялись научные чтения памяти А. Н. Заварицкого. Их начали проводить с 1972 г. в Свердловске в Институте геологии УНЦ АН СССР, который носит имя Александра Николаевича. Приезд сотни участников, бурные научные дискуссии, широкая дополнительная программа. Участникам чтений повезло, они беседовали с людьми, лично знавшими и работавшими с Александром Николаевичем, слушали их воспоминания. Но для всех других сотрудников заповедника, а также для посетителей музея, работы Александра Николаевича на Урале и, конкретно в Ильменах, неизвестны. Нет в

музее стенда об А. Н. Заварицком, нет и документов. Если бы мне сейчас поручили оформить экспозицию в музее, я бы просто растерялась – так мало материала у меня имеется. Это опубликованные работы Александра Николаевича и прежде всего монография 1939 г. «Геологический и петрографический очерк Ильменского минералогического заповедника и его копей», где во вступительной статье Александр Николаевич пишет о своей работе в заповеднике. Это письмо-воспоминание первого директора Ильменского заповедника Д. И. Руденко, в котором он отмечает большую помощь, которую ему оказали работы А. Н. Заварицкого в Ильменах (газета «Минский рабочий» от 17 марта 1984 г.). Есть упоминания в газетных материалах, что А. Н. Заварицкий готовил и проводил в 1937 г. в заповеднике экскурсию для участников Международного геологического конгресса, и упоминания нескольких человек, что в годы войны Александр Николаевич жил в заповеднике. Есть статья–воспоминание Г. А. Смирнова о последнем приезде Заварицкого на Урал. Как видите, крупницы материала. На юбилейных чтениях не смогли наши сотрудники записать выступления-воспоминания, прозвучавшие в зале, не нашли в заповеднике магнитофона. Спасибо Виктору Григорьевичу Кориневскому, к.г.-м.н., сотруднику лаборатории вулканологии Ильменского заповедника, который сделал фотографии об этих чтениях. Это прекрасный фотодокументальный материал истории, его можно будет использовать в будущем в музее заповедника. И еще одна радость: получила от одного сотрудника заповедника фото из семейного альбома, на котором снят его отец с группой геологов при последнем приезде А. Н. Заварицкого на Урал.

Поиски материалов по истории заповедника и об исследователях Ильмен в архивах страны почти ничего не дали. Но есть и маленькие открытия. В архивах Свердловска и Челябинска встретила рукописные заметки Александра Николаевича по геологическим работам на Южном Урале в двадцатые годы, о значении минеральных богатств Ильмен, а в Златоустовском филиале Челябинского архива хранится большое дело документов, которые раскрывают организационную роль Александра Николаевича в деле заповедания Ильмен.

Не проясняет ситуацию и встреча с 90-летним вулканологом в Москве В. И. Влодавцом, он знает, что дочь А. Н. Заварицкого, Марианна, живет в Москве, недалеко от него, вот и все.

И вот, наконец-то, повезло. Будучи в очередной раз в Москве, я нашла Наталью Георгиевну Барсанову, внучку Владимира Ильича Крыжановского, ученика и соратника Владимира Ивано-

вича Вернадского и Александра Евгеньевича Ферсмана по изучению минеральных богатств Урала, и Ильмен в частности. Разговариваем очень душевно. Наталья Георгиевна вспоминает свое детство, трудное военное время, Ильмены, где жили эвакуированные семьи московских геологов. «А Заварицкого Вы помните?» – спрашиваю я. «А как же! Мы с его дочерью, Марианной, ходили в станционную школу» – отвечает. Сетую на то, что никак не могу ее найти... «Да что Вы! – смеется Барсанова, – Она здесь, недалеко, пойдете к ней 1 января (через два дня наступает 1986 год), будем пить чай с пирожками, Марианна Александровна печет чудные пирожки». Я, конечно, очень рада.

В назначенное время я звоню в дверь названной мне квартиры. Встречает меня высокая, статная, немного полная, старше меня лет на 15, красивая женщина. Одежда ее подчеркивает скромность и вкус хозяйки дома. Пока ждем Наталью Георгиевну, робко представляюсь, рассказываю о цели визита. Марианна Александровна отвлекается по делам в другую комнату и разрешает мне рассмотреть вещи, принадлежащие Александру Николаевичу, так как мы находимся в кабинете ее отца. Их немного: картины, статуэтки, книги, часть мебели – все говорит об изысканности вкуса их владельца. Вернулась Марианна Александровна. Сразу вопросы в лоб: где документы Александра Николаевича, в каком архиве? Почему об Александре Николаевиче, так широко известном геологе, нет биографической книги? Написаны же об А. Е. Ферсмани десятки переизданных биографических книг и воспоминаний... Марианна Александровна с грустью улыбнулась: «Екатерина Тимофеевна Ферсман, недавно ушедшая из жизни, жила на средства, полученные от переизданий книг Александра Евгеньевича и о нем. Мы этого не делали. Документы папы хранятся у меня и у Володи». Так я впервые узнала о сыне Александра Николаевича. Марианна Александровна показывает мне почтовые конверты с портретом А. Н. Заварицкого, фотографию морского корабля-рефрижератора, который носит имя Александра Николаевича, подробно рассказывает о посещении его в Ленинградском торговом порту вместе с Владимиром Александровичем. В голосе Марианны Александровны слышатся нежность, любовь, уважение к брату, она часто повторяет: «Владимир Александрович посмотрит, Владимир Александрович решит, я поговорю с Владимиром Александровичем». Выясняю, что документов личного плана нет, в шкафах только рукописи Александра Николаевича, передавать их в Архив Академии наук в Москве они не хотят. Марианна Александровна желает передать этот материал в Уфу, в краеведческий музей, ведь под Уфой бы-

ло имение Заварицких. Но сначала Владимир Александрович сам еще раз все просмотрит.

Пришла Наталья Георгиевна Барсанова. Разговор перешел в другое русло. Пьем чай из термоса-чайника, впервые мной увиденного и оцененного всеми присутствующими женщинами весьма высоко. Пирожки действительно чудные, тают во рту. Темы разговора различны: о работе, о детях, об искусстве. Но основная тема – воспоминания о годах, проведенных на Урале, спрашивают о знакомых, о школе, в которую ходили из заповедника. Рассказываю подробно, удивительные переплетения жизни, ведь я до прихода в заповедник пять лет работала директором этой школы. Спросила, почему в этих семьях не сохранилась переписка. Наталья Георгиевна ответила: «Мы очень часто бегали к железной дороге, она находилась менее чем в километре от дома. Видели, как на восток везут в теплушках людей. Они бросали записки, завернутые с какими-то тяжелыми предметами. Одну из них я принесла домой. Бабушка побледнела, взяла у меня и сразу в печку выбросила. Наказала, чтобы я никому об этом не говорила и больше писем не поднимала, ведь репрессии против советских людей не прекратились в 37 страшном году, они были и позднее». И в семьях специалистов боялись хранить даже личную переписку, письма могли стать «уликой». Незаметно летело время. Ведущей разговора была Наталья Георгиевна, я задавала вопросы, Марианна Александровна говорила мало. Ее застенчивость, милая улыбка обвораживали. Поздно ночью мои собеседницы проводили меня до метро. Спросили о моих планах на будущее. «Неясно, – ответила я, – у нас новое руководство в заповеднике, и я не знаю, как сложатся мои отношения с ним, может быть, придется уйти». «Не надо, – прозвучал голос Марианны Александровны, в котором мне послышалась не просто просьба, а даже мольба, – не уходите. Кто же напишет книгу об Ильменах и об их исследователях?» Ее голос звучит до сих пор во мне. Я осталась в заповеднике. 1988 год положил начало выходу моих печатных работ об организаторах Ильменского заповедника, о людях, изучавших природные богатства Ильмен. Наступило переломное время и для нашей страны. Мы «перестроились» и в хорошую и в плохую сторону. Была снята строгая цензура с публикаций ильменского материала как секретного. Появились частные издательства и возможность публиковаться в них. Но нищенское существование науки и культуры резко ограничило возможность выезжать в другие города, работать там в архивах и библиотеках, получать фотокопии и

книги по почте. Оставалась простая переписка. Сбор материала о жизни Александра Николаевича Заварицкого растянулся на многие годы...

Пролетел почти год со встречи с Марианной Александровной. И вот, в ноябре, письмо от сына Александра Николаевича: «Многоуважаемая Людмила Аркадьевна! Ваше письмо получил с опозданием, т.к. меня не было в Ленинграде. Я с большим удовольствием помогу Вам в сборе материалов о моем отце. К сожалению, возможностей у меня для этого немного и мне пока не ясно, что конкретно нужно для музея (архива) Ильменского заповедника. Что есть у меня? Мне удалось собрать около 50 фотографий отца. Лично я его снимал всего 5–6 раз, но с остальных фото я сделал негативы. К сожалению, значительная часть этих фото технически выполнена плохо, а для большей части неизвестен точно год съемки.

Далее я собрал почти все оттиски статей и книги, написанные отцом. Небольшие редкие статьи не нужно будет искать в библиотеках, хотя бы для того, чтобы сделать с них фотокопии. Никаких рукописных материалов, документов и т. д. у меня нет. Это все находится у сестры в Москве. Сдачи в архив Академии наук этих материалов, как мне известно, еще не было и фотокопии с некоторых документов я смог бы сделать. В конце этого или в начале будущего года я, вероятно, буду в Москве. Конечно, лучше если бы Вы, приехав в Ленинград и в Москву, лично познакомились с тем, что есть у меня и у сестры. Кроме того, что-нибудь можно найти в Ленинграде во ВСЕГЕИ и в Москве в Геологическом институте АН СССР. С полномочиями от администрации Ильменского заповедника Вам легче получить там какие-либо материалы. Буду ждать от Вас писем. Всего хорошего. Уважающий Вас, В. Заварицкий. 14.11.86 г.».

Через месяц пришла вторая весточка: «Многоуважаемая Людмила Аркадьевна!

Получил Ваше письмо. Как я понял, Вы сейчас составляете план экспозиции в музее по истории изучения заповедника. Относительно работ моего отца Вы, конечно, знаете, что главные его работы по Ильменам опубликованы во 2-ом томе «Избранных сочинений». Я думаю, что в музее на отдельном стенде (витрине) должны быть выставлены все его работы, непосредственно относящиеся к Ильменским горам – оригинал его монографии (1939 г.), оттиски статей (или их фотокопии). Кроме статей, опубликованных во 2 томе, у меня есть: 1) статья о корунде в Ильменах 1920 года с картой, 2) статья о роли изверженных пород в строе-

нии Ильменских гор (1926 г.). Статей к путеводителю к 17 Геол. Конгрессу (1937 г.) у меня нет. Нет и статей о северном окончании Ильмен и районах озер Миассово, Кисегач, Теренкуль (1920 и 1922 годы). Статей 1925 года (о Таловских горах в Миасском районе) и о восточной части Златоустовского округа (1921 г.) я не видел. Они, по-видимому, не имеют непосредственного отношения к заповеднику. Фотокопии имеющихся у меня статей я смогу сделать через некоторое время (если их у Вас нет). Список работ отца о других щелочных комплексах (Бердяуш, Ишим) тоже полезно выставить отдельно от общего библиографического списка. Сами же работы, вероятно, нужно хранить в библиотеке. Пошлю экземпляр последней работы по Ишиму и экземпляр монографии отца 1938 г. по Ильменам. Относительно фотографий я Вам уже писал. Пошлю некоторые фотоотпечатки (плохие, но их можно отретушировать). Три снимка отца я сделал лично в 1943 году в Ильменском заповеднике, так же как и снимок на Новодевичьем кладбище (1953 г.). Иллюстрации к биографии отца: фото родителей, дома в Уфе и т. п. я могу напечатать, если нужно.

Я пытаюсь переснять (собрать) все фотографии отца, но многие, особенно те, на которых он снят с геологами в поле, еще, вероятно, мне неизвестны.

Изучить Ильменские горы отец собирался значительно шире и глубже, особенно петрографию. К сожалению, в 20-х годах он лишился всех полевых дневников, и такой монографии по Ильменам как, например, о Бердяуше или Рай-Изе, он уже не мог сделать. После смерти отца я смог частично ознакомиться с оставшимися непривязанными петрографическими шлифами и убедился в необычайной ценности утраченного материала.

Во время войны в 1942–1943 годах я жил как сотрудник Института геологии АН СССР в Ильменском заповеднике, но работал по Учалинскому колчеданному месторождению и с Ильменским комплексом мне, к сожалению, не пришлось познакомиться. С 1937 года до 1972 я постоянно работал ассистентом и доцентом в Ленинградском Горном институте, но до 1950 года по работам по колчеданам был тесно связан с отцом. К сожалению, непосредственно с ним не пришлось работать. В Свердловске (1944) я следил за изданием его петрохимии, а уже после его смерти (1953) оформлял его монографию об изверженных горных породах и заканчивал (как мог) его работу по Ишиму. Вот, пожалуй, и все, что я могу Вам сообщить. Поздравляю с наступающим Новым годом и желаю Вам всего самого

наилучшего. Уважающий Вас, В. Заварицкий. 27 декабря 86 года.»

Из письма Марианны Александровны от 3 октября 1987 г.: «Наконец могу спокойно сесть и написать письмо: все время, т.е. лето и сентябрь сидела на даче с внуком. Конечно, выбраться не удалось ни к Вам, ни в Уфу. А ведь строила планы: приехать к Вам с фотографиями, из Миасса проехать в Уфу и поговорить с тамошними краеведами, показать им альбом Заварицких, где, может быть, они найдут фотографии людей, интересных для уфимцев. И все полетело кувырком. Перебираюсь в город и начинаю заниматься музейными делами. Я должна получить ходатайство Академии наук Совмину Башкирии об устройстве мемориального кабинета Александра Николаевича в Уфе или в деревне Охлебинино. Если бы удалось создать такой музей!... Постараюсь подвигнуть брата на корреспонденцию с Вами: у него дел немного, но он очень инертен и застенчив, вернее – неконтактен. Его нужно раскачивать. Может быть, если съезжу в Ленинград, это будет легче сделать...».

Но вернемся в Москву в тот далекий 1986 год. Я уходила от Марианны Александровны с мыслью, что Александр Николаевич Заварицкий, судя по встрече с его дочерью, был по природе скромным, застенчивым человеком. Подтверждение моему выводу принесла вторая встреча, но уже в Ленинграде.

Летом 1988 г., будучи проездом в северной столице нашей страны, я позвонила по телефону, полученному от Марианны Александровны. Ответил мягкий мужской голос. Я представилась и попросила разрешение на встречу. Владимир Александрович не возражал и очень подробно, что было весьма кстати для меня, не знавшей Ленинграда, объяснил, как до них доехать, как найти дом и подъезд, как набирать код двери. Для меня, провинциалки, было интересно набирать этот код и услышать голос из квартиры: «Ждите, выхожу». (Через несколько лет о такой входной двери стали мечтать в нашей стране миллионы жителей, а тогда это было непривычно). Через 1–2 минуты дверь открывается и я немею – передо мною стоит живой Александр Николаевич Заварицкий! Так внешне похож сын на отца, что я стою и ничего не могу сказать... Владимир Александрович, не замечая моего смущения, приглашает в квартиру.

Мои впечатления о нем: высокий, стройный, без старческой горбленности – ему 74 года – и без «животика». Волосы седые. Нос горбинкой. Очень скромный, до болезненности замкнут, по словам жены «в гости не любит ходить». Улыбка мягкая и неж-

ность струится из глаз, когда он молча улыбается. Как раньше говорили «интеллигентен». Ненавязчиво предупредителен в движениях, не бросается в глаза его внимательность. В репликах жене голос его звучит мягко, она же вроде бы «ворчит» на своего мужчину. Он помогает ей по хозяйственным делам, в домашних хлопотах, иногда ходит в магазин.

Из письма Владимира Александровича от 30 октября 1988 г.: «Очень жаль, что наша встреча в Ленинграде была столь непродолжительной, и Вы не успели посмотреть все наши «хобби». В начале октября я ездил в Москву. Марьяна просила просмотреть научный материал отца перед сдачей в архив. Она мне раньше говорила, что ближайшая помощница отца Л. Г. Кваша все разобрала и мне нужно только просмотреть. В действительности все оказалось совсем не так. Покойная Лидия Григорьевна Кваша, по существу, ничего не успела сделать, и материал находился в полном беспорядке. Пришлось мне самому взяться за это дело, хотя я еще не совсем отчетливо представляю, что должно быть сдано в архив. Пока за несколько дней мне удалось только собрать все вместе. Общий объем материала значительный и его просмотр займет 10–15 дней, так что мне придется еще 2–3 раза поехать в Москву. Все сейчас находится в стандартных (240 на 350) папках и если сложить их в одну стопку, то высота ее будет 2–2.5 м. После просмотра вероятно сократится на четверть или даже на треть. Много негативов и диапозитивов (на стекле), но похоже, что научная ценность их невелика.

Относительно того, куда сдавать архив, мы пришли к одному выводу. Научные материалы отца должны храниться в каком-либо Научном центре на Урале. Будет ли это Свердловск, Уфа или может быть можно у вас, в Ильменах? Это безразлично. На создание «мемориального музея» в Охлебинино я смотрю пессимистически. Дом наполовину разобран. Заинтересованность уфимцев основана на желании получить этот дом под хранилище чего-то другого. Заинтересованность местных властей основана на желании привлечь туристов, путешествующих по реке Белой, а Марьяна заинтересована сбыть старую мебель. Все это как-то несерьезно. Да и какой может быть кабинет ученого без его книг.

Ту часть книг, которую я взял себе в Ленинград (40–50 книг), я хотел бы передать в какую-нибудь научную библиотеку на периферии (вместе со своими книгами 400–500 томов) для того, чтобы они использовались в работе, а не были «украшением кабинета». Может быть, отдать их в Ильменский заповедник, тем более, что они уже побывали там в

1941–1942 годах. Вопрос только в том, заинтересовано ли ваше начальство в укреплении своей научной библиотеки. В Москве и Ленинграде библиотеки не очень заинтересованы, в чем я убедился, передав около 200 книг в библиотеку института.

Занимаюсь сбором фотографий, где снят отец. Сейчас в альбоме, который Вы видели, уже более 100 снимков. Среди материалов отца обнаружен его личный фотоальбом, который он только начал составлять. По-видимому, этот альбом должен отражать все его экспедиции, начиная с 1910 года. Думаю продолжить его оформление. Снимки действительно очень интересные. Например, виды Соймоновской долины в 1910 г., первая буровая на горе Магнитной в 1911 г. и т.п. Выполнение Вашей просьбы написать о пребывании в Ильменах в 1941–1943 гг. вынужден теперь отложить по крайней мере до весны. В своей работе Вы, вероятно, видели в архивах материалы разных ученых. Не смогли бы Вы кратко описать, что это такое, т. е. как-то ответить на мучающий меня вопрос – что нужно сдавать в архив? Буду Вам очень благодарен за это...».

Из письма В. А. Заварицкого от 30 июня 1989 г.: «У меня подобраны по годам опубликованные почти все его мелкие статьи, переплетены в 5 томов по 300–400 страниц. Это же отец начал делать сам еще при жизни. У Марьяны еще 2 тома такие, но менее полные. К сожалению, оттисков статей за годы 1914–1920 у отца, по-видимому, вообще не было. Не удалось сделать фотокопии этих статей и мне. Как раз в эти годы опубликованы его статьи по Ильменам и, вообще, по Златоустовскому горному округу, преимущественно в «Известиях Геолкома». Название статей Вы найдете в библиографическом списке в первом томе Сочинений (этот список наиболее полный и более или менее точный). О материале по Ильменам, который сохранился и находится у Марьяны, я расскажу при встрече или напишу как-нибудь позднее. Мне кажется, из него можно извлечь многое. Осенью или зимой я, вероятно, опять поеду в Москву, чтобы закончить там работу по архиву...».

Следующая встреча с сыном А. Н. Заварицкого состоялась 10 апреля 1990 г. Тогда я узнала, что Владимир Александрович родился в С.-Петербурге в 1914 году. Жена, Тамара Васильевна, геолог, с ним во втором браке, детей нет. От первого брака у Тамары Васильевны сын в Донецке, инженер, программист-компьютерщик, внучка Аня, студентка геологического факультета Политехнического института, привлекли романтические фото бабушки-геолога. Владимир Александрович – кандидат геолого-минералогических наук, преподавал в Ленинградском горном ин-

ституте 33 года, читал петрографию, очень взыскателен и совестлив – внутренний разлад между действительностью и совестью, душевный дискомфорт, заставили покинуть Горный институт. Ушел на пенсию в возрасте 72 лет.

Живут очень скромно. Звание кандидата наук и преподавательская работа капитала Владимиру Александровичу не сделали, только и всего, что смогли купить кооперативную квартиру. К весьма скромной пенсии существенные добавки дает урожай сада в пригороде Ленинграда, где они вдвоем проводят время с мая по октябрь, приезжая лишь раз в месяц за пенсией и продуктами. Очень приветливы, приглашают приезжать в Ленинград с семьей, но не в летнее время.

У Владимира Александровича издана совместная с Александром Николаевичем работа «Петрография Ишимского щелочного массива» (М.: Наука, 1973. 184 с.). Сын закончил неизданный труд, было Постановление Президиума АН СССР об издании этой монографии после смерти А. Н. Заварицкого. Владимир Александрович сразу же ее доработал и через сестру передал в Москву, в Редакционно-издательский совет АН СССР. Не издавали книгу десять лет (курировал в то время эту работу в АН СССР А. Л. Яншин), Марианна Александровна очень удивлялась, почему работу так долго держат? Видимо, чиновники не хотели выплачивать гонорар наследникам, который должен был поступать в течение 15 лет. Но Владимир Александрович и не настаивал, книга была оформлена как госбюджетная тема, и все анализы проводились в Горном институте.

Владимир Александрович очень жалеет, что сразу после смерти Александра Николаевича не занялся его архивом, доверился Л. Г. Кваша, как специалисту. Когда ее помощники перевозили рукописи с дачи на квартиру, перепутали листы и работы, и пришлось Владимиру Александровичу все проверять и восстанавливать. Теперь эти материалы у Марианны в Москве.

Показала Владимиру Александровичу свой препринт (брошюру) «Вклад Николая Михайловича Федоровского в организацию Ильменского заповедника», как пример издания в Уральском научном центре АН СССР. Владимир Александрович сказал мне, что он впервые слышит эту фамилию, ничего о нем не знает, попросил оставить, чтобы почитать. Значит, мелькает у меня мысль, А. Н. Заварицкий никогда не называл Н. М. Федоровского в разговорах с сыном? Почему? Ведь они были лично знакомы и Ильмены их соединяли не один раз, последний – при подготовке и проведении Международной экскурсии 1937 года. Что за этим стоит? Арест Н. М. Федоровского в 1937 г. или принадлежность

Николая Михайловича к партии большевиков и высшему руководству страны? Вообще, Владимир Александрович одобряет создание Ильменского заповедника, так как горный комплекс уникален. Считает, что надо было включить в территорию Ильменского заповедника и Вишневые горы, жалко, что промышленные разработки уничтожают их. О деятельности Александра Николаевича по организации Ильменского заповедника (документы я нашла в Златоустовском архиве) сыну ничего не известно.

11 апреля 1990 года. После моей беготни по городу – библиотек, архивов, встреч с людьми, приятно насладиться чашкой чая у Заварицких, где я чувствую себя уже почти как дома. Переходим в комнату. Владимир Александрович показывает мне на ватмане нарисованное генеалогическое дерево рода Заварицких. Он переписывается со многими родными, хочет иметь все фотографии.

Когда Александр Николаевич умер, его библиотеку с согласия Владимира Александровича Марианна продала в Новосибирск. Он же оставил себе словари и справочники (позднее сам Владимир Александрович подарил свою библиотеку, в том числе и оставшиеся книги Александра Николаевича, в библиотеку Ильменского заповедника). В 4-томник «Избранные произведения», изданный Академией наук в 50-е годы, вошли почти все работы Александра Николаевича. Не вошло несколько ранее изданных статей, Владимир Александрович знает их место издания, но ксерокопий работ не имеет, труден доступ к ним, необходимо разрешение на ксерокопирование, да и финансовая сторона влияет. У Марианны Александровны осталась архив, в основном работы, подготовленные к печати, или рукописи изданных работ, переданные ею позднее в Архив РАН (Москва).

Спросила Владимира Александровича, почему интерес Александра Николаевича, рудного геолога, с Урала перешел на вулканы Камчатки, мне, не специалисту, это было непонятно. Владимир Александрович объясняет, что рудоносные породы связаны рождением с вулканами. Урал, Камчатка, Армения – все они имеют рудоносные породы. На Урале их происхождение плохо видно, а в Армении «бомбы» на дневной поверхности. Когда Александр Николаевич был на Кавказе, его принимали по обычаю с великолепием – ведь приезжал академик!

Спрашиваю о «геологических знаменитостях». Владимир Александрович вспоминает только встречи Александра Николаевича с Дмитрием Степановичем Белянкиным. Когда тот жил в Ленинграде, то часто заходил к Заварицким. Очень уважал Алек-

сандра Николаевича, дарил ему свои книги с автографами, а в научном плане они вели горячую дискуссию по некоторым вопросам.

К сожалению, погостить у Владимира Александровича мне больше не пришлось, но связь мы поддерживали редкой перепиской.

10 апреля 1991 г.: «...у меня сохранились шлифы ильменских горных пород (часть коллекции отца). Они входят в мою коллекцию (которую я намерен в дальнейшем передать или завещать заповеднику). Выделять я их пока не хочу. На каждом шлифе № алмазным карандашом, соответствующий № обнажения в утерянных полевых дневниках отца и сохранившихся дневниках его помощников. Эти дневники и, так называемые, пикетажные книжки, по которым можно определить место взятия образцов, находятся в Москве. Я это сделать не могу, т. к. у меня нет достаточно детальной карты заповедника, и я не знаю местных названий (типа «Аптекарский лог»). Если геологи заповедника обработают сохранившиеся дневники и пикетажные книжки и нанесут на карту №№, то какая-то часть шлифов окажется привязанной к местности. Тогда мне не трудно будет дать детальное петрографическое описание ильменских горных пород. Со своей стороны я к осени составлю перечень №№, которые есть у меня. Я не уверен, что эта затея будет успешной, но попробовать все же можно...».

Из письма от 25 декабря 1991 г.: «Огромное Вам спасибо за все хлопоты, связанные с перевозкой книг и микроскопа отца в Ильмены. Я, как только машина ушла, почувствовал громадное облегчение. Теперь я спокоен, что книги не пропадут и еще послужат людям. Надеюсь, что Вы мне напишете, в каком состоянии все доехало. Вообще все произошло как-то неожиданно. Я не успел даже написать Марианне в Москву. А как бы было хорошо, если бы эта машина захватила и все 65 папок с архивными материалами. Конечно, каждую папку мне следовало бы еще посмотреть, но едва ли это уже удастся. Сейчас задача «выжить!» становится все менее и менее реальной. Сейчас вынужден прекратить все свои занятия и увлечения. Все дневное время уходит на очереди, чтобы добыть какое-то пропитание, в нашем возрасте ежедневно простоять 5–6 часов физически уже трудно. Из Москвы пока ничего не пишут. Похоже, что и там ситуация не лучше...».

13 февраля 1992 г.: «Дорогая Людмила Аркадьевна! Получили Ваше письмо и очень жалею, что Вам не удалось к нам заехать. Мы сейчас и не мечтаем куда-нибудь поехать. Для нас по-

лучить письмо уже большая радость. Теперь такое время, что все заняты своими проблемами и всем не до писем... Как ускорить передачу в заповедник архива отца, пока не знаю. Ехать в Москву, уговаривать Марианну и мне трудно и ей не до этого... О состоянии архивного материала отца я Вам уже писал. Весь материал занимает один книжный шкаф, т.е. по объему примерно столько же, сколько я передал в заповедник книг. Всего 65 обычных канцелярских папок (№№ 1–79, но 14 пустые). Что находится в каждой папке, указано в списке, один экземпляр которого у Марианны, другой у меня и всегда можно сделать копию. Материал, касающийся Ильмен, в 6 папках. Вы знаете, что большая часть материала по Ильменам погибла в декабре 1929 года. Остались: 1) пикетажные книжки (папка 22 и 23), 2) полевые дневники геологов, помогавших отцу в геологической съемке (папка 41), 3) старые топографические и другие карты (папка 46 и 70) и, 4) рукопись (в машинописи) опубликованной книги о заповеднике (папка 57).

Утрачено главное: 1) полевые дневники самого отца и 2) черновые полевые карты (планшеты масштаба 1:10000), на которые наносились выходы горных пород, т. е. №№ обнажений, образцов и шлифов. Я долго думал, зачем отец хранил оставшиеся материалы, и пришел к заключению, что он все-таки надеялся восстановить утраченные черновики геологической карты, без которых были бесполезны и хранившиеся у него шлифы и вообще всякое продолжение работ по Ильменам. По инструкциям Геолкома того времени, геолог при съемке должен был не только описать выход горной породы в полевом дневнике, но и дать ему порядковый № образца, который должен быть тем же, что и № образца и шлифа. Этот номер повторялся и в пикетажной книжке, в которой указывалось и местонахождение выхода. На черновой карте этот выход обозначался тем же номером. Таким образом, в принципе возможно по пикетажным книжкам (а не только по полевым дневникам) нанести на карту место взятия образца (по существу такую работу я провел по Ишиму после смерти отца). Я внимательно просмотрел пикетажные книжки и убедился, что в этом случае мне это не сделать, во-первых, из-за объема материала (6 полевых сезонов – 1917, 1918, 1926, 1927, 1928, 1929 годы) а, главное, что в книжках часто упоминаются чисто местные названия и для этого нужно очень хорошо знать заповедник. О том, есть ли смысл восстанавливать черновые планшеты геологической карты, я напишу в другой раз.

Мне очень хотелось бы поговорить с Вами об архивных делах, но, видно, не судьба. Может быть еще и рано. Ведь еще нет нового законодательства об архивах России. О том, какая жизнь в Миассе, я уже не спрашиваю. Всюду одно и то же. Безумные цены при дефиците продуктов, лекарств и элементарных услуг. Мы пока держимся, но что будет дальше – неизвестно...».

12 июля 1994 г.: «...относительно воспоминаний об отце. Специально о нем я не писал, но уже написал большую книгу воспоминаний о своей жизни. При перепечатке на машинке постараюсь сделать лишнюю копию тех мест, которые касаются отца. Будет, наверное, несколько десятков страниц. Нужно будет только как-то свести рукописные места в единое целое. Зимой буду печатать фото для этой книги. Ведь негативы все сохранились. Какие есть шансы переправить материалы отца в заповедник? Если появится возможность, приезжайте к нам в гости».

2 октября 1994 г., от Марианны Александровны: «...Спасибо большое за статью и фото. Так бы хотелось пройти по заповеднику и увидеть все своими глазами. Как Вы знаете, мы переехали, в связи с этим встает вопрос об архиве. Очень бы хотелось передать его заповеднику. Сможет заповедник взять его? Как у вас с транспортом? Если невозможно в Заповедник, свяжусь с архивом Академии наук. У меня кроме рукописных материалов есть книги с папиными пометками, немного шлифов, карты. В общем, это объем в полтора шведских шкафа. Владимир Александрович в свое время разобрал все и систематизировал, хотел приехать еще, почистить кое-что. Но это уж от излишнего старания...».

23 декабря 1994 г., от Владимира Александровича: «...Только что получил письмо от Марьяны. Она совсем запуталась с хлопотами по устройству на новой квартире. Кажется, она Вам писала, что не изменила своего решения отправить архив отца в Ильменский заповедник, но не знает, как это осуществить. Собирается разговаривать с каким-то академическим начальством по фамилии Месяц (от автора: председатель Уральского отделения РАН). Я для Вас напечатал свои воспоминания об отце (около 30 машинописных страниц) и тоже не знаю, как отправлять. Хорошо бы с кем-нибудь. Может быть, из заповедника кто-нибудь приедет в Питер и сможет зайти к нам. Очень бы хотелось отправить в заповедник большую книгу. Дело в том, что вместе с другими книгами я отправил тогда вторую часть работы

Н. К. Высоцкого по платине (издание 1913 г.), а первая случайно осталась у меня.

Если архив отца все-таки попадет в заповедник, то я должен отправить туда и его фотоальбом. Все это по почте послать трудно (книга 3 кг, альбом 4.5 кг). Посылаю Вам фото того дома, где отец жил в заповеднике с конца 1941 г. по март 1943. Я не знаю, сразу же его поселили в этом доме после отъезда из дома лесничего на северном берегу озера Большое Миассово, где он жил лето 1941 года. Где-то рядом был сарай, в котором были дрова и там же держали корову. Подробнее об этом расскажет Марьяна...». Марианна Александровна позднее пояснила, что корову держали с весны 1942 г., когда жили уже на центральной базе Заповедника.

25 декабря 1995 г.: «Для Вас у меня хранятся выдержки из моих «Воспоминаний» об отце. Писать что-либо специально об отце не собираюсь. Это очень ответственная работа, а я его так мало знаю.

У нас все по-прежнему. Много времени и сил занимает са-мообслуживание. О научной работе и не думаю. Никому она теперь не нужна...».

Воспоминания Владимира Александровича привез мне из Санкт-Петербурга сотрудник заповедника (ныне Института минералогии) доктор г.-м. наук, председатель Ильменского отделения Минералогического Общества России, Владимир Анатольевич Попов, а книгу, о которой выше писал Владимир Александрович, секретарь этого отделения, тоже сотрудник заповедника, затем Института минералогии, кандидат г.-м. наук, Сергей Сергеевич Потапов. Он же позднее привез мне и фото стенда об Александр Николаевиче в Горном институте Петербурга.

Годы летели незаметно... Трудности жизни, нехватка финансов затягивали мою работу над монографией «Ильменский заповедник в отечественной науке 20 века». Сбор материала о людях, изучавших Ильмены, занимал очень много времени, ведь их было более двух сотен, вложивших свой труд в изучение природы нашего заповедника. В 1993 году удалось издать книгу: «Биологи - исследователи Ильмен», в которую вошли 46 персоналий. Книга о геологах все откладывалась, ведь их было в пять раз больше, чем биологов, она была издана только в 2004 году.

Переписка с детьми А. Н. Заварицкого становилась все реже и носила личный характер. Но вот в 1998 году обстоятельства изменились. В Институте геологии и геохимии имени А. Н. Заварицкого УрО РАН в городе Екатеринбурге восстановили проведе-

ние научных чтений памяти ученого, и они приобрели статус международных. Пригласили и меня участвовать в этих совещаниях. К этому времени я получила воспоминания Владимира Александровича, часть фотографий из его альбома. Документы Марианна Александровна сдала в Москве в Архив Академии наук, так как условия хранения архивных материалов в заповеднике были очень плохие. В 1999 г. она переслала мне отдельные документы Александра Николаевича и копии, полученные уже из московского архива. Эти материалы я использовала в своих выступлениях на чтениях: 1998 г. – «А. Н. Заварицкий на Урале», 1999 г. – «Корни и древо Заварицких», 2000 г. – «Вдали от разрывов снарядов. А. Н. Заварицкий в годы войны на Урале». И вот хорошая новость – заместитель директора института по научной работе А. В. Маслов предложил финансовую помощь для издания книги об Александре Николаевиче. Неужели моя мечта осуществится?

И, действительно, были взяты в институт фотографии и некоторые документы для подготовки к печати. Я приступила к работе над текстом ...

Из письма Владимира Александровича от 24 декабря 2000 г.: «Предполагаемый выход в свет книги об отце могу только приветствовать, хотя едва ли удастся показать, насколько сложна была его жизнь. Я с удовольствием помогу Вам, в чем смогу. Пишите. Задавайте больше вопросов. Главное, избежать ошибок и неточностей, которые могут совершенно изменить смысл. Жду Ваших писем».

Из письма В. А. Заварицкого от 22 января 2001 г.: «...Относительно будущей Вашей книги об отце. Есть ли у Вас общий план работы? Представляете ли себе основное ее содержание? Это ведь, прежде всего, нужно обсудить с людьми, знавшими отца. В заключение, очень прошу Вас простить меня за столь «жесткую» («разгромную») критику Вашей статьи. Я искренне переживаю все Ваши неудачи. Меня, конечно, огорчает, что я не мог сам заняться историей жизни отца и своей родословной. По существу, я ведь ничего не сделал. Собирал то, что добывали другие, делился этим со всеми (в том числе и с Вами), но не могу оставаться равнодушным к успехам или неудачам других. Не обижайтесь на меня. Желаю Вам здоровья и всякого благополучия. Уважающий Вас, В. Заварицкий».

Весной 2000 г. к работе по сбору материала об Александре Николаевиче Заварицком подключается его внук, адрес которого мне, наконец-то, прислал Владимир Александрович. Внука в честь деда тоже зовут Александром. Александр Дмитриевич пи-

шет: «Глубокоуважаемая Людмила Аркадьевна! Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за те усилия, которые Вы прилагаете, собирая материал об Александре Николаевиче и всей нашей семье. Мы рады видеть Вас в Петербурге в любое время. Я готов предоставить Вам отдельную квартиру на тот срок, который необходим для работы. В С.-Петербурге две линии от общего прапрадеда. Многие знает моя мама...». Итак, круг расширяется. Это поможет закрыть некоторые пятна и, конечно, поставит новые вопросы...

В это же время завязалась переписка с директором музея-гимназии города Уфы, где учился Александр Николаевич, Маргаритой Александровной Куцан. Она прислала вырезки из местных газет, некоторые фото, данные о жизнедеятельности А. Н. Заварицкого, в которых были и ошибки. Ее адрес дал мне Владислав Аркадьевич Троицкий, журналист из Уфы, который хотел писать о Заварицких, прочитав мою статью о них «Корни и древо». Но весной 2000 года я получила от него письмо следующего содержания: «30 марта. Здравствуйте, уважаемая Людмила Аркадьевна! Очень рад был получить Ваше письмо.

К сожалению, от темы Заварицкого я отошел: для того, чтобы писать, как я первоначально планировал, статью для журнала, у меня не хватает ни времени, ни материалов, ни опыта работы с архивами и т. д. Правда, сейчас Эмир Зуфарович Гареев, копию статьи которого я Вам высылаю, подал мне идею написать для газеты. Пока это более реально. Если соберусь, вероятно обращусь к Вам за помощью. Ваши «белые пятна», какие смогу, попытаюсь закрыть – когда будет время. Всего Вам доброго. В. Троицкий». Так круг моих корреспондентов постепенно расширялся.

К работе над темой «Александр Николаевич Заварицкий» подключились и мои давние помощники по кружку юных геологов Ирины Михайловны Панфиловой из Клуба юных техников машгородка Миасса. Саша Попов начал работать над темой «А. Н. Заварицкий в Миассе», а Ваня Кулешов – «Имя А. Н. Заварицкого на карте». С этими докладами они выступили и в своей школе № 10, где учились в 8 классе, и на городской конференции Научного общества учащихся. В апреле 2001 года они с группой юных геологов ездили в Санкт-Петербург, там тоже выступали. Ходили на экскурсию в музей Горного института, но фотографии не привезли. Но несколько снимков сделали дома у Владимира Александровича Заварицкого, которого навестили с Ириной Михайловной.

В 2001 г. у меня появилась финансовая возможность после получения гранта РФФИ-Урал «Роль естествоиспытателей Рос-

сии в изучении природных богатств Южного Урала» поработать в библиотеках Екатеринбурга и Челябинска. В них я почерпнула материал о Международном геологическом конгрессе на Урале, собрала копии статей об Александре Николаевиче, библиография которых вместо 34 названий, известных мне в начале работы над темой «А. Н. Заварицкий», теперь насчитывает 117. Сделала копии некоторых его работ, которые не вошли в 4-томник.

Особенно трудно было собирать материал по разделу «Александр Николаевич изучает вулканы и метеориты». Кто только мне ни помогал в этом: и внук Л. А. Кулика, исследователя Тунгусского метеорита, Вячеслав Андреевич Кулик-Павский из Волгограда, и сотрудник ИГиГ из Екатеринбурга Малышев Александр Иванович, из нашего Института минералогии Кабанова Лариса Яковлевна, и из самой Камчатки Гирина Ольга Алексеевна. От них я получала и списки литературы, и сами книги, и фотокопии мест, связанных с именем Александра Николаевича Заварицкого. К этой теме подключилась и сама Марианна Александровна Заварицкая после нашей встречи в Москве летом 2001 года.

Поговорить с Марианной Александровной, как мне хотелось перед нашей встречей, нам не удалось, помешали обстоятельства, не от нас зависящие. Марианна Александровна передала мне некоторые личные предметы Александра Николаевича: портфель, очки, часы, удостоверения различного содержания, корреспонденцию, полученную ими по соболезнованию о смерти Александра Николаевича. Но чем я была очень довольна, это то, что мы сходили с ней на могилу Александра Николаевича на Новодевичьем кладбище в Москве, поклонились его праху и сфотографировались.

Итак, материала все больше и больше, но на вопросы ответов полностью нет, и обобщать разделы пока нет возможности. Подготовка книги все еще находится на стадии сбора документов.

Из письма Александра Дмитриевича Заварицкого, С.-Петербург, 1 сентября 2001 г.: «Передаю сердечный привет от моей мамы. Она очень признательна Вам за тот интерес и работу, касающуюся нашей семьи... Ответы на Ваши вопросы: 1) письма Александра Николаевича не сохранились, уцелело одно письмо (детское), моей мамы, адресованное Александру Николаевичу. 2) Александр Николаевич был человеком «всеядным» - очень любил музыку, в основном русскую классику, в первую очередь П. И. Чайковского, с удовольствием слушал романсы. Читал русскую классику, однако, самого любимого автора мама

назвать не может. К русской живописи тоже проявлял интерес. 3) Александр Николаевич поехал учиться в Горный институт по настоянию своего учителя Высоцкого, гражданского генерала, геолога, работавшего на Урале. Впоследствии они дружили семьями, квартировали на Васильевском острове в С.-Петербурге, жили на одной лестничной площадке. Жена Высоцкого – Александра Николаевна была крестной моей мамы (от автора: было ли знакомство с Высоцким в Уфе – нужна сверка, что-то путается). 4) О жизни Александра Николаевича в Томске почти ничего не известно. Мама утверждает, что в годы революции семья бежала из Петербурга из-за возможных репрессий, но Александр Николаевич был в Томске недолго, так как был отозван в Петербург, и Ольга Ивановна осталась с двумя детьми, и, в конечном итоге, попала в Миасс (от автора: о Томске узнаю впервые, надо делать сверку). Возвращение в Нижний Тагил произошло не позднее 23 года или 22-го. 6) Все люди, связанные с печальными событиями 1952 г., умерли. Врач был постоянным личным врачом Александра Николаевича в поликлинике Академии наук, двоюродный брат, очевидец этих событий – Заварицкий Николай Владимирович».

Поездка в Уфу 11–14 сентября 2001 года. Панфилова Ирина Михайловна, руководитель кружка юных геологов Клуба юных техников ГРЦ г. Миасса, юные геологи, ученики 9 класса школы № 10, Попов Саша и Кулешов Иван, которые уже второй год занимаются темой «А. Н. Заварицкий в нашем крае», и я выехали ночным поездом в Уфу. За две недели до выезда я отправила письмо директору школьного музея М. А. Куцан, от которой с весны не имела известий, с просьбой предупредить директора школы о нашем приезде. Ответа не получила, а фамилию директора школы не знала. Поехали на свой страх и риск.

Приехали мы около девяти утра. Моросил дождь. Пока покупали билет на обратный путь, решали вопрос с ночевкой в железнодорожной комнате отдыха, узнавали, как добраться до школы, ждали транспорт (больше часа), прошло полдня. Школу нашли только в половине первого часа дня. И здесь нас ждала скорбная весть: сорок дней назад ушла из жизни Маргарита Александровна Куцан, которая присылала мне материалы школьного музея. Директора, Никитиной Ии Антониновны, в школе нет, она в отпуске. Дежурная провела нас в школьный музей, на наше счастье педагог-художник музея Наталья Сергеевна была на месте, удивилась, что директор, которой передали мое письмо, не позвонила мне. Наталья Сергеевна смогла нам уделить немного времени, рассказала о музее и школе, выдала ог-

ромную папку «Дело А. Н. Заварицкого». Мы внимательно познакомились с материалами стендов, посвященных Елене Ивановне Никуличевой и Маргарите Александровне Куцан, создателям и хранителям этого музея, не пришлось нам увидеть их на этой земле, познакомились только с фото (Никуличевой Е. И. писала Ирина Михайловна в 80-е годы, письма сохранились).

Я стала быстро просматривать материал и давать задания моим помощникам делать выписки. Прав был уфимский журналист Троицкий Владислав Аркадьевич, написав мне два года назад, что как школьный музей, этот музей оформлен неплохо, а вот материалов об Александре Николаевиче очень мало, 90 % это переписка конца 80-х годов Марианны Александровны Заварицкой с Еленой Ивановной Никуличевой о ее желании создать мемориальный музей в Охлебинино и поздравительные открытки Марианны Александровны юным краоведам.

Настроение еще больше испортилось, так как и сфотографировать мы практически ничего не смогли, мальчики не купили по дороге батарейки к своему аппарату, а батарейки в моем аппарате через шесть кадров тоже сели. Стали переписывать на скорую руку часть текстов со стендов, так как хозяйке музея необходимо было уходить.

Немного улучшило настроение гостеприимное отношение педагогов, вкусная еда в школьной столовой, гул и суэта так нам привычной школьной жизни. В пять часов закончили в учительской переписывать материалы, выданные нам из музея.

Дождь перестал. Пошли сами искать места, связанные в Уфе с именем Александра Николаевича Заварицкого. Прежде всего, это дом, построенный на месте бывшей гимназии, и дом, построенный на месте дома Заварицких. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Расстроенные неудачами и краткостью отведенного нам в школе времени, мы не списали точных адресов этих мест (не бросилось в глаза). Помню, что на месте гимназии построен медицинский институт, а на месте дома (улица Ленина, бывшая Дворянская) – Дом культуры нефтяников. Гуляли по вечернему проспекту, осматривали все близлежащие медицинские здания, читали все мемориальные доски и вот вышли на перпендикулярную улицу Фрунзе. Через несколько минут мальчики сообщают, что нашли дом с мемориальной доской об А. Н. Заварицком во дворе дома. Как они догадались заглянуть туда? Вспомнили по записям в Миассе адрес: Фрунзе, 47, увидели этот номер и зашли во двор. Вот что значит память молодых! Завтра придем с фотоаппаратом и сфотографируем.

На другой день, несмотря на мелкий морозящий дождь, мы бродили по Уфе, сфотографировали и медицинский институт с мемориальной доской и здание Дома культуры нефтяников. Расстояние между ними приличное, на дорогу уходит более получаса времени, у Александра Николаевича вместе с братом была возможность подышать воздухом по дороге в гимназию. Вот и закончилось наше маленькое путешествие в Уфу, где прошло детство Александра Николаевича Заварицкого. Ночным поездом мы вернулись в Миасс.

В Уфе хотелось узнать: Название газеты (статья М. Муталова и А. Хусаинова «Исследователь Урала» – по штампу музея школы – № 156). «Геолог Башкирии» – газета или журнал? Кто они – М. Муталов и А. Хусаинов. Ответа не знают в школе. Гимназия периода 1894–1902 года: дух, внеклассная работа, преподаватели, одноклассники. Узнали очень мало. Сделать ксерокопию письма Серебровскому – письмо не нашли. Узнать, в каком году установлена мемориальная доска, по чьему решению (правительства Башкирии или города Уфы), на чьи деньги? В школе не знают. В музее школьном сфотографировать: последний компас Заварицкого (по письму Никуличевой для Панфиловой И. М.), кусочек лавы с вулкана на Камчатке – в музее школьном нам этого не показали. В витрине под стендами лежит компас, но не подписано, кому он принадлежал. Сотрудник музея не знает. Записали некоторый материал из музея Аксаковской школы-лицея г. Уфы.

Из письма Е. Никуличевой: «Одноклассники Вашего папы: Пономарев, Пинкевич, Песляк, Умов, Рябинин – входили в кружок революционного направления, которым руководил Серебровский А. П. Сейчас закажу в архиве документы за 1894–1902 годы, чтобы постараться установить могли ли учиться Серебровский с Вашим папой».

Из письма Е. И. Никуличевой без даты, около 1988 года, Заварицкой М. А.:

«...Документы, заказанные мною в архиве, принесли мне много интересного. Сейчас пишу то, что мне удалось обнаружить об Александре Николаевиче. Во-первых, пути Серебровского и Вашего папы, как и следовало предполагать, переплетались крепко, ведь они учились в гимназии с приготовительного класса 1893–1894 года до февраля 1902 года (уже 8 класс), когда Серебровский выбыл из гимназии по просьбе отца, как поясняет документ жандармского фонда, в результате конфликта, когда исключение Серебровского из гимназии было неизбежным. Конечно, восемь лет совместной учебы сыграли огромную роль, и

поэтому, неудивителен и тот документ из архива, который я видела у Серебровской, в котором Александр Николаевич обращался к Серебровскому по делам, но во многих случаях на «ты», и весьма дружески».

Из записей Никуличевой: «От Петра Петровича Киснемского узнали, что будущий академик Заварицкий учился с ним в одном классе. Дальше Киснемский рассказывал, что дом Заварицких стоял в том же месте квартала, только по параллельной улице (ныне ул. Ленина), и одноклассники общались, пользуясь для этого забором. Второй встречи с П. П. Киснемским не состоялось. После смерти Петра Петровича я встретила с его дочерью Зоей Петровной и его сыном, приехавшим из Новосибирска, геологом В. М. Гавшиным. Документы переданы в Новосибирск».

Из газеты «Вечерняя Уфа», от 10 сентября 1986 г.: «Встреча в школьном музее. Школа № 11 – одна из старейших в Уфе. По праву гордится она своими выпускниками, в числе которых и Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР академик А. Н. Заварицкий, столетие которого мы отметили два года назад. Сегодня в музее истории 11-ой школы состоялась встреча учеников с дочерью знаменитого земляка Марианной Александровной. ...Энтузиасты школьного музея ведут активную переписку со многими выпускниками 11-ой школы, собирают сведения и документы о ее бывших учениках. Давно знакомы они с Марианной Александровной, но приехать в Уфу собралась она впервые. Ребята показали госте свой музей, познакомили с достопримечательностями города, провели по местам, связанным с именем А. Н. Заварицкого. И. Никитина, зам. директора по учебно-воспитательной работе школы № 11».

Из записок Никуличевой: «записано со слов дочери Александра Николаевича – Марианны:

О поездке в Армению. Папа и мама поехали в экспедицию, меня не взяли, так как отец требовал строжайшей дисциплины, и я не должна была пропустить занятия.

Отец и его сестра имели по одному высшему образованию, остальные имели по два высших образования. Отец очень любил иностранные языки и очень легко схватывал особенности произношения.

Отец и его близкие были очень трудолюбивые. Он был всесторонне образован. Читал художественную литературу, философскую. Очень любил писателя Анатоля Франса».

Лето 2002 года. Вот и снова встречи с Заварицкими. Сначала в Москве, с Марианной Александровной. На этот раз нам никто не мешал. Перебрали еще раз фотографии, несколько эк-

земляров она передала мне. Записала подробно из семейного архива данные о сестрах Александра Николаевича и их мужьях. Сделала выписки из книги академика В. И. Смирнова, характеристика которого, данная А. Н. Заварицкому, Марианне Александровне не понравилась. Получила я и два альбома фотографий: «Поездка на Полярный Урал» в 1925 году – это «свадебное путешествие» Екатерины Петровны и Александра Николаевича, в нем несколько ее фотографий, очень жаль, что они плохого качества, и ни одна не подписана. По воспоминаниям Марианны Александровны, эта поездка в полярную экспедицию отбила желание Екатерины Петровны бывать на полевых работах геологов, питание одними консервами не способствовало сохранению здоровья. Второй альбом: «Вулканы Камчатки». Его подарили супруги Горшковы Александру Николаевичу в 1950 году. Жена Г. С. Горшкова, Алевтина Былинкина, через год погибла в кратере вулкана (А. Н. Заварицкий написал о ней статью). Об этом мне рассказала вторая жена Георгия Степановича, Ирина Ивановна Товарова. Она приходила по моей просьбе к Марианне Александровне, и мы провели весь вечер в воспоминаниях о жизни геологов среди вулканов. Эта работа, конечно, интересна, но и очень опасна. Ирина Ивановна обещала посмотреть в своем архиве фото и переписку Георгия Степановича, который в благодарность назвал вулкан на Курилах именем А. Н. Заварицкого. Она подарила мне несколько оттисков статей Г. С. Горшкова, посвященных работам Александра Николаевича.

И вот встреча с Александром Николаевичем Заварицким в С.-Петербурге. Да, именно так. Конечно, не очная. Я приехала, чтобы выступить на международном симпозиуме, который проводил университет. Для участников был организован ряд экскурсий. Я первый раз посетила Центральный научно-исследовательский геологоразведочный (ЦНИГР) музей имени академика Ф. И. Чернышева, который находится в здании ВСЕГЕИ по Среднему проспекту Васильевского острова. Здание, построенное в 1914 г. для Геологического комитета России, действительно, дворец. Мраморные колонны и мраморная лестница украшают трехэтажный вестибюль. На втором этаже бюст А. П. Карпинского, имя которого носит ВСЕГЕИ. По обе стороны 8 мемориальных досок с именами 102 геологов, выдающихся ученых Геолкома. На первой доске с правой стороны – имя Александра Николаевича Заварицкого.

Залы музея впечатляют обилием выставленных экспонатов. Из 1 000 000 образцов горных пород, руд, минералов и окаменелостей около 80 000 выставлены в залах музея. Кто-то спро-

сил экскурсовода, как формировались фонды ЦНИГРИ. Она ответила, что из коллекций сотрудников Геолкома. «А коллекции Александра Николаевича Заварицкого есть?» – спросила я. «Конечно, и не одна. Часть образцов выставлена в экспозиции», – ответила она. Я стала более внимательно смотреть витрины. И вот первая встреча: «Амазонит. Урал. Коллекция А. Н. Заварицкого». Голубовато-зеленый ильменский амазонит был темой научной дискуссии Александра Николаевича с Д. С. Белянкиным.

В другом зале витрина: «Вулканогенно-осадочные стратиформные месторождения Челябинской области». Бакальское месторождение представлено 12 образцами из коллекции А. Н. Заварицкого. В витрине «Осадочно-вулканогенные месторождения» медно-цинково-колчеданная формация Свердловской области представлена 20 образцами из коллекции А. Н. Заварицкого. И еще раз встретила я эту фамилию, когда рассматривала витрину о Магнитогорском рудном месторождении. Но здесь были даны карты и разрезы, составленные Александром Николаевичем.

Экскурсовод посоветовала мне встретиться с главным хранителем музея Светланой Васильевной Раховой, что я и сделала после окончания симпозиума. В музее есть небольшая папка с фотографиями А. Н. Заварицкого. Портрет в музее висит почему-то в зале с динозавром, год и автор портрета неизвестны. В фондах музея хранится 10 коллекций А. Н. Заварицкого, в них более 9000 образцов, переданных с 1912 по 1930 годы. Всего сейчас в фондах музея 13 102 коллекции с более чем миллионом образцов. «Но что примечательно, – обратила мое внимание Светлана Васильевна, – так уж случилось, что в книге поступлений в фонды музея первая запись – коллекция А. Н. Заварицкого. Пермская губерния, Камышловский уезд, Баевка. Вольфрамовые руды и сопровождающие породы. Сдан 121 образец, 6 октября 1916 года. Конечно, коллекции поступали и раньше, но оформлять их поступление стали в 1916 году. Поэтому сборы других геологов и А. Н. Заварицкого за 1912–1913–1914 гг. в книге поступлений записаны позднее».

Остальные дни командировки я работала в библиотеке ВСЕГЕИ. И не напрасно. Пять чудесных женщин помогали мне в работе, особенно я благодарна Жанне Даниловне Качуриной. Выяснилось, что в каталоге библиотеки значится 107 работ А. Н. Заварицкого и 22 работы о нем. В свой список я добавила 5 работ. Мне сделали ксерокопии необходимого материала.

Удалось мне встретиться и с ученым секретарем ВСЕГЕИ Борисом Александровичем Борисовым. Он любезно ответил на мои вопросы и подарил несколько книг об истории ВСЕГЕИ, где есть материал и об Александре Николаевиче Заварицком.

А привело меня к нему желание расшифровать фотографию начала века, переданную мне в прошлом году Марианной Александровной Заварицкой. Никто во ВСЕГЕИ не мог назвать фамилии геологов, изображенных на фото. Но – «кто ищет, тот всегда найдет». Перебирая полученный в библиотеке материал, я на одном снимке к статье А. Н. Заварицкого о К. И. Богдановиче увидела правую половину такой же почти фотографии. Это был снимок преподавателей Горного института 1904 года, когда учился А. Н. Заварицкий. Фамилии пятерых стали известны. Остальных четверых мне назвала через несколько дней Татьяна Алексеевна Русакова, заведующая отделом истории музея Горного института. Такой фотографии у них не было, но она, поработав в своем фонде, назвала и остальных преподавателей. Теперь мы можем видеть и лица, а не только фамилии, учителей Александра Николаевича.

Наконец-то я своими глазами увидела мраморную доску с фамилией А. Заварицкого, успешно закончившего Горный институт. Доски вывесили в Конференц-зале Горного института, куда меня провела Т. А. Русакова, она будет делать книгу о всех выпускниках, занесенных на мемориальные доски.

Татьяна Алексеевна любезно познакомила меня и с личным делом А. Н. Заварицкого, которое хранится в отделе кадров Горного института. Материала очень мало, есть только 3 интересных документа за 1912–1913 годы. Да, очень трудно найти сейчас документы почти столетней давности, две войны, репрессии сталинского времени, когда уничтожались почти все документы. Не удастся мне, видимо, подтвердить воспоминания родных точными данными полностью.

А воспоминаний в этот приезд в Петербург пришлось записать много. Александр Дмитриевич Заварицкий, любезно посвятив мне несколько дней и вечеров, ходил со мной и к своей маме, Татьяне Александровне Заварицкой, и ее брату, Владимиру Александровичу. Владимир Александрович и Тамара Васильевна сильно изменились за эти годы, постарели, Тамара Васильевна все же, несмотря на болезнь, хлопочет по хозяйству. Владимир Александрович правит мои очерки об Александре Николаевиче, разбирает документы, полученные из архивов Александром Дмитриевичем. Еще и еще раз рассматриваем альбом с фото, которых более 500. Многие из них плохого качества, требуют

реставрации, многие не подписаны. Выбрали около трех десятков, которые можно рекомендовать к изданию.

Александр Дмитриевич внешне во многом похож на своего деда, в отличие от старшего внука, Михаила Дмитриевича, с которым мне пока не пришлось лично познакомиться. Да и в жизни проявляется многое от Александра Николаевича: тот же рыцарский образ жизни: отдавать всего себя другим, старание довести любое, хотя бы и самое маленькое, дело до логического конца, интеллигентность и широкий культурный кругозор. Но и от бабушки тоже есть хорошее, перешедшее через Татьяну Александровну, такую же красивую, как и Ольга Ивановна, – мягкость в облике, доброта, внимание и благодарность к окружающим.

Александр Дмитриевич много делает, чтобы сохранить память об Александре Николаевиче для потомков, реставрирует фото, уточняет факты и события. Подарил мне цветной рисунок герба Заварицких, объяснил значение символов. Если бы не его помощь, я не смогла бы сделать и десятую долю того, что сделала в эту поездку. Теперь дело за мной, надо обрабатывать материал и готовить очерки, воспоминания, документы и фото к изданию.

Жизнь Александра Николаевича Заварицкого прошла в соответствии с девизом Горного института: «Усердие к услуге отечества и к пользе онаго любовь». И это я должна показать читателям книги.

ЛИТЕРАТУРА о ЗАВАРИЦКОМ А. Н. и о значении его работ

1939

1. Ферсман А. Е. Новые силы в составе Академии наук СССР // Природа, 1939. № 6. С. 17.

2. Шапиро И. Я. Действительный член Академии наук СССР А. Н. Заварицкий. М., 1939.

1944

3. Бетехтин А. Г. О научной деятельности академика А. Н. Заварицкого // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1944. № 5. С. 3–11.

4. Шестидесятилетие академика А. Н. Заварицкого // Вест. АН СССР. 1944. № 6. С. 105–106.

1946

5. Асафова Н. М., Исакова О. В Александр Николаевич Заварицкий: Матер. к библиогр. ученых СССР. Сер. геол. наук. Вып. 7. М.-Л., 1946. 40 с.

6. Привет советским геологам – лауреатам Сталинской премии // Разведка недр, 1946. № 2. С. 3–5.

1948

7. В авангарде горной науки и техники // Горн. журн. 1948. № 11. С. 10–11.

8. Вестник АН СССР. 1948. № 11. С. 76–77, 92. Краткие информации.

9. Русские путешественники // Вокруг света, 1948. № 6. С. 4.

10. Шафрановский И. И. Факультеты и кафедры Ленинградского ордена Ленина Горного института за 30 лет Советской власти // Ленинградский ордена Ленина Горный институт за 30 лет Советской власти (1917–1947) Л., 1948.

1949

11. Крыжановский В. И. История изучения Ильменских гор // Минералы Ильменского заповедника. М.-Л., 1949. С. 44, 52–54, 70–74.

12. Апрельская сессия отделения геолого-географических наук // Вест. АН СССР, 1949. № 6. С. 116–118.

13. Выступления по докладам А. Н. Заварицкого и Н. В. Белова // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1949. № 6. С. 234–235.

14. Общее собрание АН СССР, июльская сессия // Вестн. АН СССР, 1949. № 7. С. 49–57, 121–122.
- 1950
15. Вторая метеоритная конференция // Природа, 1950. № 12. С. 70.
- 1951
16. Изв. АН СССР. Сер. геол. 1951. № 1. С. 158–159.
17. Бетехтин А. Г. Курс минералогии. Вклад отечественных ученых в минералогию. М., 1951 (о Заварицком С. 514).
- 1952
18. Александр Николаевич Заварицкий // БСЭ, 2 изд. 1952. Т. 16. С. 282–283.
19. А. Н. Заварицкий // Вест. АН СССР, 1952. № 8. С. 85.
20. Бетехтин А. Г. Заварицкий (некролог) // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1952. № 5. С. 3–5.
21. Коржинский Д. С. и др. Памяти Александра Николаевича Заварицкого. Потери науки // Минер. сб. Львовск. геол. об-ва, 1952. № 6. С. 305–322.
22. Лазерт В. И. Применение векторной диаграммы А. Н. Заварицкого в гидрохимии // Зап. Узб.ВМО. Ташкент, 1952. Вып. 1.
23. Присуждение Почетного отзыва Всесоюз. Минерал. общества за работы по полезным ископаемым // ЗВМО, 1952. Ч. 81. Вып. 4. С. 318–319.
- 1953
24. Александр Николаевич Заварицкий (некролог) // ЗВМО. Сер. 2. 1953. Ч. 82. Вып. 2. С. 84–87.
25. Бетехтин А. Г. О работах А. Н. Заварицкого в области учения о рудных месторождениях // Там же. С. 98–104.
26. Влодавец В. И. Академик Александр Николаевич Заварицкий (1884–1952) // Бюлл. Вулканол. Станции, 1953. № 4. С. 3–4.
27. Заварицкий А. Н. Энциклопедический словарь (в 3-х т.) М., 1953. Т. 1. С. 622.
28. Кузнецов Е. А. Александр Николаевич Заварицкий. // Бюлл. МОИП. Нов. сер. 1953. Т. 58. Отд. Моск. Вып. 4. С. 81–83.
29. Николаев В. А., Соловьев С. П. Труды А. Н. Заварицкого в области петрографии // ЗВМО. Сер. 2. 1953. Ч. 82. Вып. 2. С. 88–97.
30. Нилова Ю., Павлов П. Александр Николаевич Заварицкий // Природа и знание, 1953. Т. 6.

31. Сергеев К. Книга о метеоритах // Наука и жизнь, 1953. № 4. С. 45–46.

32. Соколов Г. А. О роли А. Н. Заварицкого в исследовании рудных месторождений (аннотиров. доклад на заседании Минерал. Секции МОИП 30. 10. 1952 г.) // Бюлл. МОИП. Т. 58. 1953 отд. геол. Т. 28. Вып. 1. С. 82.

33. Шафрановский И. И. и др. Работы А. Н. Заварицкого по кристаллографии // ЗВМО. Сер. 2. 1953. Ч. 82. Вып. 2. С. 105–108.

1954

34. Горшков Г. С., Кваша Л. Г., Пийп Б. И. Александр Николаевич Заварицкий // Тр. Лаб. Вулканологии АН СССР, 1954. Вып. 8. С. 5–17.

35. Щербина В. В. Успехи современной науки о рудных месторождениях // Вестн. АН СССР, 1954. № 9. С. 99–103.

1955

36. Кваша Л. Г. О работе А. Н. Заварицкого по метеоритике // Метеоритика, 1955. Вып. 12. С. 75–82.

1956

37. Бетехтин А. Г., Соболев В. С. и др. О научной деятельности А. Н. Заварицкого // А. Н. Заварицкий. / Избр. Труды. Т. 1 М., 1956. С. 4–45.

38. Соболев Н. Д. О книге акад. А. Н. Заварицкого «Изверженные горные породы» // Изв. АН СССР. Сер. геол., 1956. № 5. С. 104–108.

39. Тихомиров В. В., Хаин В. В. Краткий очерк истории геологии. М., 1956. (о Заварицком А. Н. С. 234).

1957

40. Вклад ведущих русских геологов и их роль в геологии. – Пекин, 1957. [текст на китайском языке] (о Заварицком А. Н. С. 295–322).

41. Заварицкий А. Н. // Ленинградский энциклопедический справочник М.-Л., 1957. С. 517.

1958

42. Заварицкий А. Н. // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М.: БСЭ, 1958. Т. 2. С. 349–350.

43. Смирнов В. И. Руда из магмы // Природа, 1958. № 7. С. 51–54.

1959

44. Заварицкий А. Н. Ежегодник БСЭ, 1959. С. 645.

45. Заварицкий А. Н. // МСЭ, 1959. Т. 3. С. 961.

46. Памяти академика А.Н. Заварицкого (к 75-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1959. № 7. С. 128.

47. Соболев В. С., Горшков Г. С. 75 лет со дня рождения А. Н. Заварицкого // Минер. сб. Львовского геол. об-ва, 1959. № 13. С. 423–428.

48. Тихомиров В. В., Софиано Т. А. 75 лет со дня рождения А. Н. Заварицкого // Советская геология, 1959. № 7. С. 157.

1960

49. Соловьев С. П. Петрологические вопросы в трудах А. Н. Заварицкого // ЗВМО. Сер. 2. 1960. Ч. 89. Вып. 1. С. 82–89.

1961

50. Гидротермальные процессы и минералообразование в областях активного вулканизма: Труды симпозиума, посвященного памяти акад. А. Н. Заварицкого 23–26 марта 1960. М., 1961. 184 с. // Тр. Лаб. вулканизма, вып. 19.

51. Кваша Л. Г. О работах А. Н. Заварицкого по игнимбри-там // Тр. лаб. вулканологии, 1961. Вып. 20. С. 5–8.

52. Туфолавы и игнимбриты: Труды симпозиума, посвященного памяти академика А. Н. Заварицкого 12–14 апреля 1961 года. М., 1961 // Тр. лаб. вулканологии АН СССР, вып. 20.

1962

53. Набоко С. И. Александр Николаевич Заварицкий // Люди русской науки. М., 1962. С. 234–242.

54. Тихомиров В. В., Воскресенская Н. А. Памятные даты на июль-сентябрь 1962 г. // Сов. Геология, 1962. С. 160.

55. Яницкий А. Л., Сергеев О. П. Краткая история геологических исследований в районе месторождений // Бакальские железорудные месторождения и их генезис. / Тр. Ин-та геологии рудных месторождений. Вып. 73. М., 1962. (о А. Н. Заварицком С. 6–7).

1963

56. Влодавец В. И. К истории петрохимических исследований // Петрохимические особенности молодого вулканизма: Материалы симпозиума, посвященного памяти академика А. Н. Заварицкого 22–24 марта 1962 года. М., 1963. С. 3–4.

57. Заварицкий А. Н. Энциклопедический словарь. М., 1963. Т. 1. С. 374.

58. Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров. М.-Л.: АН СССР, 1963 (о Заварицком А. Н. С. 172, 199–203).

1966

59. Заварицкий А. Н. (1884–1952) // Краткая географическая энциклопедия. Т. 5. М., 1966. С. 454.

1967

60. Развитие наук о Земле в СССР. М., 1967. (о Заварицком А. Н. с. 9, 86, 182–185, 190, 198, 204, 208, 209, 223, 225, 234).

61. Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л., 1967. 232 с.

62. Фрадкин Н. И. Географические исследования Сибири и Дальнего Востока (1928–1945) М., 1967. (о Заварицком С. 52, 54, 56).

1968

63. Кумар, Джейн Чоудхри Наренда. О новом способе вычерчивания петрохимических диаграмм А. Н. Заварицкого и Е. А. Кузнецова [статья аспиранта из Индии] // Изв. Высш. Учебн. завед. Геология и разведка. 1968. № 11. С. 154–156.

64. 50 лет советской геологии. М.: Недра, 1968. (о Заварицком А. Н. С. 28, 259, 273, 286, 290, 340).

1969

65. Качанов Е. А. Н. Заварицкий (1884–1952) // Календарь знаменательных и памятных дат Челябинской области, 1969. С. 43–45.

1970

66. Годлевский М. Н. Статистическая обработка петрохимических диаграмм А. Н. Заварицкого для эффузивных горных пород // ЗВМО, 1970. Ч. 99. Вып. 2. С. 178–191.

1971

67. Иванов С. Н., Нечуехина В. М., Ярош П. Я. Чтения памяти А. Н. Заварицкого в Свердловске (16–18.03.71) // Геология рудных месторождений. М., 1971. Т. 13. № 4. С. 121–123.

68. Ленинградский Горный институт за годы Советской власти: очерки. Л., 1971. (о Заварицком С. 27–28, 47–48, 53–54, 178).

1972

69. Александр Николаевич Заварицкий // БСЭ. 3 изд. 1972. Т. 9. С. 267.

70. Водорезов Г. И., Сергиевский В. М. Академик Александр Николаевич Заварицкий // Матер. по геол. и полез. ископ. Южного Урала. Вып. 5. Уфа, 1972. С. 4–11.

71. Гордеев Д. И. История геологических наук. Ч. 2. М., 1972. С. 133–134.

72. Иванов С. Н. Развитие идей А. Н. Заварицкого о происхождении и условиях образования колчеданных месторождений // Проблемы геологии, петрологии, рудогенеза (чтения памяти А. Н. Заварицкого). Свердловск, 1972. С. 3.

73. Левин В. Я. Проблемы происхождения нефелиновых сиенитов Урала // Там же, С. 69–76.

74. Смирнов Г. А. Из воспоминаний о последней поездке академика Александра Николаевича Заварицкого на Урал // Матер. по геол. и полез. ископ. Южного Урала. Вып. 5. Уфа, 1972. С. 257–261.

75. Штейнберг Д. С. Развитие идей А. Н. Заварицкого в области петрологии // Проблемы геологии, петрологии, рудогенеза. Свердловск, 1972. С. 38–44.

1973

76. История геологии. М., 1973. (о А. Н. Заварицком С. 194, 204, 218, 219, 228, 230, 232, 233, 245, 268, 284, 285).

77. Келль Л. Н., Серпухов В. И. Роль ученых Ленинградского горного института в развитии отечественной геологии // Сов. Геология. 1973. № 11. С. 125–126.

78. Нечеухина В. М., Язева Р. Г. Вторые чтения им. Академика А. Н. Заварицкого. 14-15. 03. 1972 // Ежегодник ИГиГ УНЦ АН СССР за 1972 год. Свердловск, 1973. С. 193–194.

1974

79. Елисеев Э. Н. Физико-химическое направление в исследовании природных процессов. // Геологи Ленинградского горного института: очерки по истории геол. знаний. М.: Наука, 1974. Вып 17. С. 110–121.

80. Коржинский Д. С. Воспоминания о Ленинградском горном институте // Там же. С. 189–194.

81. Соловьев С. П. Учение о горных породах в Ленинградском горном институте за 200 лет // Там же. С. 88–109.

82. Сопко П. Ф. Третьи чтения им. акад. А. Н. Заварицкого // Ежегодник ИГиГ УНЦ АН СССР за 1973 год. Свердловск, 1974. С. 199.

1975

83. Хусаинов А. Т. Академик А. Н. Заварицкий в Башкирии // Силуро-девонский вулканизм Южного Урала. Уфа, 1975. Вып. 3. С. 4–6.

1978

84. Ленинградский Горный институт и Академия наук СССР. Л., 1978. (о А. Н. Заварицком С. 13, 23, 27, 28, 35, 114).
1979
85. Капустин В. Камень повествует о камне // Южный Урал, 1979. № 3. С. 184.
1980
86. История геологического института АН. СССР. М., 1980. (о А. Н. Заварицком С. 1, 16, 19, 20, 23).
1981
87. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. (о Заварицком А. Н. С. 40).
1982
88. Громов Л. В., Данильянц С. А. Названное именем геолога. М.: Недра, 1982. О Заварицком С. 12, 20, 31, 67, 74, 98.
89. Соловьев С. П., Соловьев Н. С. Александр Николаевич Заварицкий (1884–1952) // Выдающиеся ученые Геологического Комитета ВСЕГЕИ. Л.: Наука, 1982. С. 128–149.
1983
90. Край наш Южноуральский: библиог. указ. на 1984 год. Челябинск, 1983 С. 4.
1984
91. Богатиков О. А. Академик А. Н. Заварицкий // Вест. АН СССР, 1984. № 3 С. 129–135.
92. Богатиков О. А., Коваленко В. И., Рябчиков И. Д., Цветков А. А. Магматизм зоны перехода континент–океан (развитие идей А. Н. Заварицкого) // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1984. № 6. С. 8–26.
93. Волофсон Ф. И. Вклад академика А. Н. Заварицкого в развитие науки о рудных месторождениях // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1984. № 6. С. 38–44.
94. Груза В. В. На пути к теории петро- и рудогенезиса: к 100-летию со дня рождения академика А. Н. Заварицкого // ЗВМО, 1984. Ч. 113. Вып. 2. С. 217–225.
95. Маракушев А. А. Исследования А. Н. Заварицкого в аспекте современных достижений петрологии // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1984. № 6. С. 28–37.
96. Масайтис В. Л., Румянцева Н. А., Москалева В. Н., Никольская И. П. (ВСЕГЕИ) Научное наследие А. Н. Заварицкого в развитии геологических исследований // Сов. геология. № 10. 1984. С. 113–117.

97. Набоко С. И. Академик А. Н. Заварицкий и его роль в развитии вулканизма: к столетию со дня рождения // Вулканология и сейсмология, 1984. № 2. С. 3–13.

98. Смирнов В. И. А. Н. Заварицкий: к столетию со дня рождения // Геология рудных месторождений. 1984. № 1. С. 104–107.

99. Смирнов В. И. А. Н. Заварицкий (специалист в области геологии, к 100-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1984. № 6. С. 3–7.

100. Смирнов Г. А. Неутомимый исследователь недр (к столетию со дня рождения акад. А. Н. Заварицкого) // Наука в СССР: изд. АН СССР. № 3. 1984. С. 118–123.

1985

101. Доливо-Добровольский В. В., Марин Ю. Б., Строка П. А. Проблемы петро- и рудогенезиса в трудах академика А. Н. Заварицкого // Записки Лен. Горн. Ин-та, 1985. Т. 104. С. 3–8.

102. Коротеев В. А., Парначев В. П. Шестые юбилейные чтения памяти академика А. Н. Заварицкого // Ежегодник ИГиГ УНЦ АН СССР за 1984 год. Свердловск, 1985. С. 140–141.

103. Молявко Г. И., Франчук В. П., Куличенко В. Г. Заварицкий Александр Николаевич // Геологи – географы: биографический справочник. Киев, 1985. С. 352.

104. Шагинян М. Уральский дневник // Новый мир, 1985. № 5. С. 180–181.

1986

105. Богатиков О. А. Творческое наследие академика А. Н. Заварицкого // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. М.: Наука, 1986. С. 3–6.

106. Дмитриев Ю. И. Проблема образования базальт-риолитовых ассоциаций Исландии // Там же. С. 89–108.

107. Добрецов Н. Л. Развитие идей А. Н. Заварицкого в области метаморфической петрологии и метаморфогенного рудообразования // Там же. С. 28–33.

108. Заварицкий А. Н. // Горная энциклопедия. М., 1986. Т. 2. С. 326–327.

109. Маракушев А. А. К петрографии метеоритов СССР // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. М., 1986. С. 6–28.

110. Маракушев А. А. К столетию со дня рождения А. Н. Заварицкого // Бюл. МОИП. Сер. геол. 1986. Т. 61. Вып. 3. С. 121–128.

111. Малахов И. А. Петрология Нижнетагильского пироксенит-дуניתового массива на Среднем Урале. // Исследования по петрологии и металлогении Урала. Свердловск, 1986. С. 38–48.

112. Михайлов Н. П. Значение идей А. Н. Заварицкого в вопросах классификации и номенклатуры магматических горных пород // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. М., 1986. С. 108–115.

113. Краснобаев А. А., Холоднов В. В., Степанов А. И. Происхождение пород Бердяшского массива // Исследования по петрологии и металлогении Урала. Свердловск, 1986. С. 76–84.

114. Прокин В. А. Идеи А. Н. Заварицкого в исследовании геологии и генезиса колчеданных месторождений // Исследования по петрологии и металлогении Урала. Свердловск, 1986. С. 105–112.

115. Рудник В. А. Зональность и состав геосфер Земли // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. М., 1986. С. 57–89.

116. Святловский А. Е. А. Н. Заварицкий – основоположник дистанционных исследований вулканов СССР // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1986. № 1. С. 138–139.

117. Смирнов Г. А. О некоторых чертах творчества А. Н. Заварицкого // Исследования по петрологии и металлогении Урала. Свердловск, 1986. С. 3–12.

118. Чащухин И. С., Переводчиков Б. В., Царицын Е. П. Метаморфизм гипербазитов массива Рай-Из (Полярный Урал) // Исследования по петрологии и металлогении Урала. Свердловск, 1986. С. 49–75.

119. Штейнберг Д. С. Развитие идей А. Н. Заварицкого о сериях магматитов // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. М., 1986. С. 33–57.

120. Штейнберг Д. С. Современные достижения в области петрологии на Урале после А. Н. Заварицкого // Исследования по петрологии и металлогении Урала. Свердловск, 1986. С. 12–37.

1989

121. Заварицкий А. Н. // Краткий геологический словарь для школьников. М., 1989. С. 52.

1991

122. Сонин Л. М. Люди и клады: очерки по истории геологических открытий на Урале. Челябинск, 1991. С. 17–25.

1992

123. Муталов М. Наш земляк – академик А. Н. Заварицкий // Правда и легенды о камнях уральских. Уфа, 1992. С. 172–174.

124. Соловьев С. П., Доливо-Добровольский В. В. История Всесоюзного Минералогического общества. С.-Пб., 1992. 334 с.

1994

125. Галигузов И. Ф., Баканов В. П. Станица Магнитная. Магнитогорск, 1994. С. 209–211.

126. Горячев Ю. Н., Чернецов В. П. Сатка в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1994. С. 13, 47.

1997

127. Заварицкого ледник // Архипова Н. П. Имена ученых и путешественников на карте Урала. Екатеринбург, 1997. С. 37.

1998

128. Анфимов Л. В. Идеи А. Н. Заварицкого и современные представления о происхождении рифейских сидеритов и магнетитов на Южном Урале // Проблемы петрогенеза и рудообразования. Екатеринбург, 1998. С. 7–8.

129. Буторина Л. А. К уральской страничке жизни А. Н. Заварицкого // Проблемы петрогенеза и рудообразования. Екатеринбург, 1998. С. 20–21.

130. Трофимов Е. П. Бакал: сквозь призму лет. Челябинск, 1998. С. 106, 110, 115, 121, 289.

131. Яржемская Л. Уральская страничка длиною в жизнь // Мой приветливый город Миасс. Миасс, 1998. С. 67–68.

1999

132. Буторина Л. А. Заварицкий А. Н. // Календарь знаменательных дат: Челябинская обл. Челябинск, 1999. С. 33–35.

133. Гареев Э. З. Академик А. Н. Заварицкий // Вестник АН РБ, 1999. Т. 4. № 3. С. 57–58.

2000

134. Буторина Л. А. А. Н. Заварицкий: корни и древо // Палеозоны субдукции. Екатеринбург, 2000. С. 3–5.

135. Буторина Л. А. Вдали от разрывов снарядов: А. Н. Заварицкий в годы войны на Урале // Коллизионная стадия развития подвижных поясов. Екатеринбург, 2000. С. 13–16.

136. Заварицкий А. Н. // Творцы уральской геологии. Екатеринбург, 2000. С. 68–70.

137. Канонеров А. А., Чудинова Н. Д. Гора Соловьева. Н. Тагил, 2000. С. 17.

138. Мелуа А. И. Геологи и горные инженеры России: энциклопедия. М.-СПб: Гуманистика, 2000. (о Заварицком А. Н. С. 233).

139. Соловьев Ю. А., Бессуднова З. А., Пржедецкая Л. Т. Отечественные действительные и почетные члены Российской Академии наук XVIII–XX вв. Геология и горные науки. М., 2000. (об А. Н. Заварицком С. 176–179).

140. Филатов В. В. Тайна «горного ведомства». Екатеринбург, 2000. С. 133–134.

2001

141. Буторина Л. А. Рудознатец XX века. А. Н. Заварицкий // Тагильский край в панораме веков. Вып. 2. Н. Тагил, 2001. С. 355–356.

142. Буторина Л. А. Хроника чтений памяти академика А. Н. Заварицкого // Постколлизийная эволюция подвижных поясов: тез. докл. междунауч. конф. (7 чтений А. Н. Заварицкого). Екатеринбург, 2001. С. 4–8.

143. Заварицкий А. Н. // Архипова Н. П., Филатов В. В. Исследователи природы Урала. XX век. Екатеринбург, 2001. С. 153–155.

144. Ефимов А. А. А. Н. Заварицкий – академик и моралист в науке // Уральский геологический журнал. № 5 (23). 2001. С. 116–120.

2002

145. Буторина Л. А. Полвека памяти: (А. Н. Заварицкий) // Рифты литосферы. Матер. междунауч. конф. (8 чтений А. Н. Заварицкого). Екатеринбург, 2002. С. 4–5.

146. Буторина Л. А. 17 МГК в Ильменах // Третьи Всероссийские научные чтения памяти ильменского минералога В. О. Полякова. Миасс: Геотур, 2002. С. 34–42.

147. Речкалова С. А. А. Н. Заварицкий – исследователь Урала // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала: матер. 3 регион. науч. конфер. Челябинск, 2002. С. 208–212.

2003

148. Заварицкий Александр Николаевич // Миасс: энциклопедический словарь. Миасс, 2003. С. 146.

2004

149. Г. Б. Ферштатер Александр Николаевич Заварицкий (к 120-летию со дня рождения) // Литосфера, 2004. № 2. С. 134–136.

150. А. Н. Заварицкий // Буторина Л. А. Геологи – исследователи Ильмен. Екатеринбург, 2004. С. 37–38.

151. Буторина Л. А. Несколько строк о жизни Александра Николаевича Заварицкого // Наука. Общество. Человек: Вестник УрО РАН. Екатеринбург, 2004. № 4. С. 60–68.

152. Буторина Л. А. Суровый, справедливый, добрый: воспоминания об Александре Николаевиче Заварицком // Геология и металлогения ультрамафит-мафитовых и гранитоидных интрузивных ассоциаций складчатых областей: матер. научн. конф. (10 Чтения А. Н. Заварицкого). Екатеринбург, 2004. С. 5–9.

2005

153. Полтавец З. И., Нечкин Г. С. XI Чтения памяти академика А. Н. Заварицкого // Литосфера, 2005. № 3. С. 177–179.

Газетные публикации о Заварицком А. Н.

1. Горняцкая правда. 1939. 7 февр. № 5. «Передовые советские ученые. Академик А. Заварицкий».
2. Уральский рабочий 1939. 15 апр. «Академики Бардин и Заварицкий в Свердловске».
3. Уральский рабочий. 1940. 21 июля. «Академик А. Н. Заварицкий в Свердловске».
4. Известия. 1943. 23 марта. № 68. (Сталинская государственная премия – 100000 руб.)
5. Правда. 1944. 18 марта. № 67. (награждение орденом).
6. Известия. 1944. 18 марта. № 66. (то же).
7. Уральский рабочий. 1944. 7 апр. № 85. Иванов А. А., Иванов С. Н. «А. Н. Заварицкий».
8. Правда. 1946. 27 янв. № 23. (Сталинская государственная премия 200000 руб.).
9. Геолог Башкирии. 24 янв. 1968. Хусаинов А. Т. «Выдающийся земляк».
10. Вечерняя Уфа. 25 авг. 1969. Муталов М. «Наш земляк-академик А. Н. Заварицкий».
11. Вечерняя Уфа. 2 февр. 1973. № 28. М. Муталов, А. Хусаинов «Искатель руд неутомимый».
12. Магнитогорский рабочий. 4 апр. 1974. Галкина О. «Исследователь горы Магнитной».
13. Вечерняя Уфа. 25 июля. 1977. № 170. М. Муталов, А. Хусаинов «Видный ученый».

14. Вечерняя Уфа. 1 апр. 1978. № 74. Узиков Ю. «Эстафета».
15. Саткинский рабочий. 21, 23, 30 авг. 1979 года. Чернецов В. «Замечательные люди, которые знали наш город».
16. Вечерняя Уфа Муталов М., Хусаинов А. «Исследователь Урала».
17. Наука Урала (Екатеринбург). 25 марта. 1982. № 11. Смирнов Г. «Неутомимый исследователь уральских недр».
18. Челябинский рабочий. 14 марта 1984 Сергиенков Н. «Разведчик уральских недр».
19. Миасский рабочий. 17 марта. 1984. № 54. Буторина Л. «Исследователь уральских недр».
20. Челябинский рабочий. 7 апр. 1984. Кориневский В. Г. «Памяти геолога».
21. Наука Урала. 16 апр. 1984. № 15. Кориневский В. «Разносторонний талант ученого».
22. Уральский рабочий. 1984. 14 марта. Смирнов Г. «Геологическими тропами Урала».
23. Латвийский моряк. 23 авг. 1986. № 34. «Имя на борту: академик Заварицкий».
24. Магнитогорский рабочий. 13 окт. 1989. Усольцев В. «Первый разведчик горы Магнитной: из записок геолога».
25. Магнитогорский рабочий. 4 апр. 1991. Сергеев О. «У истоков города: страницы истории».
26. Миасский рабочий. 4 янв. 1992. Панфилова И. М. «Памяти ученого».
27. Глагол (г. Миасс). 18 июля 1998. № 52. Яржемская Л «Уральская страничка длиною в жизнь».
28. Вечерняя Уфа. 5 апр. 2003. Ю. Узиков «Геолог Заварицкий».
29. Наука Урала. март 2004. № 6–7. Ефимов А. А. «Александр Николаевич Заварицкий и русская петрография».
30. Наука Урала, окт. 2004. № 23. Шардакова Г. «Юбилейные чтения А. Н. Заварицкого».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поторопиться с выходом в свет незаконченной книги об Александре Николаевиче Заварицком побудило автора печальное обстоятельство: 8 ноября 2005 года ушел из жизни сын академика – Владимир Александрович. Он писал 25 декабря 1995 года: «Для Вас у меня хранятся выдержки из моих «Воспоминаний» об отце. Писать что-либо специально об отце не собираюсь. Это очень ответственная работа, а я его так мало знаю». 24 декабря 2000 года: «Предполагаемый выход в свет книги об отце могу только приветствовать, хотя едва ли удастся показать, насколько сложна была его жизнь. Я с удовольствием помогу Вам в чем смогу. Пишите». Владимир Александрович действительно много материала редактировал, давал советы, но прочитать книгу не успел.

Почему книга не закончена? Что хотелось бы еще включить в нее? Прежде всего нужно рассказать о школе А. Н. Заварицкого. Пожалуй, наиболее близко к нему стоял по работе А. Г. Бетехтин. Долгие годы с Александром Николаевичем работали Г. И. Водорезов и В. М. Сергиевский, а также Л. Г. Кваша, которая в камеральных работах была для него незаменимым помощником. Его учениками считали себя Ю. А. Билибин, В. А. Глазковский и А. А. Глазковский, Г. С. Лабазин, В. П. Батулин, Н. Н. Озеров, П. М. Татарин, Д. С. Коржинский, В. С. Соболев, Г. С. Горшков, Б. И. Пийп, И. К. Никитин, С. П. Соловьев, С. Н. Иванов, В. И. Влодавец и др. Список этот можно было продолжить и дальше.

«Сейчас, спустя десятилетия со дня безвременной кончины Александра Николаевича Заварицкого, мы все больше понимаем величие разума, фундаментальность идей выдающегося ученого, справедливость которых подтверждена позднейшими исследованиями» – писал О. А. Богатиков в 1986 году. Разнообразен спектр геологических интересов Александра Николаевича, разнообразен и спектр работ его последователей. Обобщить эти работы – трудная, но интересная задача.

Не раскрыты педагогическая деятельность Александра Николаевича в МГУ в начале 50-х гг., организационная работа его на посту президента Всесоюзного минералогического общества, работа А. Н. Заварицкого в Московском обществе испытателей природы.

Совершенно белым пятном остается период пребывания А. Н. Заварицкого в Томске (двадцатые годы), организационная

работа его как директора в Геологическом институте АН СССР. Хотелось бы найти документы, раскрывающие деловые и личные отношения Александра Николаевича и Николая Михайловича Федоровского, их путь не раз пересекался, но родные ни того, ни другого ничего об этом не знают. Интересной темой являются взаимоотношения Александра Николаевича и Ефрема Александровича Кузнецова.

Не полностью собран фотоматериал по теме «Память об А. Н. Заварицком». Так что работы предстоит еще много.

Но, главное, имеется очень много документов или их фотокопий, редких фотографий или рисунков, отражающих жизнь и деятельность Александра Николаевича. Наверняка читатель захотел бы увидеть герб дворянского рода Заварицких, семейные фотографии; здания, в которых жили и учились Заварицкие, тем более, что ныне они не существуют; метрику о рождении Александра Николаевича, его зачетную ведомость к Диплому, фото преподавателей Горного института. Редкие снимки работы А. Н. Заварицкого на Полярном, Среднем и Южном Урале. Фото работ на Камчатке. Фото рабочих кабинетов Александра Николаевича. Удостоверения к правительственным наградам и почетным званиям. Телеграммы соболезнования по случаю неожиданной смерти А. Н. Заварицкого. Есть фото: судно-рефрижератор «А. Н. Заварицкий»; каменная карта Ильменского заповедника, выполненная на основе карты А. Н. Заварицкого; его личные печатная машинка и микроскоп; вулкан, кальдера, лавовый поток и горный хребет имени Заварицкого и многое другое. Всего собрано 178 фото и документов, 96 представлено впервые. Конечно, для издания этого материала нужны крупные финансовые вложения, ведь 79 работ требуют реставрации, да и издание всего этого материала не дешево.

К сожалению, пока не найдены спонсоры, которые заинтересованы в выходе такой книги, но будем надеяться, что они найдутся, и многие наши соотечественники увидят эту книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ДЕТСТВО и ЮНОСТЬ.....	6
ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ ГОДЫ.....	31
МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ.....	42
В БУДНЯХ ВЕЛИКИХ СТРОЕК: годы тридцатые.....	57
ВДАЛИ ОТ РАЗРЫВОВ СНАРЯДОВ.....	79
НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: последние годы.....	97
УЧАСТИЕ А. Н. ЗАВАРИЦКОГО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНГРЕССАХ.....	120
А. Н. ЗАВАРИЦКИЙ – ПЕДАГОГ.....	130
УСЕРДИЕ К УСЛУГЕ ОТЕЧЕСТВА И К ПОЛЬЗЕ ОНАГО ЛЮБОВЬ.....	148
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕОЛОГОВ ОБ А. Н. ЗАВАРИЦКОМ.....	161
В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ.....	168
ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА.....	183
ПАМЯТИ АКАДЕМИКА А. Н. ЗАВАРИЦКОГО.....	190
РОЖДЕНИЕ КНИГИ.....	211
ПРИЛОЖЕНИЕ: литература о Заварицком А. Н. и о значении его работ.....	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	251

Буторина Людмила Аркадьевна

Научное издание

**ЗАВАРИЦКИЙ
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ:
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом ИМин УрО РАН

Корректор Тарабанько О. Ф.
Компьютерная верстка Л. Б. Новокрещенова

Книга издана на личные средства автора.
Издательство ООО «Геотур»
Лицензия № 063431 от 25.08.1999.
Челябинская обл., г. Миасс, Октября, 66

Уч. изд. л. 15.6. Тираж 200 экз.